СУДЬБЫ

ЦЕРКОВНАГО ЯЗЫКА.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

П. Билярскаго.

(№№ I и II удостоены Демидовскою премiею).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1848.

ПРОВ. 1958

PG
400
Я3

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ 20 Декабря 1848 года.

Цензоръ *И Срезневскій.*

БИБЛИОТЕКА
[illegible] ОТДѢЛЕНІЯ
АКАДЕМІИ
3360
25

II.

О КИРИЛЛОВСКОЙ ЧАСТИ

РЕЙМСКАГО ЕВАНГЕЛІЯ.

In der Wissenschaft, der Allversöhnerin, gilt weder Franzose, noch Moskowite, noch Illyrier: sie ist Gemeingut und gehört Allen mit gleichem Rechte an.

Kopitar 1838.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При взглядѣ на заглавіе книги читатель, вѣроятно, тотчасъ вспомнитъ созданный имъ образъ филологіи и палеографіи, съ извѣстною обстановкою ихъ уставомъ и полууставомъ, юсами и полугласными, и другими античными принадлежностями, конечно, весьма почтенными, но зато интересными развѣ для однихъ «буквоѣдовъ». Книга однакожъ является съ претензіями на общее вниманіе — и не только касты археологовъ и филологовъ, но и обыкновенныхъ любителей просвѣщенія. Заслуживаетъ ли она вниманія послѣднихъ, пусть судятъ они по ея содержанію. Но мнѣ кажется, что въ настоящее время гораздо легче заинтересовать филологіей послѣднихъ, чѣмъ для смиреннаго разбора ошибокъ стариннаго писца очистить въ литературѣ мѣстечко между прославленными направленіями сравнительно-историческаго, физіологическаго, неологическаго языкоизслѣдованія и другихъ quasi-логическихъ методовъ. Я увѣренъ впрочемъ, что и направленію этой книги отведутъ уголокъ въ ученой литературѣ,

хотя едвали позаботятся разсудить, это ли должно принадлежать ему мѣсто? Сама книга ничего не говоритъ прямо о важности своего направленія для филологіи: она занята самымъ выполненіемъ труда по данному направленію. Пусть же скажетъ о томъ предисловіе.

Авторъ предался исключительно церковно-славянскимъ изслѣдованіямъ въ слѣдствіе убѣжденія, пріобрѣтеннаго чтеніемъ Я. Гримма, Боппа, Потта, Дица и др., особенно же В. Гумбольдта (физіологіи, фонологіи, quasi-организмы языка и другія произведенія ученой фантазіи были при этомъ полезны отрицательно). Твердостью этого убѣжденія онъ обязанъ корифеямъ лингвистовъ почти столько же, какъ и нѣкоторымъ славянистамъ. Онъ полагаетъ, что отъ Введенія Гумбольдта для славянскаго филолога самый первый и самый вѣрный шагъ — къ церковной азбукѣ. Кто же послѣ Введенія чувствуетъ поползновеніе — философствовать, тотъ, по его мнѣнію, не понимаетъ Гумбольдта. Равнымъ образомъ, онъ увѣренъ, что сравнительно-лингвистическая метода, не обуздавъ себя въ строгой школѣ церковно-славянскихъ изслѣдованій, не найдетъ исторіи языка и не оживитъ науки. Кто возмется за изученіе новыхъ славянскихъ языковъ (и русскаго въ особенности) безъ древняго церковнаго, тотъ ничего не сдѣлаетъ изъ нихъ для науки. Древній церковный языкъ есть единственно-вѣрная точка отправленія для

всѣхъ направленій славянской филологіи, а единственная дверь въ сферу церковнаго языка — первоначальная филолого-палеографическая критика памятниковъ. Кто захочетъ миновать этотъ путь, тотъ останется внѣ сферы церковно-славянскаго языка, не овладѣетъ его матеріаломъ, а будетъ получать его изъ вторыхъ рукъ, принимая иногда мишуру за золото. *Все это можно доказать фактами*, — разумѣется, не въ предисловіи. Здѣсь эти мысли высказываются безъ всякой претензіи убѣждать въ нихъ кого-либо, а только для того, чтобы было на что указать тогда, когда ни для кого не нужно будетъ ихъ доказывать.

Но вотъ чего нѣтъ нужды доказывать и нынѣ: усовершенствованіе филологической критики составляетъ самую ощутительную нужду, самую настоятельную потребность нынѣшняго состоянія науки: это убѣдительно доказываетъ нашъ памятникъ своею судьбою въ рукахъ ученыхъ славянистовъ.

Впрочемъ историческій ходъ извѣстій и изысканій о Реймскомъ Евангеліи должно раздѣлить на двѣ части, которыя имѣютъ не одинаковое значеніе для нынѣшняго состоянія вопроса. Пограничную черту между ними составляетъ 1836 годъ, когда Реймское Евангеліе было снова открыто и мало по малу сдѣлалось доступно для положительныхъ историческихъ и критическихъ изысканій. Извѣстія и предположенія предъиду-

щей эпохи, конечно, имѣли вліяніе на изъисканія послѣдующей, но они могли только приготовить вниманіе и участіе къ памятнику и сообщить этому участію особенный характеръ, не но опредѣлить истинное значеніе памятника. Поэтому, извѣстія предъидущей эпохи мы помѣщаемъ здѣсь отдѣльно, какъ прологъ ученой исторіи памятника, хотя онѣ и сами по себѣ значительны въ исторіи общаго и ученаго образованія своєй эпохи. Въ свою очередь эта часть опять раздѣляется на двѣ половины: въ первой извѣстія говорятъ о памятникѣ, какъ о существующемъ въ Реймскомъ соборѣ, во второй памятникъ считается погибшимъ

I.

1717. 27 Іюня. *Петръ Великій*, проѣзжая черезъ Реймсъ, по преданію, объявилъ Реймское Евангеліе Славянскимъ.

1718. *Piganiol de la Force*, Nouvelle description de la France. Paris. Troisième partie. Chap. II: Reims. (Первое изданіе этой многотомной книги началось съ 1715 г.).

1724. *Онъ-же*, Nouveau voyage en France. Paris. Tome II p. 202. (По Silvestre de Sacy. Есть еще изданія 1755, 1770 и 1780 годовъ).

1726. 18 Іюня Русскій Посланникъ разсматривалъ вмѣстѣ съ своимъ секретаремъ Реймское Сл. Ев. (По запискѣ Реймскаго Собора, напеч. у L. Paris 1837 и у Строева 1841).

1732. *Pluche*, Le Spectacle de la nature ou Entretiens sur l'histoire naturelle et les sciences. Paris. 8 tomes en 9 volumes. (Нѣм перев. подъ заглавіемъ: Schauplatz der Natur. .. сталъ выходитъ въ Вѣнѣ съ 1747 года и въ Нюрнбергѣ 1760—72. Выписка изъ Плюша у Silvestre 1841. листъ 91).

1758 *Büsching*, Neue Erdbeschreibung. 3-te Auflage. 2-ter Theil. Hamburg. p. 399. (Изданіе Бюшинга начинается съ 1754 и переведено на разныя языки. У насъ подъ рукою только 3-е изд.)

Ок. 1782. По желанію Императрицы *Екатерины II*, Французское правительство доставило записку о Р. Ев. (Напеч. въ Сынѣ Отеч. 1839 подъ заглавіемъ: Note sur un texte des Evangiles que possède l'église de Reims).

1785 или 1786. *Meyer's* Briefe aus der Hauptstadt und dem Innern Frankreichs (упоминаемыя Фелкнеромъ въ 1797 г).

1787. Heinrich *Storch*, Skizzen, Scenen und Bemerkungen auf einer Reise durch Frankreich gesammelt. Heidelberg p. 360 (2-te Ausg. 1790).

1789. *Thomas Ford Hill* въ бесѣдѣ съ Альтеромъ и Дурихомъ призналъ видѣнную имъ вторую часть Р. Е. Глаголитскою. (См. Альтеръ 1799, Добровскій 1808).

1790. *Добровскій* видѣлъ Р. Е. на своемъ мѣстѣ. (По ссылкѣ Круга въ 1806 г. на какую-то журнал. статью и по упоминанію у Легисъ Гликзелиха 1847 р. 658).

Ок. 1795. Фортунатъ *Дурихъ* въ неизданной 2-й части 1-го тома его Bibliotheca Slavica, упоминаемой Альтеромъ въ 1799 и Добровскимъ въ 1808 году.

1797. *Volkner*, Allgemeiner litterarischer Anzeiger. Leipzig. N. LXXIII. p. 752.

1799. *Alter*, Philologisch-Kritische Miscellaneen. Wien. p. 242 — 244.

II.

— * *S(ilvestre) de S(acy*, Magasin encyclopedique, rédigé

par Millin. V. Année. Tome sixième. A Paris. p. 457—458 (Въ разборѣ сочиненій Альтера. (*)

1801. * *Eichhorn*, Allgemeine Bibliothek der biblischen Litteratur. Band X p. 530—531 (По Silvestre de Sacy).

— * *Alter*, Allgemeiner litterarischer Anzeiger. Leipzig. p. 1165—1167 (По Silvestre de Sacy).

— * *Онъ-же*, Beitrage zur praktischen Diplomatik fur Slaven. Wien. p. 151 — 154.

1802. * *Schlozer*, Russische Annalen. 1-ter Theil. Gott. 1802. p 42; по русск. перев. стр. 65.

— Friedr. Ioh. Lor. von *Meyer*, Briefe ans der Hauptstadt und dem Innern Frankreichs unter der Consular-Regierung. Stuttgard 1802, 2 Theile. (2-te Ausg. Tub. 1803).

1806. * *Krug*. въ письмѣ къ Шлецеру, помѣщ. въ его Forschungen in der alteren Geschichte Russlands. Pet. und Leipzig. 1848. Einleitung. p. LIV. LV.

1808. * *Dobrowsky*, Slavin. Beitrage zur Kenntniss der Slawischen Literatur.... nach allen Mundarten. Prag. 1808. p. 69 70. 275—279.

1817. *Géruzez*, Description hist. et stat. de la ville de Reims. T. I. p. 318. (Выписка у Строева стр. 10).

1822. * *Dobrowsky*, Institutiones linguae slavicae. Vindob. Praef. p. XIV. (По Русск. изд. стр. XIV).

1824. * *Jacob Grimm* въ письмѣ къ Добровскому, напечат. въ Oesterreichische Blatter fur Literatur und Kunst von Adolf Schmidl. Wien. 1846. N 79. p. 609.

— * *Dobrowsky*, въ письмѣ къ Пертцу, напеч. въ Archiv der Gesellschaft fur altere deutsche Geschichtskunde, herausgegeben von G. H. Pertz. Hannover. V-ter Band. p. 666.

1825. * *Кеппенъ*, въ Библіографическихъ Листахъ 1825 года. Спб. N 34. стр. 492.

1826. * *Schafarik*, Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur. Ofen p. 131.

(*) Въ отмѣченныхъ этимъ знакомъ статьяхъ Р. Е. считается погибшимъ.

1832. * Graf Joh. Wilh. zu *Sternberg-Manderscheid* въ письмахъ къ Ганкѣ изъ Парижа, по извѣстію въ Oester. Blatter 1847. N. 166. p. 658.

1834. * *Dobrowsky*, Slavin. 2-te verbesserte Auflage von W. Hanka. Prag. p. 67. 146. 154—157.

1835. * *Legis Gluckselig*, Jahrbucher für wissenschaftliche Kritik. Berlin I. N 26. p. 219. (Въ разборѣ 2-го изд. Добровскаго «Slavin»).

I.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКАЯ ОЦѢНКА

ИЗЪИСКАНІЙ

О РЕЙМСКОМЪ ЕВАНГЕЛІИ.

§ 1.

ЛИТЕРАТУРА РЕЙМСКАГО ЕВАНГЕЛІЯ.

III.

1836. «Древнее извѣстіе объ Аннѣ Ярославовнѣ и Славянское Евангеліе въ Реймсѣ» въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Генварь. 1836. Часть IX. Отд. VI. 4. стр. 229. (N 1. Извѣстіе сост. по письму А. И. Тургенева изъ Парижа; перепеч. отчасти у Строева стр. 13).

— * *Kopitar*, Glagolita Clozianus. Vindob. 1836. p. X.

— * J. *Grimm*, Gelehrte Anzeigen. Gottingen. N. 34. p. 329 (3. März). (Въ разборѣ Glag. Cloz.)

— * (*Fesl*), Neue theologische Zeitschrift. Herausgegeben von J. Pletz. Wien. 9-ter Jahrgang 1-ter Band. p. 351. (Въ разборѣ Glag. Cloz.)

— * Moriz *Haupt*, Jahrbücher der Literatur. Wien. Band LXXVI. (Oct. Nov. Dec.) p. 114. (Въ разб. Glag. Cl.)

— *Кеппенъ*, въ письмѣ отъ 22-го Марта къ Ганкѣ (и къ Копитару), напечатанномъ въ извлеченіи въ Oesterreich. Blatter 1847. N. 166. p. 658.

— (* *Kopitar*), Die Kirchenbücher der Russen, въ Журн. Das Ausland. München. N. 128—130 (7—9 Mai) p 514. 515. 518.

— (* *Kopitar*), Die Kirchenbücher der Russen, въ Oesterreichische Zeitschrift fur Geschichtskunde von Kaltenbaeck. Wien N. 86 — 88 (26 Oct.—2 Nov.) p. 345. 346. 350.

— (*Kopitar*) «Nachschrift» къ предъидущей статьѣ, тамъже въ N. 88. p. 350. (Перепеч. у Строева стр. 21).

— Письмо Священника при Русскомъ Посольствѣ въ Парижѣ, въ Іюлѣ, напеч. у Строева стр. 19. 20.
— (Conte *Castiglioni*), Biblioteca Italiana. Milano. Tom LXXXII, (въ разборѣ Glag. Cl. p. 9 на особ. оттискѣ).
— *Kitg*, въ оставшихся послѣ него письменныхъ замѣткахъ. (См. ниже стр. 27).
1837. * *Purkinje*, Jahrb. fur wiss: Kritik. Berlin. I. N. 102 p. 810. (Въ разб. Glag. Cloz.)
— *Schmeller*, Gelehrte Anzeigen. Munchen. N 141. p. 99. 100. (Въ разб. Glag. Cloz.)
— Louis *Paris*, La Chronique de Champagne. Tome I. См. статью: Manuscrit Slavon sur lequel les rois de France prêtoient serment à leur sacre. p. 40—52. (По Строеву). p 401 et suivantes (По Сильвестру).
1838. (*Kopitar*), Das wiederentdeckte Kronungsevangelium von Rheims. (Le texte du sacre.) Въ Blätter für literarische Unterhaltung. Leipzig. N 34. 35.
— *Шафарикъ*, Časopis Českého Museum. 1838 p. 252. 253.
1839. С. *Строевъ*, въ Журн. Мин. Нар. П. Ч. XXI. Отд. II. стр. 87—103. (Генварь).
— Rozmaitości Lwowskie. N 50.
— L. *Paris*, Chronique de Champagne. II. p. 204 (по Копитару).
— С. *Строевъ*, въ Сѣверной Пчелѣ. N. 131,
— *Онъ-же* и тамъ же N. 260.
— *Hanka*, Časopis Českého Museum. p. 491—499.
— Časopis pro Katol: Duchowenstwo p. 816—823.
— *Kopitar*, Hesychii Glossographi discipulus et epiglossistes Russus. Vindobonae p. 30 31. 54. 65. 66. 72.
— *Eichhof*, Histoire de la langue et de la littérature slave. Paris. p. 183.
— (*Н. Полевой*?), въ Сынѣ Отечества. С. Пет. Т. VIII. Отд. VI. стр. 70. 71.
— *Jastrzębski*, въ Journal général de l'instruction publique de 4. et. 7. Septembre. Paris.
— *Maciejowski*, Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian. Pam. II. W Peterb. i w Lipsku. p. 12.
1840. Ost und West. Blatter für Kunst, Literatur. Prag. N. 4.
— Allgemeine Literatur—Zeitung. Halle. Intelligenz-Blatt. N. 4.
— Almanach de Carlsbad. p. 224—238.
— А., въ Сѣверной Пчелѣ. N. 28.

— *Hanka*, Časopis Českého Museum. стр. 188—194.
— M. *Wiszniewski*, Historya Literatury Polskiéj. Tom I. Kraków. p. 166.
— *Pott*, въ статьѣ Indogermanischer Sprachstamm въ Allg. Encyclopaedie der Wissenschaften von Ersch und Gruber. 2-te Section. 18-ter Theil. Leipzig. p. 108.
— *Schafarik* und *Palacky*, Die aeltesten Denkmaler der Böhmischen Sprache въ Abhandlungen der K. Böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. 5-ter Folge 1-ter Band. Prag 1841. p. 160 (Особ. оттиски вышли въ 1840 г.)
— *Срезневскій* въ Отечественныхъ Запискахъ. Т. 10. Отд. VII. стр. 1—6 (Май).
1841. Biblioteka Warszawska. Tom pierwszy p. 430.
— *Silvestre*, Paléographie universelle. Quatrième partie. Paris. (91—94).
— *Априловъ*, Болгарскіе Книжники, или какому Славянскому племени собственно принадлежитъ Кирилловская азбука? Одесса. стр. 19 (перепеч. изъ Одесс. Вѣстника).
— *Онъ-же*, Денница Ново-Болгарскаго образованія. Часть первая. Одесса. Стр. 14. 27.
— *Maciejowski*, Biblioteka Warszawska. Tom drugi. p. 64. (въ разборѣ Вишневскаго).
— *Онъ-же*, Biblioteka Warszawska. Tom trzeci. p. 118.
— *A. Tyszyński*, Biblioteka Warszawska. Tom trzeci p. 266.
— *Jastrzębski*, Письмо изъ Парижа отъ 12-го Сент. 1841 г., напеч. въ стат. Ганки подъ заглавіемъ: Wypisky... p. 205—208.
— *С. Строевъ*, Описаніе памятниковъ Славяно-Русской литературы, хранящихся въ Публичныхъ Библіотекахъ Германіи и Франціи. Москва стр. 6—30.
— *Востоковъ*, въ томъ же «Описаніи», стр. 150.
— *Погодинъ*, въ Москвитянинѣ, часть III. стр. 490—498. (Разборъ соч. Строева).
— Časopis pro kat. Duchowenstwo p. 327—334.
1842. Časopis Českého Museum. p. 150.
— *Palacky*, Geschichte von Bohmen. 2-ten Bandes 2-te Abtheilung. Prag. p. 305. 306.
— *Шафарикъ*, Slowanský Narodopis. W. Praze p. 38 (стр. 35 по Русск. переводу).
— Leo Graf von *Thun*, Ueber den gegenwärtigen Stand der böhmischen Literatur und ihre Bedeutung. Prag. p. 27.
— *Hánka*, Wýpisky Remeškého a Ostromjrského Ewangeli-

um, въ Abhandlungen der K. Bohmischen Gesellschaft der Wissenschaften. 5-ter Folge 2-ter Band. Prag. 1843. p. 204—216. (Особ. оттиски вышли въ 1842 году).

1843. Almanach de Karlsbad. p. 216—226.

— Денница, изд. П. Дубровскимъ въ Варшавѣ стр. 80.

— Slawen und Germanen. Leipzig. p. 105.

— (*Погодинъ*), въ Москвитянинѣ. Часть I. стр. 630.

— *Востоковъ*, въ Остромировомъ Евангеліи. Спб. въ Предисловіи стр. IV. V.

— Evangéliaire slave de Reims, ou Texte du Sacre fac-simile et publié par J. B. *Silvestre*. Ouvrage dedié à S. M. L'EMPEREUR de Russie. Paris.

— *Kopitar*, Prolegomena historica къ Сильвестрову изданію P. E. Parisiis. p. I—XIX. (Въ Русск. перев у Паплонскаго 1848).

— *Westwood*, Palaeographia Sacra pictoria, or select illustrations of ancient illuminated biblical and theological manuscripts. London, W. Smith.

1844. Wiener Zeitung. № 9.

— *K(opitar)*, «Weitere Erlauterung uber das Rheimser und das Ostromir'sche Evangelium» въ Wiener Zeitung N 31.

— *Бередниковъ*, въ Журн. Мин. Нар. Пр. Ч. XLII. Отд. II. стр. 87. (Май).

— *Peschek*, Geschichte der Gegenreformation in Bohmen. 1-ter Band. Dresden. p. 502.

1845. *Legis Gluckselig*, Jahrbucher fur wiss. Kritik. Berlin. I. N 52. c. (Въ разборѣ соч Пешека).

— *Катковъ*, Объ элементахъ и формахъ Словяно-Русскаго языка. Москва, стр: 17, 88.

— *Линде*, Матеріалы для Сравнительнаго Русскаго Словаря Варшава. Предисловіе, стр: XI.

— *Legis Glückselig*, Oesterr: Blätter. Blatter. N. 138. p. 1074. 1075. (въ разб. Миклошича).

1846. * *Landrin*. Essai sur la philologie slave. Par. M. D. S.....k. Avecun avant-propos par M. Landrin fils. Paris et Leipzig. Avant-propos p. X. XI.

— Jordan, Bohmen. Geschichte des Landes... 2-ter Band. Leipzig p. 251.

— *Maciejowski*, Pierwotne dzieje Polski i Litwy. W. Warszawie. p. 9.

— *Зеленецкій*, О языкѣ Церковно-Славянскомъ. Одесса. стр. 74 — 76.

— *Ганка*, Сазаво-Еммаузское святое благовѣствованіе, нынѣ-же Ремьское... Въ Чешьской Празѣ. — стр: III — XXX.

— *K(unik)*, Das Rheimser Evangelium въ S. Petersb. Zeitung. 1846. N. 68. 69. (23. 24. Marz).
— (*Jordan*), Jahrbücher für slawische Literatur. Leipzig p. 113—115 и 214—215. (Рец. на изд Ганки).
— *Jordan*, Repertorium der Literatur, herausg: von Gersdorf. Leipzig. Heft 31. p. 157—160.
— *П. Дубровскій*, въ Москвитянинѣ N 4. стр: 185.
— *Fahnrich*, Oesterr: Blätter N. 66 (2-ter Juni).
— Legis Glückselig, «Ein Votum-keine Rezension», ibidem N. 79 (2. Juli) p. 609—614. (Отзывъ объ изд. Ганки).
— *idem*, «Kopitariana», ibidem N. 87 (21. Juli) p 679.
— *Срезневскій*, въ Москвитянинѣ. N. 8 стр. 152 — 167. (Рец. на изд. Ганки; перевед. въ Erman's Archiv für w. Kunde Russlands. VI B.)
— (*М.*), Отечественныя Записки. Томъ 49. Отд. VII, стр. 20 — 26. (Рец. на изд. Ганки)
— *Б(илярскій)*, въ Журналѣ Мин. Нар. Пр. Ч. LII. Отд. VI. (Октябрь) стр: 10—27. (Рец. на изд. Ганки).
— *Maly*, Casopis Cesk, Mus. p. 645.
— В. *Григоровичъ* (по извѣстію у Легис-Гликз: въ Oesterr: Blätter 1847. p. 676.)
1847. *K(unik)*, St. Petersburg. Zeitung N. 3. 4.
— *Ed v. Muralt*, ibidem N. 4.
— *Вышнеградскій*, О филологическихъ изслѣдованіяхъ Церковио-Словенскаго нарѣчія, и преимущественно о грамматикахъ сего нарѣчія. С. Пет. р. 79. 80.
— *Miklosich*, въ рецензіи на Остромирово Евангеліе въ Jahrbucher der Literatur. Wien. Band CXIX. Въ особомъ оттискѣ на стр. 19.
— *Legis Glückselig*, Kritische Beitraege zur slawischen Philologie въ Oesterr: Blatter. N. 158. p. 626. N. 159 p. 632. N. 163. p. 646. N. 166. p. 657—660. N. 170 p. 674 — 676. N. 171. p. 679 680. N. 172. p. 683. N. 173. p. 687.
1848. *Паплонскій*, О Реймскомъ Евангеліи въ Журн. Мин: Нар: Пр: ч. LVII и LVIII. Отд: II (N. 2—4. 143 стр.)
— *Ed. de Muralto*. Novum Testamentum graece, ad fidem codicis principis Vaticani edidit, integram varietatem aetatis apostolicae, versionis II vel III saeculi, codd. Alexandrinorum IV vel V, Graecolatinorum VI—VIII S. denuo examinatam et XI codd. Orientalium IV—XV S. nec non Slavonicorum XI—XIII S. nunc primum collatam, antiquissimum tanquam commentarium, cum locis

V. T. e cod. Vaticano allatis et cum lexidio grammatico adjecit Eduardus de Muralto. Hamburgi. Praefatio pag. LIII. LIV.

— *Буслаевъ*, О вліяніи Христіанства на Славянскій языкъ. Москва стр. 200. 206.

— (*Ed. v. Muralt*), St. Petersb. Zeitung. N 245.

— *Востоковъ* въ «Семнадцатомъ присужденіи учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ». Спб. стр. 103—106.

— *Kunik*, Sur quelques points relatifs à l'histoire extérieure de l'Evangile slave de Rheims. Réponse à M. Legis Glückselig. (Читано 22 Декабря 1848 г. въ засѣданіи историко-филологическаго класса Императорской Академіи Наукъ.)

§ 2.

Медленно идетъ впередъ славянская наука!... Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ открытъ знаменитый Texte du Sacre; десять лѣтъ онъ приводитъ движеніе славянскихъ патріотовъ, подстрекаетъ любопытство просвѣщенной Европы, озабочиваетъ славянистовъ; десять лѣтъ занимаются имъ съ такимъ постояннымъ и задушевнымъ участіемъ, какого не удостоивался ни одинъ памятникъ старо-славянской литературы. Десять лѣтъ сряду, не жалѣя трудовъ, не скучая заботами, не щадя издержекъ, старались поставить памятникъ, на удивленіе просвѣщенному міру, во всемъ блескѣ его славной и странной исторіи, и упрочить за нимъ другую славу, достойную прежней судьбы его, — славу значенія для науки. Перерыты архивы и библіотеки, тщательно собраны факты и еще тщательнѣе соображены и связаны искусною рукою, придуманы и передуманы предположенія и приложенія къ умственной и народной жизни, сооружены цѣлыя системы и въ главѣ ихъ поставлены два великолѣпныя изданія, — словомъ, все сдѣлано: остается толь-

ко вопросъ о древности памятника, т. е. вопросъ о томъ, стоилъ ли онъ того, что для него сдѣлано!... Два противоположныя мнѣнія объ этомъ вопросѣ до сихъ поръ еще стоятъ другъ передъ другомъ во всей своей противоположности, и если одно изъ нихъ жалкимъ образомъ обнаружило свою слабость, за то другое остановилось на чистомъ отрицаніи, безъ всякихъ претензій на окончательное рѣшеніе вопроса. Лучшимъ пріобрѣтеніемъ всѣхъ споровъ и изысканій остаются надежды, что будущія изысканія о Реймскомъ Евангеліи должны пойдти основательнѣе; и дѣйствительно, если эта надежда не одно желаніе, если она имѣетъ уже положительное основаніе въ настоящемъ, то, судя по тому, что сдѣлано, и это можно почитать важнымъ успѣхомъ.... Не много чести для славянской учености!

Отъ чего же столько неудачи? Принадлежитъ ли Реймскій памятникъ къ числу такихъ скудныхъ и безцвѣтныхъ остатковъ древности, которые, подобно истертой монетѣ, не представляютъ ни одной рѣзкой черты для своей характеристики, ни одного опредѣленнаго факта для основательнаго сужденія? Или, наоборотъ, славянская филологія находится еще въ такомъ неразумномъ дѣтствѣ, что для ея критики вовсе не подъ силу всякое явленіе, сколько-нибудь выходящее изъ круга обыкновенныхъ и привычныхъ?

Ни того, ни другаго. Реймскій текстъ довольно значителенъ для аналическаго взгляда филолога, и современныя силы славянской филологіи несравненно выше мнимыхъ трудностей нерѣшеннаго вопроса. Славянскимъ патріотамъ нѣтъ причины отчаеваться за будущую судьбу вопроса; а въ разсужденіи нынѣшняго состоянія славянской филологіи ихъ ждетъ отрадная увѣренность, что

въ изысканіяхъ о Реймскомъ Евангеліи филологія въ полномъ вооруженіи своими современными средствами не являлась Истинная причина неудачи не въ наукѣ, а въ учености, не въ нынѣшнемъ состояніи ученаго образованія, а въ разной мѣрѣ его раздѣленія. Со временъ Добровскаго до послѣднихъ сочиненій Востокова, не смотря на непродолжительность этого времени, славянская филологія, какъ и общее образованіе Славянъ, перешла много степеней, испытала много направленій, пріобрѣла много разныхъ стихій; состоянія и направленія общаго образованія различно опредѣляли отношенія дѣятелей науки и къ самой наукѣ, и къ славянскому міру. Все это разнообразіе понятій, направленій, стихій, отношеній, донынѣ совмѣщается въ филологической дѣятельности: разновременныя и разнородныя направленія идутъ одно возлѣ другаго, то дружно переплетаясь между собою и какъ-бы не мѣшая одно другому, то встрѣчаются непріязненно, мѣшаютъ и тѣснятъ другъ друга, и все-таки идутъ вмѣстѣ съ одинаковою увѣренностью въ своемъ правѣ, съ одинаковыми претензіями и къ одной, по видимому, цѣли.

Реймское Евангеліе, по своимъ внутреннимъ свойствамъ и особенно по внѣшнимъ обстоятельствамъ, попреимуществу способно было поддерживать все это разнообразіе интересовъ. Интересы науки, народа, системы, лица — все было вызвано наружу счастливымъ открытіемъ древности, и все искало въ ней для себя пищи и подкрѣпленія. Не мудрено, что въ мнѣніяхъ оказалась разногласица, въ защитѣ ихъ — раздраженіе, въ опроверженіяхъ недоразумѣнія, невниманіе, даже презрѣніе другъ къ другу; неудивительно, если изысканія сбивались съ праваго пути, и немногіе слѣды, указанные строгимъ раз-

судкомъ для отысканія истины, были презрѣны и забыты... Таковъ ходъ изысканій о Реймскомъ Евангеліи: предоставляемъ, кому угодно, похвалиться въ немъ общимъ и всесторонним участіемъ къ отечественной древности.

Тѣмъ не менѣе, даже тѣмъ болѣе имѣетъ современнаго и общаго интереса критическая исторія этихъ изысканій. Еслибы интересы филологіи были одинаковы съ интересами большинства публики, ожидающей отъ исторіи прежде всего драматическаго хода явленій, личной энергіи дѣйствующихъ лицъ въ ихъ стремленіяхъ, въ защитѣ ихъ убѣжденій, и т. п., мы указали бы и этотъ интересъ въ настоящихъ изысканіяхъ, чтобы привлечь къ нимъ участіе публики. Мы показали бы, что и здѣсь, въ этихъ сухихъ палеографическихъ изысканіяхъ, дѣйствуетъ не олицетворенная ученость, но живой человѣкъ съ обыкновенными своими побужденіями, съ чистыми и нечистыми внушеніями своего ума и чувства. Но ученая критика должна выставить этотъ интересъ для того только, чтобы предотвратить на будущее время его появленіе въ области науки. Она должна содѣйствовать къ тому, чтобы навсегда изгнать личныя, народныя и тому подобныя вліянія; она должна оцѣнить умственныя стихіи въ исторіи, чтобы въ настоящемъ очистить науку отъ всякой посторонней примѣси, отъ всякаго незаконнаго вмѣшательства, препятствующаго ея успѣхамъ. Критика должна возстановить неограниченное право науки въ собственной ея области. Въ отношеніи къ филологическому содержанію изслѣдованій о Реймскомъ Евангеліи, исторія ихъ, показавъ испытанныя здѣсь разныя методы и пріемы, и ихъ неудачи, разныя пособія и средства, употребленныя неумѣстно или неправильно, можетъ содѣйствовать къ уничтоженію застарѣлыхъ остатковъ въ нынѣшнихъ фило-

логическихъ понятіяхъ, къ очищенію современности отъ анахронизмовъ, и повести, хотя и отрицательнымъ путемъ, къ яснѣйшему сознанію и къ лучшей оцѣнкѣ истинныхъ успѣховъ въ современномъ состояніи славянской филологіи.

Предпринимая съ этой точки зрѣнія опытъ критической оцѣнки изслѣдованій о Реймскомъ Евангеліи, авторъ осмѣливается питать надежду, что его опытъ принятъ будетъ неравнодушно. Съ своей стороны онъ не позволилъ бы себѣ равнодушія къ одобренію или неодобренію читателей. Но каковъ бы ни былъ судъ ихъ, онъ не отниметъ у автора увѣренности въ своемъ искреннемъ стремленіи содѣйствовать этимъ опытомъ успѣхамъ науки.

§ 3.

Литературная извѣстность Реймскаго Евангелія, какъ видно изъ представленнаго нами реэстра, начинается около половины прошедшаго вѣка. Бюшингъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ собирателей любопытныхъ извѣстій всякаго рода въ прошломъ вѣкѣ, кажется, не безъ удивленія замѣчаетъ, что евангеліе, предъ которымъ французскіе государи произносятъ обѣтъ свой при коронаціи, — славянское. Но то, что въ послѣдствіи возбудило общее и горячее участіе, теперь, очевидно, не произвело никакого впечатлѣнія. Бюшингово извѣстіе было замѣчено только спеціальными учеными или исключительными любителями энциклопедическаго знанія. Тѣмъ болѣе достойно замѣчанія, что знаменитый памятникъ не ускользнулъ отъ вниманія Императрицы Екатерины. Высокая покровительница наукъ, сама нѣкогда трудившаяся надъ сравнительнымъ словаремъ, оказала и въ этомъ случаѣ любознательность, которая сдѣлала бы честь всякому спеціально-ученому того времени. По желанію Государыни, ей доставлена была изъ Франціи записка о памятникѣ, составленная изъ письменныхъ свѣдѣній, найденныхъ въ описяхъ ризницы реймскаго собора (*).

(*) См. статью Н. Полеваго въ Сынѣ Отечества, томъ VIII, стр 70.

поръ нашъ памятникъ, безъ всякаго сомнѣнія, получилъ нѣкоторую извѣстность и между другими Русскими (*): но ему суждено было начать свою новѣйшую исторію позднѣе. Фордъ-Гилль, Дурихъ, Альтеръ составляютъ только прологъ къ этой исторіи, которая начинается собственно Добровскимъ.

Впрочемъ новѣйшіе критики не совсѣмъ правы, когда неблагосклонно отзываются объ этомъ началѣ, хотя оно дѣйствительно было неудачно. Англійскій путешественникъ-теологъ Фордъ-Гилль, принесшій въ Вѣну извѣстіе о Реймскомъ Евангеліи, довольно сдѣлалъ для чести своего просвѣщеннаго любопытства, если въ Реймсѣ разсмотрѣлъ неизвѣстное ему письмо съ такою внимательностью, что могъ потомъ, въ Вѣнѣ, смѣло увѣрять (Дуриха и Альтера) въ тождествѣ этого письма съ показаннымъ ему здѣсь глаголитскимъ. Не его вина, если не позаботились отобрать отъ него свѣдѣній обстоятельнѣе, въ-слѣдствіе чего онѣ и исказились.

Память Альтера въ этой исторіи такъ-же не подлежитъ сильнымъ упрекамъ. Его любознательности Реймское Евангеліе обязано тѣмъ, что свѣдѣнія объ немъ на этотъ разъ не преданы забвенію, какъ это случилось со всѣми извѣстіями во Франціи, которыя надобно было открывать въ-послѣдствіи. Альтеръ получилъ неточныя извѣстія; но онъ принялъ ихъ не безъ критики: ему извѣстно было, что Петръ Великій, проѣзжая въ 1717 году че-

---

(*) Намъ извѣстенъ только одинъ Chr. Fr. Völkner, жившій въ Петербургѣ, у котораго мы нашли имя Р. Е. въ извлеченіи изъ его введенія въ очеркъ древней русской исторіи, помѣщеніемъ въ Allg. lit. Anzeiger 1797 № LXXIII. Здѣсь Р. Е. не только упомянуто, но и употреблено въ дѣло.

резъ Реймсъ, читалъ знаменитый Texte du Sacre (*); а такъ какъ Русскіе знаютъ только кирилловскія письмена, то онъ и не могъ согласиться съ Фордъ-Гиллемъ, который, какъ казалось Альтеру, утверждалъ, что Реймское Евангеліе было писано только по-глаголитски. Напрасно стали бы мы упрекать его за произвольное предположеніе о вывозѣ Реймскаго Евангелія изъ Константинополя, по взятіи его Крестоносцами. При тогдашней неизвѣстности памятника, это предположеніе не недостойно его учености: но каково бы оно ни было, судя по роду его занятій, Альтеръ не могъ на немъ остановиться, и мы видимъ, что въ тоже время онъ вызываетъ ученыхъ сообщить подробнѣйшія свѣдѣнія о памятникѣ Его предположеніе остается по-этому свидѣтельствомъ его ученой любознательности, пробужденной извѣстіемъ Фордъ-Гилля, и желанія внушить такую-же любознательность другимъ Виноватъ ли онъ, если въ слѣдъ за нимъ ученые повторили, касательно исторіи Реймскаго Евангелія, тотъ-же пріемъ, но уже съ другою цѣлью? Еслибы онъ имѣлъ памятникъ въ своихъ рукахъ, не такова бы, вѣрно, была дальнѣйшая судьба его въ исторіи науки. Нельзя, конечно, надѣяться, чтобы Альтеръ предупредилъ всѣ заблужденія въ изысканіяхъ славянистовъ; но своимъ сравненіемъ Реймскаго текста съ Греческимъ — спеціальный предметъ ученыхъ занятій Альтера — онъ указалъ бы ему мѣсто во всеобщей исторіи литературы и лучшее средство — оцѣнить важность памятника. Въ-послѣдствіи мы увидимъ, что одно изъ самыхъ плодотворныхъ замѣчаній,

(*) Откуда взялось это преданіе, неизвѣстно. С. Строевъ въ своемъ описаніи Р. Е. говоритъ, что послѣ всѣхъ поисковъ онъ нигдѣ не нашелъ такого извѣстія. Можетъ быть, и здѣсь Альтеръ не хорошо понялъ Фордъ-Гилля?

сдѣланное по поводу Реймскаго Евангелія, принадлежитъ ученому того-же разряда.

Голосъ Альтера скоро нашелъ отзывъ во Франціи. Удивляются, какимъ образомъ просвѣщенная Франція могла до сихъ поръ оставаться равнодушною къ прославленной ею древности. «Какъ», спрашиваетъ Копитаръ, «въ отечествѣ Монфоконовъ не нашлось никого, кто бы попытался разобрать таинственныя письмена священнаго кодекса»? — «Какъ» — пишетъ къ нему съ такимъ-же недоумѣніемъ Я. Гриммъ — «французскіе палеографы, какой-нибудь Мабильонъ, Бенедиктинцы, не сообщили публикѣ ни одного образчика изъ текста столь замѣчательной древности»? — «Удивительно, однакожъ было такъ», замѣчаетъ на это Легисъ-Гликзелихъ. Почтенный критикъ, при своемъ исключительно-ученомъ стремленіи, забываетъ то расположеніе духа, вліянію котораго удивляется. Мы сожалѣемъ впрочемъ, что святыня реймскаго собора не была подвергнута ученому изслѣдованію раньше: любопытно бы видѣть, какое дѣйствіе произвело бы извѣстіе, что обѣты французскихъ монарховъ о благосостояніи католической церкви и народа подкрѣплялись присутствіемъ святыни «русскаго закона». Но знаменитый палеографъ (Сильвестръ де-Саси) слишкомъ много опоздалъ, чтобы доставить намъ этотъ любопытный опытъ. Ему досталось извѣстить Европу только о погибели безцѣнной древности и отобрать по горячимъ слѣдамъ свѣдѣнія отъ людей, которые имѣли счастіе видѣть ее лично. Къ сожалѣнію, своими изысканіями на мѣстѣ, онъ могъ пріобрѣсть только фальшивыя свѣдѣнія о содержаніи памятника, и вѣсть о его сожженіи оставалась единственною достовѣрною и надолго свѣжею новостію.

§ 4.

Предположеніе Альтера о Реймскомъ Евангеліи явилось въ свѣтъ въ 1799; въ томъ-же году послѣдовало и печальное объ немъ извѣстіе Сильвестра де-Саси: слѣдовательно ученыя изысканія о памятникѣ начались тогда, когда его не стало. За то вѣстью о его погибели не только не кончилась его исторія, какъ этого можно было ожидать; но явилось продолженіе, замѣчательное по общему въ немъ участію и, какъ увидимъ, не совсѣмъ бесплодное. Не говоримъ уже о томъ, что вѣсть эта пронеслась многократнымъ эхомъ по разнымъ странамъ образованной Европы: славянскіе ученые, теперь оказавшіе особенное участіе къ памятнику, никакъ не хотѣли согласиться считать его совершенно потеряннымъ для своей исторіи. Они нѣсколько опоздали своимъ участіемъ; но это какъ-будто увеличивало только ихъ ревность опредѣлить мѣсто и значеніе памятника въ исторіи — посредствомъ соображеній и догадокъ. Недостатокъ положительныхъ свѣдѣній не только не мѣшалъ этому роду изысканій, но еще благопріятствовалъ его успѣхамъ. Само собою разумѣется, что наука ничего не выигрывала отъ этихъ покушеній на невозможное; но тѣмъ любопытнѣе знать: что же вызывало изслѣдователей на эти попытки, что поддерживало ихъ интересъ, и каковы ихъ результаты?

Должно согласиться, что Добровскій имѣлъ нѣкоторое основаніе говорить о Реймскомъ Евангеліи отъ имени науки. Извѣстно, что предположеніе Альтера о вывозѣ памятника изъ Константинополя въ 1204 году противорѣчило мнѣнію Добровскаго о глаголитской пись-

менности, которой начало полагалъ онъ не раньше 1222 года. Знаменитый славянистъ прекрасно понималъ цѣну опровергаемаго имъ предположенія, какъ видно изъ самаго способа его опроверженія: онъ ставитъ противъ предположенія результатъ своихъ положительныхъ изысканій, и однимъ этимъ противоположеніемъ уничтожаетъ его вѣроятность. Но послѣ такой рѣшительной и вѣрной оцѣнки предположенія въ отношеніи къ наукѣ, Добровскій, по какому-то странному противорѣчію самому себѣ, пускается въ такое-же предположеніе, произвольное не меньше Альтероза, хотя и болѣе остроумное и правдоподобное. Спрашивается: что могло вовлечь его въ это противорѣчіе? Наука не имѣла никакой нужды въ новомъ предположеніи: глаголитскій вопросъ ничего не пріобрѣталъ въ немъ, такъ-же какъ ничего и не терялъ бы безъ него. Для этого вопроса довольно было замѣтить въ двухъ словахъ, что предположеніе Альтера, какъ чистое предположеніе, ничего не опровергаетъ и само не стоитъ опроверженія. Но Добровскій поступилъ иначе: слѣдовательно была какая-нибудь надобность, какая-нибудь польза отъ подробнѣйшаго объясненія Весьма естественно, что слава Реймскаго Евангелія вмѣстѣ съ его гибелью сильно подѣйствовала на патріотическіе умы пробуждавшагося къ умственной жизни Славянства; весьма естественно, что они, желая на чемъ-нибудь остановиться въ своихъ сужденіяхъ о памятникѣ, останавливались на предположеніи Альтера, во вредъ успѣхамъ положительнаго знанія. Добровскій, своимъ опроверженіемъ Альтера, указалъ должныя границы патріотическому чувству; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ сознавать, что съ подрывомъ Альтерова объясненія патріотическое чувство испытывало нѣкоторую потерю. Знаменитый памятникъ терялъ

чрезъ это свое мѣсто въ дѣйствительной исторіи, и Добровскій, главный представитель и двигатель всеславянскаго образованія, конечно, не могъ допустить, чтобы слава памятника, столь благотворно дѣйствующая на народное сознаніе, потерпѣла какой-нибудь ущербъ въ средствахъ своего вліянія. Вотъ какого рода потребность вызвала ученость Добровскаго на предположеніе. Прибавимъ къ этому, что предположеніе Альтера плохо удовлетворяло требованію патріотизма: оно ставило памятникъ внѣ славянской исторіи и не объясняло первоначальнаго происхожденія его. Несравненно удовлетворительнѣе было новое объясненіе, указавшее родину памятника въ славянской землѣ — въ Сербіи съ ея восточнымъ и западнымъ богослуженіемъ и съ обоими славянскими письменами. Строгая критика могла бы назвать это объясненіе произвольнымъ; но ея вмѣшательство было бы здѣсь неумѣстно, потому что послѣ (предполагаемой) погибели памятника ничего не осталось отъ него для науки, и только патріотическое чувство могло находить для себя обильную пищу въ славной судьбѣ столь трагически погибшей древности. Такъ и понималъ значеніе памятника Добровскій и пользовался имъ въ этомъ духѣ. Вотъ почему онъ такъ охотно распространяется объ немъ въ «Славинѣ»: безъ этого предположенія возобновленные здѣсь толки о Реймскомъ Евангеліи, низошли бы на степень новостей, способныхъ занимать праздное любопытство. Къ чему наконецъ упоминаетъ онъ объ немъ и въ знаменитомъ своемъ филологическомъ произведеніи? Что могла пріобрѣсть отъ бесплоднаго извѣстія о погибели памятника грамматика, которая, какъ извѣстно, и самою дѣйствительною исторіей литературы дорожитъ только въ той мѣрѣ, въ какой она налично доставляетъ годный для нея матеріалъ

языка? Къ чему это краткое, но за то слишкомъ энергическое упоминаніе, если не для того, чтобы возобновить прежнія впечатлѣнія и ихъ дѣйствіе? Никакъ не думаемъ оспоривать права знаменитаго славяниста говорить о знаменитомъ памятникѣ, гдѣ бы то ни было; вовсе не ставимъ этого въ упрекъ его знаменитому произведенію: напротивъ, по этому случаю мы открываемъ въ его произведеніи новое достоинство, кромѣ филологическаго, новое основаніе благоговѣнія къ нему, кромѣ ученаго достоинства, — благоговѣнія, до-нынѣ сохранившагося въ названіи этого труда *всеславянскимъ*. Мы благодарны за сохраненіе этого названія: безъ него, можетъ быть, мы не такъ легко замѣтили бы эту сторону ученыхъ трудовъ Добровскаго, имѣвшую едвали не болѣе обширное и глубокое дѣйствіе, и наша оцѣнка его ученыхъ заслугъ была бы односторонняя.

Впрочемъ патріотическое направленіе разсматриваемой литературной эпохи такъ извѣстно, что объ этомъ не стоило и распространяться. Сознаніе собственнаго достоинства въ исторіи есть одно изъ лучшихъ основаній народнаго достоинства въ настоящемъ и сѣмя будущаго; питать и укрѣплять это сознаніе въ народѣ есть прямая обязанность писателей, столь же священная и благотворная въ послѣдствіяхъ, какъ и обязанность указывать слабости народнаго характера, обличать заблужденія, преслѣдовать невѣжество и предразсудки: это два способа обнаруженія одного и того-же патріотическаго призванія литературы. Въ этомъ, конечно, всѣ согласны. Славянскіе писатели со времени разсматриваемой эпохи съ похвальною ревностью выполняютъ это призваніе въ первомъ направленіи: въ этомъ главное назначеніе ихъ произведеній, ихъ дѣйствительное достоинство и заслуга.

Сочиненія самого Добровскаго явно носятъ на себѣ этотъ патріотическій характеръ. Все это столь же извѣстно, какъ и достойно уваженія. Не смотря на то, какъ скоро ученая критика при строгомъ разборѣ подобныхъ трудовъ находитъ, что они имѣютъ болѣе національнаго значенія, чѣмъ чисто-ученаго, что послѣднее ограничивалось первымъ или было подъ его вліяніемъ, эта строгость критики иногда вызываетъ на себя негодованіе и подвергается обвиненіямъ въ легкомысленномъ или недобросовѣстномъ посягательствѣ на неоспоримыя заслуги. Вотъ почему мы старались въ вышеизложенномъ разборѣ отдѣлить одну отъ другой двѣ различныя стихіи — патріотическіе виды отъ требованій науки: приписывая извѣстныя явленія одному началу, мы избѣгаемъ чрезъ это несправедливости къ другому. Такъ мы оказали бы грубую несправедливость къ заслугамъ Добровскаго, еслибы позволили себѣ его литературными хлопотами о Реймскомъ Евангеліи измѣрять его значеніе въ наукѣ. Направленіе, данное вопросу о Реймскомъ Евангеліи Добровскимъ, имѣло сильное вліяніе на позднѣйшія изысканія. Воспитанный и введенный имъ въ область филологіи духъ славянскаго патріотизма продолжалъ дѣйствовать и послѣ него: но не его вина, если слава памятника, увеличенная его участіемъ, слишкомъ ослѣпительно дѣйствовала на умы изыскателей, и если они, въ своей ревности служить органами патріотизма, не могли, подобно ему, сохранить ученое хладнокровіе и удержаться въ границахъ науки. Отдѣляя такимъ образомъ отъ литературно-ученой дѣятельности Добровскаго ея послѣдствія, мы почли однакожъ за нужное указать связь ея съ ними, для ихъ объясненія и даже для возвышенія ихъ достоинства и значенія. Конечно, немного чести для учености, если она уступаетъ

какимъ-либо постороннимъ вліяніямъ: но что сказать о заблужденіи, которое для своего объясненія, не имѣло бы ничего, кромѣ собственной слѣпоты своей! Дѣйствительно, тайныя побужденія и виды, дѣйствовавшія въ изысканіяхъ, постороннія вліянія, увлекавшія ученый духъ изыскателей, даютъ значительный интересъ ходу этихъ изысканій и даже нѣкоторое значеніе въ исторіи умственной жизни Славянъ, потому-что эти вліянія, какъ замѣчено выше, проистекаютъ изъ общаго характера умственнаго образованія Славянъ послѣдней эпохи.

§ 5.

Въ одной изъ своихъ статей, написанной не отъ своего имени, Копитаръ добивается чести быть признаннымъ за преемника Добровскому въ славянской филологіи. Судя по направленію, какое получили у Копитара толки о Реймскомъ Евангеліи, мы охотно уступили бы ему эту честь, еслибы можно было ручаться, что Добровскій одобрилъ бы эту неумѣренность, съ какою Копитаръ дозволяетъ себѣ очаровывать патріотическое чувство славою памятника и посредствомъ этого очарованія увлекать мнѣніе читателя въ пользу своей ученой системы. Никогда мечты о славѣ памятника не достигали большаго блеска: ему дано самое блестящее мѣсто — въ первобытной исторіи христіанства и церковной литературы у Славянъ; онъ приписанъ самому св. Меѳодію. Одно это достаточно показываетъ, что Копитаръ не считалъ своею строгою обязанностью воздерживаться, при развитіи своей историко-филологической системы, отъ фантазій, и что его система имѣетъ сторону, предназначенную дѣйствовать исключи-

тельно на чувство. Замѣтимъ однако же, что съ этой стороны взглядъ Копитара не могъ бы найдти во всѣхъ Славянахъ одинаковое сочувствіе. Вмѣстѣ съ интересомъ всеславянскимъ, въ немъ является частный славянскій интересъ преобладающимъ, угнетающимъ. Извѣстно, что въ исторіи первобытнаго христіанства у Славянъ взглядъ Копитара исключительно обращенъ на западъ: на славянскомъ западѣ онъ видитъ первую зарю его — и въ ней отблескъ апостольскаго свѣта на западѣ. Древнѣйшимъ органомъ христіанскаго просвѣщенія онъ почитаетъ глаголитскую письменность — произведеніе, по его мнѣнію, *самобытно-Словенское*, только въ-послѣдствіи уступившее кирилловской—*Греко-Словенской* письменности. Чѣмъ была для Добровскаго кирилловская литература, тѣмъ хочетъ Копитаръ представить глаголитскую, хотя не скрываетъ и того, что этотъ взглядъ силенъ болѣе его надеждами, чѣмъ положительными доказательствами. При всемъ томъ славянская наука, безъ сомнѣнія, сдѣлала шагъ впередъ въ системѣ Копитара, хотя исторія не можетъ обойдти вопроса: въ какой мѣрѣ дѣйствовалъ въ созданіи этой системы обще-или частно-славянскій патріотизмъ въ ея авторѣ? Мы можемъ остановиться на этомъ вопросѣ только по мѣрѣ его связи съ именемъ Реймскаго Евангелія. Позволимъ себѣ замѣтить мимоходомъ, что мнѣніе Копитара о первобытности глаголитскаго письма нашло сочувствіе въ нашемъ «Маякѣ», хотя Русскіе могли бы найдти сильную опору противъ этого мнѣнія въ извѣстномъ сочиненіи Прейса *о Глагольской письменности*. Въ настоящее время начинаютъ являться надежды на примиреніе системы Копитара съ противоложнымъ взглядомъ. Желая полнаго успѣха этому мирному посредничеству, мы останавливаемся пока на противорѣ-

чіи Копитаровой системы взгляду Добровскаго. Въ числѣ мѣръ, содѣйствовавшихъ ея успѣхамъ, было употреблено и Реймское Евангеліе. Спрашивается, какую силу доказательства могъ имѣть памятникъ, о которомъ остались столь скудныя и шаткія свѣдѣнія, съ совершенною невозможностію повѣрить ихъ или дополнить? Этотъ пунктъ былъ бы сфинксовой задачей для историковъ славянской учености нашего времени, если-бы не было извѣстно и понятно то очарованіе, какое распространяло самое имя памятника съ его великолѣпною исторіей и мученическою кончиной. Только расчитывая на это очарованіе, Копитаръ могъ отважиться, не опасаясь за свою ученую славу, торжественно провозгласить, что въ пользу древности глаголитики clamat тотъ древнѣйшій кодексъ четвероевангелія, который, съ своими двумя письменами и драгоцѣнными украшеніями, *могъ* быть изготовленъ самимъ св. Меѳодіемъ и препровожденъ въ Римъ для обличенія хулителей славянскаго богослуженія. Копитаръ не хуже Добровскаго понималъ ничтожность подобныхъ предположеній и потому, ни мало не затрудняясь, тутъ-же отвергнулъ прежнія два мнѣнія потому только, что онѣ—чистыя догадки; но самъ онъ не устоялъ противъ искушенія, какое представлялъ ему несомнѣнный успѣхъ воззванія къ рѣшенію народнаго чувства въ разсужденіи своей системы. Въ оправданіе Копитара можно ссылаться на то, что онъ шелъ по направленію, указанному Добровскимъ. Дѣйствительно, есть сходство: у обоихъ одинъ и тотъ-же поводъ — глаголитскій вопросъ, тотъ-же путь предположеній, тотъ-же расчетъ на патріотическое дѣйствіе. Но за тѣмъ Добровскій столь же мало оправдываетъ злоупотребленій своего названаго преемника, сколько не участвуетъ въ нихъ. Добровскій пользовался

вліяніемъ памятника только для самого патріотическаго чувства, а не для науки, и безъ вреда для науки, которая вполнѣ удержала права свои въ его мнѣніи о Реймскомъ Евангеліи: у Копитара ученый вопросъ предоставляется произволу народнаго чувства. У Добровскаго свѣдѣнія о памятникѣ искусно соображены и приспособлены къ историческимъ обстоятельствамъ; онъ дозволилъ себѣ только при объясненіи этихъ свѣдѣній догадку о тождествѣ содержанія того и другаго письма: Копитаръ, принявъ и дополнивъ отъ себя эту догадку, вовсе не принялъ на себя труда повѣрять свое предположеніе фактами, въ числѣ которыхъ четвероевангеліе временъ св. Меѳодія, какимъ Копитаръ объявилъ Реймское Евангеліе, было бы необычайнымъ явленіемъ. Копитаръ, какъ видно изъ одной позднѣйшей статьи его, не хотѣлъ принимать на себя отвѣтственности за это предположеніе; потому-что оно высказано имъ не отъ своего лица: но кто же имѣлъ надобность въ этомъ предположеніи, кромѣ его и его системы? Это введеніе посторонняго лица и мнимая нерѣшительность предположенія (eodem *fere* jure *quis* dicat, безъ котораго однакожъ Реймское Евангеліе вовсе не могло бы служить въ пользу его мнѣнія о глаголитикѣ, и даже было бы здѣсь не-кстати, показываетъ только то, что онъ съ сознаніемъ рѣшился на этотъ родъ доказательства, и тѣмъ болѣе подтверждаетъ дѣйствительность проступка предъ наукой. Не говоримъ уже о несообразности, какая оказалась съ дѣйствительнымъ содержаніемъ Реймскаго Евангелія въ словахъ Копитарова предположенія: ad confundendos slavicae liturgiae calumniatores: довольно и тѣхъ грѣховъ противъ науки, за которые отвѣтственность прямо падаетъ на его имя.

§ 6.

По крайней мѣрѣ можно было надѣяться, что этотъ грѣхъ будетъ въ своемъ родѣ послѣднимъ, и всего менѣе можно было ожидать, чтобы самъ Копитаръ отступился отъ своего выгоднаго предположенія для какой-нибудь новой фантазіи: на дѣлѣ вышло иначе. Вскорѣ послѣ изданія Glagolita Clozianus, въ томъ-же 1836 году въ Маѣ Копитаръ напечаталъ статью: Die Kirchenbücher der Russen, въ которой пустилъ въ ходъ новое предположеніе о Реймскомъ Евангеліи, вовсе не упоминая о прежнемъ. Спрашивается: что заставило его такъ скоро и такъ рѣшительно измѣнить свое мнѣніе? Объясненіе этой странности даетъ одно обстоятельство, упоминаемое самимъ Копитаромъ: именно, въ немъ поселилась какая-то безотчетная увѣренность въ цѣлости памятника и предчувствіе его открытія. На чемъ основывались эти чаянія, Копитаръ объясняетъ весьма неудовлетворительно; но такъ-какъ онѣ сбылись, то мы должны бы были приписать ему даръ прозрѣнія, еслибы не было извѣстно, что уже въ 1835 году памятникъ найденъ и узнанъ былъ въ Реймской Городской Библіотекѣ просвѣщеннымъ русскимъ путешественникомъ А. И. Тургеневымъ. Слухи объ этомъ открытіи, естественно, должны были заставить Копитара подумать, въ какомъ видѣ застанетъ это открытіе его мнѣніе о памятникѣ? — и настоящая статья его есть драгоцѣнное свидѣтельство о томъ, какъ думалъ онъ о своемъ первомъ предположеніи, судя искренно, предъ лицемъ дѣйствительности, угрожавшей ему неумолимымъ судомъ своимъ. Что же мы видимъ въ этой статьѣ? Не только то, что самъ онъ прибавилъ къ свѣдѣніямъ

о Реймскомъ Евангеліи — что оно содержитъ четвероевангеліе, но и догадку Добровскаго о двоякомъ письмѣ на двухъ столбцахъ рядомъ, онъ почитаетъ теперь мнѣніемъ весьма гадательнымъ (ominös); а несчастнаго предположенія своего объ отправленіи его въ Римъ св. Меѳодіемъ онъ уже не упоминаетъ. Теперь ему казалось вѣроятнѣе, что Реймское Евангеліе привезено во Францію изъ Кіева дочерью Великаго Князя Ярослава Владиміровича Анною, выданною за-мужъ за французскаго Короля Генриха I. Копитаръ, конечно, сознавалъ, что въ этомъ предположеніи памятникъ связывается съ фактомъ такъ-же произвольно, какъ и въ прежнемъ его предположеніи (*); въ случаѣ надобности, онъ не затруднился

(*) Копитаръ не объясняетъ, какъ попалъ онъ на это предположеніе Слѣдующія обстоятельства, можетъ быть, послужатъ къ этому объясненію. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія возбуждала любопытство людей образованныхъ покупка «домашней библіотеки Княжны Анны Ярославовны», сдѣланная Дубровскимъ во Франціи. Извѣстіе объ этомъ было напечатано въ 1805 году въ Сѣверномъ Вѣстникѣ, гдѣ сказано, что библіотека эта «состоитъ, кромѣ церковнославянскихъ книгъ, изъ Древлянскихъ рукописей, писанныхъ руническими буквами, и другихъ отъ временъ Св. Ольги и Владиміра». Сообщая это извѣстіе Шлецеру въ письмѣ 1806 года, Кругъ прибавляетъ, что онъ читалъ еще гдѣ-то, будто и Реймское Евангеліе находится въ рукахъ Дубровскаго, но что Дубровскій это отрицаетъ, и увѣряетъ, напротивъ, что знаменитый кодексъ теперь у Наполеона. Кромѣ рукописей временъ Ольги и Владиміра, Дубровскій хвалился двумя рукописями, безспорно будто-бы принадлежавшими Аннѣ Яр., и увѣрялъ, что на одной изъ нихъ есть даже собственноручная подпись имени Анны, хотя, замѣчаетъ Кругъ, Дубровскій всегда находилъ какой нибудь предлогъ не показывать этихъ рѣдкостей. Почтенный историкъ нимало не былъ очарованъ этими разсказами; но въ то время, вѣроятно, немногіе способны были къ строгой критикѣ, и существованіе домашней библіотеки Анны Яр. нимало не казалось сомнительнымъ, какъ можно заключать изъ того, что объ ней было сдѣлано такое смѣлое объявленіе въ вышеозначенномъ

бы подвергнуть самый фактъ этотъ сомнѣнію, какъ не вполнѣ достовѣрный; онъ не могъ наконецъ не знать, что глаголитская рукопись въ Россіи во времена Ярослава едва-ли вѣроятнѣе четвероевангелія временъ св. Меѳодія. Если, не смотря на все это, онъ находилъ свою новую фантазію вѣроятнѣе прежняго предположенія, то чѣмъ же оно было въ собственныхъ глазахъ его! И однакоже онъ, расчитывая на патріотическую слабость читателей, не посовѣстился употребить его въ пользу своего мнѣнія о глаголитикѣ!...

журналѣ. Только въ такомъ случаѣ становится понятнымъ, какъ могло казаться сколько-нибудь вѣроятнымъ предположеніе о прибытіи Реймскаго Евангелія во Францію изъ Россіи съ Анною Яр., и дѣйствительно, Копитаръ зналъ о покупкѣ Дубровскаго, и нѣкоторое время надѣялся найти у него и Реймское Евангеліе. Онъ могъ получить это свѣдѣніе изъ литературы, но объ этомъ онъ не упоминаетъ, а напротивъ, въ подтвержденіе своихъ претензій на содѣйствіе открытію Реймскаго Евангелія, ссылается на свои письма въ Парижъ и въ *Петербургъ*. Когда получилъ онъ эти свѣдѣнія, послужившія для него основаніемъ къ новому предположенію о Реймскомъ Евангеліи? Надобно полагать, не раньше изданія или по крайней мѣрѣ сочиненія Glagolita Clozianus, гдѣ Реймское Евангеліе относится еще къ временамъ св. Меѳодія, безъ всякаго намека на Россію, — стало быть, не раньше 1836 года. Но въ такомъ случаѣ его претензіи на содѣйствіе открытію Реймскаго Евангелія несправедливы, потому-что открытіе это сдѣлано еще въ 1835 году и печатно объявлено въ Генварѣ 1836 года. Въ случаѣ же оправданія претензій Копитара его надобно-бы было обвинять въ томъ, что онъ, употребляя Реймскій кодексъ въ пользу своего мнѣнія о глаголитикѣ въ Glagolita Clozianus, самъ имѣлъ уже совсѣмъ другія свѣдѣнія и въ-слѣдствіе ихъ другое мнѣніе о Реймскомъ кодексѣ, то есть, старался убѣдить другихъ такимъ доказательствомъ, которому самъ уже вовсе не вѣрилъ. Для отстраненія этого подозрѣнія можетъ служить то обстоятельство, что Glagolita Cloz. около половины 1835 года, какъ кажется, былъ уже напечатанъ; но въ такомъ случаѣ догадки Копитара о цѣлости Реймскаго Евангелія и хлопоты о его открытіи опять

§ 7.

Предчувствіе не обмануло Копитара. Открытіе, о которомъ въ первый разъ объявлено было въ Генварѣ 1836 въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, нанесло убійственный ударъ всѣмъ прежнимъ фантазіямъ. Но эти фантазіи, въ свое время производившія впечатлѣніе, не остались безъ послѣдствій и для будущаго хода

совпадаютъ съ временемъ дѣйствительнаго открытія его А. И. Тургеневымъ, и кажутся скорѣе дѣйствіемъ этого открытія, нежели наоборотъ—одною изъ причинъ, содѣйствовавшихъ открытію, какъ хотѣлось доказать Копитару. Этотъ темный пунктъ, въ разсужденіи котораго Копитаръ оставилъ въ печати только общія выраженія, безъ сомнѣнія, объяснится изъ его переписки.

Вышеприведенное мѣсто изъ письма Круга сообщено мнѣ г. Куникомъ, и помѣщено имъ въ Предисловіи къ изданію Круговыхъ сочиненій (стр. LIV, LV). Но слѣдующее свѣдѣніе едвали найдетъ себѣ мѣсто въ изданіи, тогда какъ здѣсь оно будетъ кстати. Между бумагами Круга нашелся клочекъ съ замѣтками о Реймскомъ Евангеліи. Изъ этихъ замѣтокъ видно, что почтенный академикъ не выпускалъ изъ виду этого памятника и изысканій о немъ. Кромѣ ссылокъ на Альтера, Майера, Бюшинга, Добровскаго, здѣсь приведено мнѣніе о русскомъ происхожденіи Р. Е., но безъ имени Копитара, и собраны указанія источниковъ извѣстій объ Аннѣ Яр.: видно, что это мнѣніе, въ глазахъ его, имѣло еще надобность въ подтвержденіи. Еще замѣчательнѣе, что онъ съ увѣренностію говоритъ здѣсь, что Р. Ев. позднѣе Остромирова, и въ доказательство указываетъ на частое употребленіе въ Р. Е. у вм. оу. Изъ этого видно, что Кругъ имѣлъ уже снимокъ съ Р. Е., и такъ какъ онъ упоминаетъ о Копитаровомъ предположеніи о принесеніи Р. Е. Анною Яросл., но, очевидно, не знаетъ еще о послѣдовавшемъ вскорѣ другомъ мнѣніи Копитара, то эта записка должна относиться къ концу 1836 г. или къ 1837 году, однимъ словомъ, къ тому времени, когда и Копитаръ получилъ снимокъ, и принялъ въ-слѣдствіе того другое мнѣніе, напечатанное въ статьѣ 1838 года (см. § 1).

изслѣдованій о Реймскомъ Евангеліи. Онѣ вызвали патріотическое участіе къ памятнику, внушили преувеличенныя ожиданія, раздражили любопытство и самолюбія. Ученые разныхъ странъ наперерывъ другъ предъ другомъ спѣшили пріобрѣсть первыя извѣстія и сообщить ихъ публикѣ, съ завистью смотрѣли на чужіе успѣхи, даже присвоивали ихъ себѣ, ссорились за славу перваго открытія. Но что открыли они для науки? Обогатили ль ее новыми фактами, новыми вопросами или новыми поясненіями прежнихъ вопросовъ? Встрѣтили ль памятникъ достойно его славы и чести науки? Опредѣлили ль ему надлежащее мѣсто въ исторіи литературы и славянскаго образованія? Въ общихъ выраженіяхъ мы уже отозвались объ этомъ выше: теперь представляемъ факты.

Какъ скоро удостовѣрились въ дѣйствительномъ существованіи памятника, въ Петербургѣ, Вѣнѣ и Прагѣ начались дѣятельныя заботы о пріобрѣтеніи ближайшихъ извѣстій. Хранитель городской библіотеки въ Реймсѣ г. Людовикъ Парисъ получилъ просьбы отъ Копитара и отъ г. Лабенскаго, русскаго консула въ Парижѣ, о снятіи копіи съ первой страницы. Въ скоромъ времени и Пражскіе ученые имѣли своего корреспондента во Франціи, г. Ястржембскаго. Но первому произнести ученый судъ о памятникѣ досталось Русскому, именно священнику при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ.

§ 8.

Знаніе церковнаго языка, какъ извѣстно, составляетъ у насъ необходимую и какъ-бы естественную принадлежность духовенства. Уже изъ самой обширности и глубо-

каго усвоенія этого знанія видно, что оно пріобрѣтается не только и даже не столько школьнымъ изученіемъ самого языка, сколько изученіемъ предметовъ, съ которыми сопряжено разумѣніе его. Такимъ образомъ, оно пріобрѣтается по преимуществу путемъ практическимъ, само собою, посредствомъ начитанности, которая начинается съ дѣтскаго возраста, съ церковной азбуки, увеличивается въ объемѣ и отчетливости учебнымъ, по преимуществу богословскимъ образованіемъ и поддерживается или и продолжается прогрессивно въ теченіе всего священнослуженія: грамматическое изученіе языка служитъ при этомъ къ отчетливости и прочности практическаго усвоенія. Этотъ способъ усвоенія, необходимо и одинаково повторяясь каждымъ новымъ поколѣніемъ, дѣлаетъ церковный языкъ какъ-бы природнымъ между духовными. Въ древности и вовсе не знали филологическихъ пособій къ изученію языка: тѣмъ не менѣе русское духовенство занимаетъ въ исторіи церковнаго языка необыкновенно значительное мѣсто. Принявъ языкъ съ богослужебными книгами, наши пастыри были не только хранителями его, но дали ему самостоятельное бытіе и особенную форму, расширили его употребленіе, упрочили его значеніе въ русскомъ языкѣ и литературѣ; распространили его вліяніе даже на другихъ Славянъ православной церкви, — свидѣтельство о его силѣ и превосходствѣ. Еслибы нужны были доказательства этого опытнаго знанія въ новѣйшемъ употребленіи, мы указали бы на превосходный образецъ этого употребленія въ высоко-торжественномъ благодарственномъ молебнѣ, совершаемомъ 25 Декабря; но ближе къ нашему предмету — обнаруженія этого знанія собственно въ сферѣ науки. Не будемъ называть духовныхъ особъ, пріобрѣтшихъ всеобщую извѣстность своими уче-

ными изъисканіями въ разныхъ областяхъ славянской и русской исторіи: въ ихъ трудахъ мы имѣемъ зрѣлые плоды знанія языка церковно-славянскаго (безъ котораго они были бы невозможны), хотя и не видимъ самаго способа и постепенности пріобрѣтенія этого знанія — въ какихъ-либо опытахъ, имѣющихъ предметомъ самый языкъ, — въ опытахъ чисто-филологическихъ; мы имѣемъ историковъ церкви и литературы у Славянъ, изъискателей славянскихъ и русскихъ древностей, которые идутъ по этому поприщу съ большими заслугами, хотя и не видимъ представителей въ ряду знаменитыхъ аналитиковъ церковнаго языка, каковы: Добровскій, Копитаръ, Шафарикъ, Востоковъ, Прейсъ. Наши духовные остаются вѣрны своему практическому характеру въ знаніи церковнаго языка: и въ сферѣ науки оно составляетъ у нихъ средство, или необходимую принадлежность изъисканія высшихъ вопросовъ, а не самую цѣль изслѣдованія, какъ у названныхъ нами филологовъ (*).

Желая воздавать всему свою справедливость, мы почли не излишнимъ показать это различіе по поводу раз-

---

(*) Мы говоримъ о знаніи церковнаго языка, какъ оно обусловливается званіемъ и служеніемъ духовныхъ. Это не исключаетъ изученія языка въ чисто-филологическомъ отношеніи, какъ съ званіемъ духовнаго можетъ совмѣщаться и званіе спеціально ученаго, хотя оба не одно и тоже. Изъ примѣровъ такого рода въ настоящемъ случаѣ сами собою приходятъ на память «Филологическія Наблюденія», Протоіерея Павскаго, какъ трудъ чисто ученый, а не практическій. Замѣчательно однакожъ, что въ этомъ сочиненіи, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ достойномъ уваженія, именно церковный языкъ не достаточно признанъ въ томъ значеніи, какое онъ имѣетъ для объясненія русскаго языка, хотя не безъ основанія можно полагать, что почтенный авторъ принадлежитъ къ числу самыхъ отчетливыхъ практическихъ знатоковъ церковнаго языка.

сматриваемаго пункта исторіи Р. Е. Просвѣщенный священнослужитель, судившій объ отрывкѣ Реймскаго текста, оставилъ въ своемъ отзывѣ ясные признаки практическаго знанія церковнаго языка; но для основательнаго сужденія о палеографическомъ вопросѣ, очевидно, требовались, кромѣ того, другія, ученыя пособія, которыхъ онъ, по своему положенію, не имѣлъ у себя въ наличности Отъ-того, сужденіе его не достигло возможной удовлетворительности, какъ замѣчаетъ и самъ онъ въ своемъ отзывѣ.

«Если бы у насъ были подъ рукою», говоритъ онъ, «Библіографическіе Листы Кеппена, Славянскія воспоминанія «Строева, Іоаннъ Екзархъ Болгарскій Каченовскаго, три из«данія, наполненныя снимками, то по сравненію буквъ мы мог«ли бы опредѣлить приблизительно время, къ коему относится «рукопись. За неимѣніемъ этихъ палеографическихъ средствъ «я сдѣлаю только замѣчанія: 1) въ рукописи употребляется «буква *юсъ* (послѣдняя въ первой строкѣ), почти не встрѣ«чающаяся въ печатныхъ книгахъ, особенно Московскихъ; «2) Славянскій переводъ Евангелія не сходенъ съ тѣмъ, ко«торый употребляетъ Русская Церковь, хотя послѣдній до«вольно древенъ. Книгопечатаніе было введено въ Славян«скихъ земляхъ во второй половинѣ XV вѣка и въ это вре«мя исправленіе книгъ такъ-же кончено: изъ сего слѣдуетъ, «что манускриптъ, безъ сомнѣнія, древнѣе XV вѣка. Кромѣ «того должно прибавить, что онъ писанъ полууставомъ у «Славянъ Югозападныхъ. Это предположеніе основываю «на формѣ буквы *зѣло*, доселѣ употребляемой Южными Сла«вянами; на неумѣніи переписчика отличать *еры* отъ *ера*, *зѣ«ло* отъ *ера*, на различіи переводовъ Евангелій, доселѣ замѣ«чаемомъ у Уніатовъ» и пр.

С. Строевъ, сообщившій этотъ отзывъ въ своемъ «Описаніи» (стр. 20), отмѣтилъ въ немъ нѣкоторыя ошибки; другія же предпочелъ оставить безъ замѣчанія. И мы

не будемъ останавливать на нихъ вниманія читателя; замѣтимъ только одну характеристическую черту: авторъ не причастенъ ни очарованію, ни разочарованію славянофиловъ, какъ увидимъ, равно ошибавшихся въ томъ и другомъ случаѣ: нашъ ученый остался равнодушенъ.

Второй по порядку времени отзывъ о Реймскомъ Евангеліи принадлежитъ Копитару въ вышеупомянутой статьѣ: Die Kirchenbücher der Russen, перепечатанной въ журналѣ: Oesterreichische Zeitschrift für Geschichts — und Staatskunde, herausgegeben von Kaltenback, Wien 1836 № 86 — 88 въ Октябрѣ. Здѣсь къ этой статьѣ прибавленъ Nachschrift съ положительнымъ увѣдомленіемъ объ открытіи памятника и съ мнѣніемъ о его древности. Копитаръ относитъ его никакъ не выше XIV вѣка; вѣроятно, онъ основывалъ свое мнѣніе на снимкѣ первой страницы. Въ какой мѣрѣ оно основательно, разсмотримъ послѣ, когда оно выразилось полнѣе. Къ тому-же времени подоспѣетъ противоположное мнѣніе.

§ 9.

Между тѣмъ какъ въ Вѣнѣ и Прагѣ созрѣвали два противоположные взгляда, одинъ русскій палеографъ имѣлъ въ рукахъ всѣ средства, чтобы предупредить бесплодную борьбу ихъ, открывшуюся послѣ. Къ несчастію, молодой палеографъ не былъ еще для этого достаточно приготовленъ. Мы разумѣемъ покойнаго С. Строева, совершившаго археологическое путешествіе по Европѣ въ 1837 — 1838 годахъ. Напечатанная имъ въ «Описаніи Славяно-Русскихъ Памятниковъ» характеристика Реймскаго Евангелія составлена по старинной, *внѣшней* палеографической

методѣ. Употребленіе буквъ обозначено въ ней почти исключительно со стороны начертаній. Судя по тому, что онъ произноситъ рѣшительный и довольно мѣткій отзывъ о древности рукописи, надобно полагать, что ему извѣстны были нѣкоторые отдѣльные, вѣрные признаки древности; но съ другой стороны нельзя забыть того, что г. Востоковъ, конечно столь же опытный палеографъ, какъ и филологъ, разсматривая «Описаніе» С. Строева (по случаю представленія его на Демидовскій конкурсъ), не нашелъ въ этихъ внѣшнихъ палеографическихъ примѣтахъ достаточнаго основанія относить рукопись, вмѣстѣ съ С. Строевымъ, къ XIV вѣку; напротивъ, основываясь на описаніи самого С. Строева и на приложенномъ снимкѣ первой страницы, г. Востоковъ не находилъ препятствія считать кирилловскую часть древнѣе глаголитской цѣлымъ вѣкомъ, если не больше: смотри объ этомъ въ «Описаніи» С. Строева «Примѣчаніе А. Х. Востокова», стр. 150. Дѣло ясное, что внѣшніе палеографическіе признаки не могли на этотъ разъ рѣшить вопроса Но во всякомъ случаѣ палеографъ долженъ обращать тщательное вниманіе на *внутренніе*, филологическіе признаки; а эта сторона характеристики С. Строева необыкновенно бѣдна, какъ у всѣхъ послѣдователей старинной палеографической методы. Изъ внутреннихъ признаковъ правописанія отмѣчено только два: но какъ? «*ж* встрѣчается часто; *ъ* замѣняетъ *ъ*, *о*, *е*». Первое замѣчаніе не говоритъ ни за — ни противъ XIV вѣка; второе скорѣе говоритъ противъ, особенно если неизвѣстно, всегда ли *ъ* замѣненъ *ерю*; а этого авторъ не только не говоритъ прямо, но еще представляетъ, по ошибкѣ, противоположный примѣръ—съ еромъ: *пришодъ*. Характеристика правописанія должна объяснять и дополнять примѣры правописанія, представляемые вы-

пиской или снимкомъ; здѣсь же онъ напротивъ гораздо бѣднѣе снимка, такъ что читатель, сравнивая то и другое, долженъ придти въ немалое затруднепіе. Такъ въ снимкѣ ни разу не встрѣчается буквъ: ѕ, ѯ ѣ: изъ характеристики автора вы не узнаете, встрѣчаются ли онѣ на другихъ страницахъ памятника. На снимкѣ есть одинъ примѣръ употребленія *жс* вм *жд*, такъ-же оставленный авторомъ безъ вниманія,—и повторяется ли онъ далѣе, чтобы изъ этого дѣлать заключеніе о памятникѣ, — неизвѣстно. Не говоримъ уже о томъ, что на слѣдующихъ страницахъ находятся самые важные примѣры правописанія: палеографъ ихъ не замѣтилъ. Но и отмѣченные имъ признаки такъ поставлены въ описаніи, что вы не можете быть увѣрены, точно ли на ихъ основаніи самъ палеографъ произноситъ свое мнѣніе. Напротивъ, въ сужденіи его о послѣсловіи вы находите причину въ этомъ сомнѣваться: по его мнѣнію, послѣсловіе «окончательно подтверждаетъ», что кирилловская рукопись принадлежитъ къ XIV вѣку, тогда какъ въ немъ прямо говорится, что оно не современно кирилловской рукописи. Ужъ если это подтвержденіе палеографъ находилъ «окончательнымъ», то остается заключить, что его филологическія основанія мнѣнія о кирилловской рукописи не имѣли, въ глазахъ его, никакого значенія.

Не удивительно, если столь слабая критика памятника не сдѣлала никакого впечатлѣнія на иностранныхъ славянистовъ; но окончательно погубило палеографа, въ мнѣніи ихъ, его незнаніе глаголитскаго письма, простодушно высказанное имъ въ письмѣ къ г. Парису, которое тотчасъ же было напечатано (въ Chronique de Champagne). Незнаніе, по нашему мнѣнію, не вовсе непзвинительное для молодаго *русскаго* палеографа: но знатоки (по ограни-

ченности ихъ опытовъ, не скажу, глубокіе) глаголитской азбуки безжалостно, съ какою-то радостью твердили объ этой ошибкѣ при каждомъ удобномъ случаѣ, и бѣдному юношѣ не суждено было отмстить за это поруганіе, заставивъ своихъ судей уважать себя за ученыя заслуги, въ которыхъ порукою была его ревность къ наукѣ и свѣжія умственныя силы молодости! Кто знаетъ: можетъ быть, ему привелось бы съ честью встрѣтиться съ ними даже въ области самой глаголитики....

Но посмотримъ, что сдѣлали сами они, эти неумытные судьи.... У С. Строева мы находимъ по крайней мѣрѣ одно достоинство, котораго нельзя не цѣнить въ молодомъ палеографѣ: это—стремленіе основывать свое мнѣніе на положительныхъ данныхъ. На первый разъ это стремленіе выполнено неудачно: увидимъ, въ какой мѣрѣ оно выполнено у опытныхъ славянистовъ....

§ 10.

Въ 1838 году Копитаръ напечаталъ статью: Das wiederentdeckte Krönungsevangelium von Reims. Статьи Копитара, какъ извѣстно, всегда читаются съ удовольствіемъ; но не всегда таково впечатлѣніе послѣ ихъ чтенія. Чѣмъ больше и внимательнѣе читаешь ихъ, тѣмъ болѣе удостовѣряешься, что знаменитый славянистъ не любилъ являться въ свѣтъ за-просто, съ одною истиной на устахъ въ естественной простотѣ ея. Всегда разсчитывая на впечатлѣніе, какое должно произвесть его появленіе предъ образованной публикой, онъ напередъ запасался достаточнымъ количествомъ оригинальныхъ взглядовъ, рѣз-

кихъ замѣтокъ, острыхъ словъ, и зрѣло обдумывалъ изложеніе. Съ особенною тщательностію онъ заботился о своемъ ученомъ нарядѣ, когда долженъ былъ говорить о своихъ щекотливыхъ отношеніяхъ къ Реймскому Евангелію, и благодаря этой тщательности дѣло сходило съ рукъ благополучно. Надобно ли было замѣнить свое неудачное предположеніе другимъ? Онъ беретъ тему: «Русскія церковныя книги», съ большимъ остроуміемъ разсуждаетъ объ языкѣ ихъ, и только тогда, когда уже увѣренъ въ выгодномъ впечатлѣніи на читателя, рѣшается высказать новое мнѣніе, которымъ уничтожается его прежнее, — и трудный переходъ, подъ прикрытіемъ выгоднаго впечатлѣнія постороннихъ обстоятельствъ, совершается легко, безъ опасности для ученаго самолюбія автора, даже съ новою славой. Изложить дѣло прямо и сухо, сказать откровенно: «я ошибался», у Копитара никакъ не достало бы духу. Нужно ли было еще разъ отказаться отъ своего мнѣнія, что̀, конечно, уже гораздо труднѣе? Тогда Копитаръ кладетъ на вѣсы свой талантъ, свои заслуги, всю ученую славу, чтобы только уничтожить тяжесть ошибки; пишетъ панегирикъ самому себѣ (разумѣется, не отъ своего имени), приводитъ похвальный о себѣ отзывъ Я. Гримма, превозноситъ ученое изданіе Glagolita Clozianus и свою историко-филологическую систему, увѣряетъ о своихъ поискахъ Реймскаго Евангелія, будтобы содѣйствовавшихъ его открытію, обѣщаетъ новыя открытія — и для чего̀ всѣ эти хлопоты? для того, чтобы ослабить невыгодное впечатлѣніе, какое должно произвесть роковое признаніе!... До сихъ поръ только забавно смотрѣть на это беспокойное самолюбіе, которое, мечтая о своемъ величіи, воображаетъ, что ошибка такого генія, каковъ защитникъ глаголитики, въ глазахъ публики должна казать-

ся непростительною, неестественною, невозможною, и которое въ этомъ преувеличенномъ страхѣ, для поддержки споткнувшагося генія, изъискиваетъ всѣ опоры въ прошедшемъ и будущемъ. Но это еще не все. Копитаръ и въ самой ошибкѣ хочетъ заставить благоговѣть предъ своею геніальностью, во вредъ успѣхамъ ученаго духа. «Представимъ себѣ», говоритъ онъ въ заключеніе своей апологіи, «что кодексъ дѣйствительно сожженъ или невозвратно погибъ какъ-нибудь иначе; представимъ себѣ, что «намъ не осталось никакихъ средствъ повѣрить прежнихъ «извѣстій о памятникѣ, какъ мы теперь повѣрили ихъ литографированнымъ снимкомъ (первой страницы): не было-«ли-бы въ высшей степени вѣроятно, что въ погибели «Реймской рукописи мы потерпѣли утрату евангелія, привезеннаго въ 1050 году изъ Кіева?» Всмотритесь, какое средство употребляетъ онъ для спасенія своей ученой репутаціи: онъ прибѣгаетъ къ легкомыслію читателей, вызываетъ наклонность рѣшать спорные вопросы возможными предположеніями. Кто найдетъ его предположеніе вѣроятнымъ, тотъ, конечно, противъ него обезоруженъ: но могъ ли, но долженъ ли былъ прибѣгать къ этому средству ученый, который дорожитъ успѣхами науки? Не значитъ ли это питать тотъ духъ легкомыслія, отъ котораго и при которомъ могло явиться и самое это предположеніе, — предположеніе произвольное и бесплодное, и въ свое время вызванное только чуткимъ самолюбіемъ автора (см. стр. 24)? Не значитъ ли это оправдывать и узаконять, на мѣсто ученыхъ изслѣдованій, путь предположеній, противъ котораго самъ Копитаръ произнесъ короткій судъ, когда дѣло шло объ Альтерѣ и Добровскомъ (см. стр. 22)? Не значило ли это уничтожать единственную пользу, какую можно было извлечь изъ всѣхъ

этихъ предположеній — опытное убѣжденіе въ ихъ негодности для науки? Но нашъ ученый, очевидно, хлопоталъ здѣсь болѣе о своихъ выгодахъ, чѣмъ о пользѣ науки — Замѣтимъ далѣе, съ какою самоувѣренностью обращается онъ къ ученой публикѣ съ вопросомъ о вѣроятности своего легкомысленнаго предположенія и ожидаетъ отъ нея утвердительнаго отвѣта. Правъ онъ или неправъ, когда предполагаетъ столько легковѣрія въ своихъ читателяхъ? Что долженъ будетъ заключить историкъ объ ученомъ духѣ публики, которой отдѣльное лицо, для оправданія себя, такъ смѣло навязываетъ свои ошибки? Взведетъ ли онъ (историкъ) вину легкомыслія на всѣхъ современниковъ, или отвергнетъ ее, какъ дерзкую клевету?... Копитаръ оставилъ своему біографу трудную обязанность рѣшить этотъ щекотливый вопросъ между имъ и публикой.

Но и это еще не все. Копитаръ продолжаетъ игру предположеніями съ удивительною самоувѣренностью. Въ чемъ состоитъ его новое мнѣніе о Реймскомъ Евангеліи? Вотъ его главные пункты:

«5) И кирилловское и глаголитское письмо, судя по *«вѣрнымъ палеографическимъ признакамъ*, не древнѣе XIV вѣка». Въ скобкахъ: «кирилловскій писецъ употребляетъ *еры*, глаголитскій — *ерь* и *ерѣ*, — по новому начертанію».

«6) Итакъ быть не можетъ, чтобы этотъ кодексъ «привезенъ былъ въ Парижъ въ 1050 году» (какъ-будто прежде это было въ самомъ дѣлѣ въ высшей степени вѣроятно!). «Могло быть, напротивъ, что кардиналъ лотарингскій.... получилъ его отъ какого-нибудь францисканскаго «миссіонера изъ Далмаціи».

Вы думаете, эта новая гипотеза чѣмъ-нибудь доказана? что она основана напр. на возможно-тщательномъ разборѣ литографированной страницы? О, нѣтъ! Какъ

скоро орлиный взоръ Копитара замѣтилъ въ снимкѣ несчастныя *ы, ь* и *ъ*, въ новой формѣ, скромная копія евангелія уже потеряла свое право на высокое вниманіе защитника глаголитики: онъ не будетъ болѣе тратить для нея своихъ геніальныхъ досуговъ. Въ самомъ дѣлѣ, что могло обѣщать изученіе памятника, кромѣ подтвержденія горькой ошибки въ ея первобытной древности? А къ чему послужило бы—добровольно питать и усиливать въ себѣ это разочарованіе? Скорѣе нужно забыть объ немъ, разсѣяться, утѣшить себя какимъ-нибудь новымъ и достойнымъ открытіемъ,—и таже самая статья, которая излагаетъ все это, дѣйствительно увѣдомляетъ, что нашъ ученый аристократъ отправляется въ Италію, искать тамъ новыхъ предметовъ, которые достойны бы были стать наряду съ великолѣпною глаголитскою системой А для чести этой драгоцѣнности, которая такъ вѣроломно оказалась углемъ (*), довольно, если онъ замѣтитъ мимоходомъ, что Франція обязана ею какому-нибудь францискаискому монаху изъ Далмаціи. Ученые должны быть благодарны и за это!

Чтобы оказать этой замѣткѣ всю честь, какой она можетъ заслуживать, разсмотримъ со всею строгостью, не найдется ли для нея какое-нибудь основаніе. Но послѣ самаго тщательнаго разбора снимка первой страницы удостовѣряешься, что она на немъ не основана. Что мы находимъ въ его филологическомъ содержаніи? Употребленіе ѫ вмѣсто *оу* и *ю* и обратно, ѧ вм. *я*, и *я* вм. ѧ, *ж* вм. *жд;* слова: *Нестерь, Коузьма* и *Дьмьянь* Все это чистые руссизмы Но вмѣстѣ съ тѣмъ на всей страницѣ господствуетъ *ь* вмѣсто *ера,* безъ котораго русскій писецъ

(*) Thesaurus carbones erant: выраженіе Копитара о Р. Е.

не могъ бы обойдтись на одной строчкѣ. Что же изъ этого слѣдуетъ въ разсужденіи разряда рукописи? Ничего, или почти ничего. Это противорѣчіе признаковъ должно пріостановить всякое рѣшительное заключеніе. Употребленіе ѣ вмѣсто ѕ можетъ принадлежать всѣмъ остальнымъ Славянамъ, писавшимъ по-кирилловски, исключая древнихъ Болгаръ и Русскихъ, и не можетъ служить достаточнымъ признакомъ далматинскаго происхожденія рукописи, особенно если этому противорѣчитъ остальное правописаніе, и если еще неизвѣстно, вездѣ ли ѕ замѣненъ *ерью*, какъ на первой страницѣ. Стало быть, предположеніе Копитара сдѣлано безъ всякаго вниманія къ правописанію; стало быть, и теперь, имѣя подъ руками факты, Копитаръ остается вѣренъ самому себѣ, своей прежней методѣ угадыванія, дивинаціи,— и вотъ на какой путь ведетъ своихъ послѣдователей тотъ, кто, по отзыву Я. Гримма, повторенному въ этой же самой статьѣ самимъ Копитаромъ, «шелъ впереди всѣхъ славянистовъ!»

§ 11.

Благодаря «терроризму» (*), какой распространяло самое имя Копитара, ни эта, ни прежнія статьи его не вызвали противъ себя строгой критики, какой онѣ заслуживали сами по себѣ, и какой требовала защита ученаго изъисканія отъ фантазій. Напротивъ, самые жаркіе противники Копитара были поражены его противорѣчіемъ. Вотъ что писалъ между прочимъ г. Ястржембскій изъ Парижа (отъ 13 Сент. 1841) къ г. Ганкѣ.

(*) Копитара называли и называютъ: Kritischer Terrorist. См. вышеуказанную рецензію Легисъ-Гликзелиха на изданіе г. Ганки.

«Вы не повѣрите, какъ занимаетъ меня нашъ Texte «du Sacre, особенно съ тѣхъ поръ, какъ сказано: sed «utrumque esse sec. XIV. Нѣтъ, не соглашусь на XIV «вѣкъ. Займитесь сообщенными мною выписками: вамъ «принадлежитъ привести къ концу это дѣло. Надѣюсь, вы «позаботитесь переслать мнѣ ваши сочиненія, какъ толь- «ко выдутъ онѣ изъ печати. Мнѣ невыразимо любопытно «знать, какой оборотъ приметъ готовящійся споръ о та- «комъ важномъ предметѣ, — споръ, въ которомъ вамъ не «должно оставлять поля битвы до послѣдней капли чер- «нилъ, до послѣдняго пера»... Что же могло внушать этотъ преувеличенный страхъ и ожиданіе отчаянной борьбы, если не самое имя Копитара, которымъ однимъ до сихъ поръ было сильно его мнѣніе, при совершенномъ отсутствіи другихъ доказательствъ? Но здѣсь-же и доказательство того, что какъ скоро пошло на предположенія, то безотчетное и надмѣнное требованіе довѣрія можетъ вызвать такое-же противорѣчіе и упорство. Какъ мало обѣщаетъ тонъ этого письма (напечатаннаго г. Ганкою въ «Часописи Ч. М.») ученой терпимости мнѣній и спокойнаго изслѣдованія вопроса! Предметъ ученаго спора, какъ вы видите, уже прежде изслѣдованія признанъ предметомъ особенной важности, и почитатели его заботятся не о томъ, чтобы добиться твердаго и истиннаго рѣшенія вопроса, хотя-бы съ уступкою своему противнику; напротивъ, они наперед уже рѣшились противорѣчить своему противнику до послѣдней крайности, — не потому, чтобы сознавали уже свое мнѣніе правымъ, а потому что имѣли особенныя причины желать, чтобы именно *это* мнѣніе оказалось правымъ. Причины эти довольно понятны изъ предъидущихъ толковъ о памятникѣ, но вскорѣ онѣ усилились новыми обстоятельствами, какъ сейчасъ увидимъ.

Защитники древности Реймскаго Евангелія дождались въ свою очередь торжества надъ своимъ грознымъ противникомъ. Въ 1839 году г. Ганка получилъ изъ Парижа снимокъ послѣдней страницы, на которой находилось извѣстное послѣсловіе. Еще разъ Копитаръ долженъ былъ отказаться отъ своего мнѣнія, которое еще недавно высказалъ съ такою самоувѣренностью: отечествомъ Реймскаго Евангелія оказалась не Далмація, а Богемія, съ Эммаузскимъ монастыремъ, которому подаренъ этотъ кодексъ основателемъ и покровителемъ его Императоромъ Карломъ IV.

Торжество этого открытія увеличивалось въ глазахъ публики многими любопытными подробностями касательно исторіи памятника. Но всего опаснѣе было для мнѣнія Копитара вторая часть послѣсловія, гдѣ говорится, что «другую (кирилловскую) часть тѣхъ книжекъ писалъ аббатъ Прокопъ своею рукою»... Пусть разсуждаютъ себѣ строгіе ученые, что послѣсловія писцовъ не заслуживаютъ безусловнаго довѣрія: для большинства ничего не можетъ быть поразительнѣе свидѣтельства, которое представляетъ о себѣ самъ памятникъ, особенно если это свидѣтельство подкрѣплено комментаріями, приспособленными къ ожиданіямъ, къ какимъ давно уже настроено общее мнѣніе блестящею судьбою памятника и преувеличенными объ ней толками. Это открытіе дало общему мнѣнію о памятникѣ совсѣмъ другое направленіе.

§ 12.

Какъ принялъ Копитаръ этотъ горькій урокъ своему остроумію? «Смѣшно», писалъ онъ около этого времени въ Прагу, «какъ Поляки и Русскіе хвастаются теперь

«открытіемъ, тогда какъ оно принадлежитъ *мнѣ*, потому-«что *я первый* возъимѣлъ надежду, что кодексъ, можетъ «быть, не сожженъ, и предпринялъ, въ-слѣдствіе того, по-«иски въ Парижѣ и въ Петербургѣ» (*). Что могло вызвать эти строки, дышущія досадой? Мысль о первенствѣ открытія памятника? Но вѣдь, сколько извѣстно, ни изъ Русскихъ, ни изъ Чеховъ, ни изъ Поляковъ никто не былъ вмѣстѣ съ Копитаромъ, соискателемъ чести, которая безспорно принадлежитъ Тургеневу. Въ то время, вѣроятно, перестали уже и говорить объ этомъ открытіи, будучи заняты новымъ открытіемъ, открытіемъ послѣсловія и его содержаніемъ. Этою новостью, конечно, занимались всюду, гдѣ только было участіе къ знаменитому памятнику. И между тѣмъ въ этой общей молвѣ упоминались только имена Ястржембскаго, Ганки, даже Строева, но не было слышно имени Копитара.... Копитаръ не могъ не чувствовать, что открытіе послѣсловія отстраняло его отъ главнаго хода изысканій о памятникѣ; потому-что оно сдѣлано не только безъ его участія, но и вопреки всѣмъ его ожиданіямъ и мнѣніямъ, которыхъ значеніе теперь уничтожалось, такъ-что онѣ должны были казаться жалки. Копитаръ не могъ признать важности этого открытія безъ унизительнаго сознанія своихъ ошибокъ, но не могъ и не признать этого открытія; съ своей же стороны, въ параллель этому открытію, не могъ указать ни на какую заслугу, кромѣ своего мнимаго содѣйствія первому открытію. И вотъ смыслъ его претензіи въ настоящемъ случаѣ: не участвуя въ ходѣ изысканій непосредственно и почитая это униженіемъ своего ученаго значенія, онъ старается косвенно упрочить за собою славу этихъ изысканій, расчитывая, что всѣ позднѣйшія открытія, кому бы онѣ ни

(*) Сообщено въ рец. Л. Гликзелиха. Ср прим. на 25 й стр.

принадлежали, составляютъ только продолженіе одной и той-же исторіи, въ главѣ которой стоитъ будто-бы онъ. Напрасная и неудачная попытка заинтересованнаго самолюбія! Она показываетъ только, какъ важны были въ глазахъ Копитара успѣхи его противниковъ и съ какимъ тревожнымъ соревнованіемъ онъ смотрѣлъ на нихъ.

Тоже чувство оскорбленнаго достоинства обнаруживается въ его «Гезихіи» (1840). Здѣсь, въ обѣихъ статьяхъ, онъ повторяетъ свои претензіи на открытіе памятника и выходитъ на *защиту* того, что можно было защитить въ его прежнемъ мнѣніи. Не упоминая уже о своемъ далматинскомъ предположеніи, Копитаръ ограничивается своимъ прежнимъ мнѣніемъ о XIV вѣкѣ рукописи. Давно бы такъ, — и дѣло обошлось съ меньшими огорченіями для самолюбія. Но и здѣсь соревнованіе производитъ полемику, почти бесплодную какъ для успѣховъ изслѣдованія, такъ и для самаго Копитара лично. Онъ нападаетъ здѣсь на послѣсловіе, наводитъ сомнѣніе на правильность переложенія его, сдѣланнаго г. Ганкою съ глаголитскихъ буквъ на кирилловскія; увѣряетъ, что оно сдѣлано по догадкамъ, ставитъ при многихъ словахъ вопросительные знаки, замѣчаетъ, что аббатъ Прокопій не называется святымъ, чего не могъ бы позволить себѣ Чехъ XIV вѣка, говоря о Прокопіи Сазавскомъ, и заключаетъ изъ этого, что послѣсловіе, при строгомъ разборѣ, вовсе не говоритъ въ пользу XI вѣка, какъ утверждаетъ г. Ганка. Все напрасно! Разобравъ прилежнѣе глаголитское письмо, г. Ганка успѣлъ отстранить всѣ недоразумѣнія въ разсужденіи послѣсловія и, установивъ такимъ образомъ его чтеніе (*) согласно съ своимъ мнѣніемъ о

*) Постепенность успѣховъ въ чтеніи послѣсловія служитъ яснымъ доказательствомъ, что даже чтеніе глаголитскаго письма для

древности памятника, еще разъ торжествовалъ предъ глазами публики побѣду надъ своимъ противникомъ.

Спрашивается: почему Копитаръ не обратился къ филологическимъ признакамъ, какіе можно было извлечь изъ первой страницы? Судя по настойчивости, съ какою онъ продолжалъ приписывать кирилловскую рукопись XIV вѣку, не смотря на опасное противорѣчіе послѣсловія, не безъ основанія можно догадываться, что Копитаръ прилежно всматривался въ правописаніе снимка, и однакоже онъ ограничился полемическими замѣтками на послѣсловіе, которое во всякомъ случаѣ еще меньше могло служить въ пользу его мнѣнія, чѣмъ его противнику!... Здѣсь обнаруживается, что ученые соперники были болѣе расположены оспоривать другъ у друга вліяніе на общее мнѣніе о памятникѣ, нежели содѣйствовать существеннымъ успѣхамъ изъисканій. Очевидно, что Копитаръ прежде всего хотѣлъ противодѣйствовать впечатлѣнію послѣсловія, которое такъ сильно дѣйствовало противъ него въ общемъ мнѣніи. Но много ли можно было расчитывать на это противодѣйствіе со стороны филологическихъ признаковъ, когда ихъ сила вообще понятна для немногихъ, и когда они въ настоящемъ случаѣ такъ скудны и такъ противорѣчатъ другъ другу, что не позволяютъ вывести

нашихъ знатоковъ было еще не безъ затрудненій: въ такомъ случаѣ ошибки С. Строева заслуживали бы большаго снисхожденія, нежели сколько они ему оказали. Что же касается тогдашняго *ученаго взгляда* на предметъ, то мы воспользуемся отзывомъ г. Миклошича (въ его рецензіи на Остр. Ев.). Отличая глаголитское письмо до XIV вѣка отъ позднѣйшаго, изъ которыхъ въ первомъ буквы имѣютъ круглую форму, а во второмъ угловатую, г. М. прибавляетъ, что онъ счелъ за нужное сдѣлать это замѣчаніе тѣмъ болѣе, что г. В. Ганка, въ своемъ изданіи Р. Е., принялъ эти два почерка за одинъ и тотъ-же.

никакого опредѣленнаго результата? Откровеннымъ отзывомъ объ этой нерѣшительности правописанія Копитаръ могъ бы даже повредить себѣ и своему мнѣнію въ глазахъ большинства читателей, желавшихъ видѣть и видѣвшихъ въ противоположномъ мнѣніи наличные, такъ сказать, осязательные факты. Копитаръ поступилъ сообразно съ расположеніемъ и направленіемъ общаго мнѣнія, обративъ вниманіе на памятникъ съ той стороны, съ какой онъ наиболѣе интересовалъ современниковъ, оставляя существенно-важную сторону до другаго, благопріятнѣйшаго времени, когда онъ могъ бы представить ее вниманію публики съ большимъ для себя успѣхомъ. Благодаря этому расчету, изысканія остановились на поверхности предмета, на внѣшней сторонѣ, и это было одною изъ главныхъ причинъ продолжительной нерѣшительности вопроса и неудачныхъ опытовъ его рѣшенія.

§ 13.

Въ самомъ дѣлѣ статьи «Часописи Чешскаго Музеума» 1839 и 1840 годовъ содержатъ только подробности и соображенія касательно внѣшней исторіи Реймскаго Евангелія. Эта сторона обработана съ большою тщательностію и не безъ успѣха; но по отношенію къ главному вопросу о памятникѣ она не имѣетъ большой важности. Существенный успѣхъ для объясненія вопроса здѣсь составляетъ только открытіе послѣсловія и его буквальное истолкованіе. Что же касается палеографическихъ и филологическихъ признаковъ рукописи, то опытъ ихъ разбора былъ сдѣланъ только въ 1841 г. и представленъ публикѣ въ 1842 г. въ «Разборѣ Старо-Чешской Литературы».

Но этотъ опытъ обнаруживаетъ недостатокъ и умѣнья и охоты вести дѣло съ надлежащею основательностью. Читая здѣсь сужденія о палеографическихъ и филологическихъ признакахъ, чувствуешь, что авторъ не видѣлъ въ нихъ большой надобности для опоры своему мнѣнію о памятникѣ. Напротивъ, послѣсловіе прямо выставляется главною и въ самой себѣ твердою опорою. «Свидѣтельство послѣсловія»—замѣчаетъ г. Ганка на одно мѣсто въ письмѣ г. Ястржембскаго — происходитъ отъ *достовѣрнаго* преданія, которое удобно могло сохраниться до Карла IV во всей чистотѣ своей. Кто хочетъ отвергнуть это преданіе, тотъ долженъ доказать, что оно невѣроятно или несправедливо, а этому нельзя повѣрить безъ доказательствъ». По самому послѣсловію и заключающемуся въ немъ преданію г Ганка даетъ полную силу и безъ доказательствъ.

Посмотримъ однакоже, въ какой мѣрѣ воспользовались защитники древности памятника палеографическими и филологическими его признаками.

«Признаюсь» — писалъ г. Ястржембскій изъ Парижа «отъ 12 Сент. 1841 года въ Прагу — «я слишкомъ много «довѣрялъ свидѣтельству писца послѣсловія, выдающаго ки«рилловскую часть за собственноручный трудъ св. Проко«пія. Бью себя въ перси: mea culpa; потому-что, судя по «сокращеніямъ въ надписяхъ чтеній евангелія, рукопись, «кажется, не восходитъ къ временамъ перваго сазавскаго «аббата Чѣмъ старше рукописи, тѣмъ рѣже въ нихъ со«кращенія: это палеографическая истина. Впрочемъ не знаю, «должно ли, опираясь на это, почитать кирилловскую часть «современною глаголитской, какъ поступаетъ нашъ опыт«ный славянистъ г. Копитаръ. Потому что, если надобно «приложить къ нашей рукописи законы *всеобщей* палеогра«фіи *безусловно*, то не забудемъ, что она линевана грифе-

«лемъ; а, по наблюденіямъ ученаго общества de St. Maure, «такое линеваніе пергамента совершенно вышло изъ упо«требленія въ концѣ XIII вѣка, противъ чего, сколько намъ «извѣстно, никто еще не представилъ доказательствъ Же«лалъ бы я знать, чѣмъ опровергнетъ это замѣчаніе г. Ко«питаръ. — Впрочемъ Папебродъ (хотя я и не равняю себя «съ нимъ въ учености) не заботился, что скажетъ ему Ма«бильонъ на его палеографическія объясненія; такъ и я не «забочусь: слѣдствіемъ той борьбы остался безцѣнный «трактатъ De re diplomatica, и изъ настоящаго спора про«изойдетъ, вѣроятно, то палеографическое пріобрѣтеніе, «что нашъ словенскій Мабильонъ выскажетъ наконецъ свое «мнѣніе, можетъ ли, *при недостаткѣ другихъ внѣшнихъ призна«ковъ*, линеваніе пергамента грифелемъ или оловомъ слу«жить къ опредѣленію древности славянской рукописи».

Эти жалобы на состояніе славянской палеографіи, конечно, не совсѣмъ неосновательны: до сихъ поръ она не довольно богата фактами, еще менѣе обработана ученымъ образомъ и приведена въ такой видъ, въ которомъ была бы легко доступна для изученія. Но за то и позаботился ли достаточно г. Ястржембскій запастись необходимѣйшими пособіями славянской палеографіи? Напротивъ, онъ обращается скорѣе къ законамъ всеобщей палеографіи, хотя и не знаетъ, можно ли прилагать ихъ къ славянской литературѣ безусловно. Съ другой стороны, палеографія всегда оставалась бы въ своемъ дѣтскомъ состояніи, если бы изыскатели, имѣя подъ руками памятники, ограничивались только сожалѣніями о недостаткѣ палеографическихъ признаковъ, равнодушно пропуская факты, которые у нихъ предъ глазами и которыми они могли бы обогатить науку новыми пріобрѣтеніями. Вмѣсто того, чтобы ожидать отъ своего противника великолѣпнаго трактата De re diplomatica по поводу линеекъ, замѣ-

ченныхъ по указанію всеобщей палеографіи, изыскатель оказалъ бы болѣе существенную услугу и палеографіи и разсматриваемому вопросу, еслибы ограничился скромнымъ, но тщательнымъ наблюденіемъ и описаніемъ всѣхъ признаковъ почерка и правописанія, не мечтая тотчасъ рѣшить вопросъ о древности памятника и не увлекаясь мыслію о томъ или другомъ рѣшеніи вопроса. Мы увѣрены, что при добросовѣстномъ выполненіи этой задачи, наблюдатель, сознательно или безсознательно, попалъ бы на такіе признаки, которые даютъ ключь къ окончательному рѣшенію вопроса. Не будемъ однакожъ слишкомъ взыскательны: пересмотрѣвъ всѣ важнѣйшія статьи о Реймскомъ Евангеліи, мы не нашли палеографической оцѣнки памятника: не смотря на участіе многихъ достойныхъ палеографовъ, эта сторона до сихъ поръ остается почти нетронутою.

«При недостаткѣ палеографическихъ признаковъ», какъ выражается г. Ястржембскій, или лучше при недостаткѣ вниманія къ нимъ и ихъ оцѣнки, мудрено ли, что палеографическое сомнѣніе, возникшее въ г. Ястржембскомъ, осталось безъ всякаго вліянія на ходъ изслѣдованія? Въ немъ самомъ оно столь же легко́ изчесло, какъ и возникло. Для г. Ганки оно не сдѣлало никакого затрудненія, потому-что не было достаточно поддержано. Онъ успокоилъ своего корреспондета и, конечно, большинство читателей, указавъ на Изборникъ Святослова, Шестодневъ Іоанна Экзарха Болгарскаго, Остромирово Евангеліе, которыя, не смотря на множество сокращеній и кавыкъ, несомнѣнно принадлежатъ къ XI вѣку. Но, прогнавъ это темное облако, наведенное на славу древности драгоцѣннаго памятника, г. Ганка съ благодарностью употребилъ въ свою пользу замѣчаніе своего корреспондента о ли-

нейкахъ, хотя и не думалъ исполнить предложеннаго вмѣстѣ съ тѣмъ условія — разсмотрѣть вопросъ о приложимости законовъ всеобщей палеографіи къ славянской.

Что касается филологическихъ признаковъ, то въ письмѣ г. Ястржембскаго и на нихъ есть указаніе, которое могло бы дать совсѣмъ другой оборотъ ходу изслѣдованій, если бы самъ г. Ястржембскій остановился на немъ съ такою твердостью, какой заслуживала его важность. «Признаюсь», говоритъ онъ, «что хотя палеографическіе «признаки играютъ важную роль при опредѣленіи вѣка и «происхожденія рукописей, однако они не могутъ идти «въ сравненіе съ внутреннимъ, какъ напр. съ характе«ромъ языка.» Прекрасно! Въ силу этого замѣчанія мы могли бы ожидать, что правописаніе Реймскаго текста, грамматическія формы, лексикографическія отличія, немедленно будутъ подвергнуты самому тщательному разбору, какъ главному средству палеографической критики. «Къ сожалѣнію» — продолжаетъ г. Ястржембскій—«для сравне«нія съ рукописью мы не имѣемъ ни одного памятника «Мораво-Чешской литургіи по Греческому обряду во вре«мена св. Прокопія, и это не позволяетъ опредѣлить вѣкъ «и происхожденіе нашего текста». Въ слѣдствіе этого (мнимаго) несчастія, которое сдѣлало будто-бы филологическую оцѣнку памятника невозможною, сужденія о правописаніи ограничиваются у г. Ястржембскаго замѣткою объ употребленіи *напѱати* см. написати, которое, по его мнѣнію, ясно и выразительно говоритъ въ пользу Панноно-Мораво-Чешскаго происхожденія памятника.

Не говоря уже о томъ, что эта жалоба на недостатокъ историческихъ данныхъ въ церковной литературѣ для сужденія о паннономоравскихъ признакахъ, несправедлива, въ этомъ сожалѣніи г. Ястржембскій противорѣ-

читъ самому себѣ. Почтенный палеографъ вѣдь могъ же указать хотя одну паннономоравскую форму: стало быть, есть средство для этого разъисканія. Почему же онъ почелъ невозможнымъ или ненужнымъ распространить на весь памятникъ тотъ способъ изслѣдованія, посредствомъ котораго добылъ этотъ признакъ? Слѣдовало бы только сличить все правописаніе памятника съ правописаніемъ древне-церковнымъ, остромировскимъ; итогъ отличій перваго отъ послѣдняго составилъ бы филологическую характеристику памятника. И какъ слово *напсати* объявлено моравизмомъ, точно такъ-же можно было попытаться сравнить всѣ остальныя отличія съ чешскимъ языкомъ, который, сравнительно съ другими славянскими языками, вовсе не можетъ пожаловаться ни на бѣдность, ни на молодость своей исторіи. Г. Ястржембскій считаетъ этотъ анализъ и это сравненіе или невозможнымъ или неумѣстнымъ, хотя тутъ-же воспользовался и тѣмъ и другимъ для слова напсати! Послѣдняго — то есть сравненія, дѣйствительно никто не могъ бы поставить ему въ обязанность; но онъ не долженъ былъ отказываться отъ анализа рукописи и только нетерпѣливое патріотическое чувство могло заставить его пренебречь примѣрами правописанія памятника, въ которыхъ онъ или не понималъ смысла, или которымъ онъ не смѣлъ довѣрять потому, что они противорѣчили его горячимъ ожиданіямъ и надеждамъ.

Не знаемъ, раздѣлялъ ли г. Ганка сожалѣнія своего корреспондента, но и онъ не почелъ нужнымъ сдѣлать полный анализъ полученныхъ имъ отрывковъ, а удовольствовался двумя — тремя замѣтками. Такъ, онъ увѣряетъ, что *бесѣдоваша, пастырь*, какъ читается въ Реймскомъ Евангеліи, древнѣе, чѣмъ Остромировскія выраженія *сѣ-*

зашлсѧ, пастоухъ; но за тѣмъ онъ голословно утверждаетъ, что Реймскій и Остромировскій списки одинаково древни и отличаются только разрядами правописанія, которое въ Остр. Болгарское, а въ Реймскомъ — *Паннонское, во всемъ равное Сербскому*. Но если такъ, то почему же онъ считаетъ Реймскую рукопись именно Паннономоравскою, а не Сербскою? Очевидно, на неприкосновенной достовѣрности глаголитскаго послѣсловія, о которомъ отзывъ г. Ганки мы привели выше. Уже это достаточно показываетъ, что г. Ганка ни-во-что ставилъ филологическіе признаки; но стоитъ только сдѣлать опытъ анализа первой страницы (см. стр. 39), чтобы видѣть мѣру его пренебреженія къ правописанію, какое внушило ему блестящее открытіе послѣсловія.

§ 14.

Впрочемъ филологическія замѣчанія г. Ганки на изданные имъ отрывки Реймскаго текста и самые эти отрывки не сдѣлали, кажется, никакого впечатлѣнія въ ученомъ мірѣ. Единственное, сколько это извѣстно посредствомъ литературы, исключеніе составляетъ г. Востоковъ, какъ увидимъ ниже. Для всѣхъ прочихъ вопросъ о древности и разрядѣ рукописи казался удовлетворительно рѣшеннымъ одними историческими соображеніями, основанными на послѣсловіи. Эти соображенія поражаютъ читателя такою роскошью учености и содержатъ въ себѣ такъ много вѣроятнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ достожелаемаго и для науки и для патріотическаго чувства, что до изданія большаго отрывка текста (въ статьѣ г. Ганки 1840)

возраженіе противъ общаго къ нимъ довѣрія было бы почтено дерзостью и скептицизмомъ, хотя на самомъ дѣлѣ довольно первой страницы текста, чтобы не совсѣмъ довѣрять послѣсловію. Жаль, что намъ вовсе остались неизвѣстными впечатлѣнія, произведенныя правописаніемъ первой страницы на Прейса. Что же касается г. Востокова, то онъ, въ примѣчаніи на мнѣніе С. Строева, хотя признаетъ кирилловскую часть рукописи древнѣе глаголитской «по крайней мѣрѣ цѣлымъ вѣкомъ, если не болѣе», однакожъ вмѣстѣ съ тѣмъ, говоря о содержаніи послѣсловія, онъ употребляетъ такія нерѣшительныя выраженія, что изъ нихъ едвали можно заключать о его довѣріи къ нему и о высокомъ мнѣніи о древности правописанія первой страницы. «*Ежели*», говоритъ онъ, «это тотъ самый Прокопій, который въ 1030 г. основалъ монастырь для словенскихъ монаховъ въ Богеміи и умеръ въ 1053 г., то рукопись Ренская *была бы* древнѣйшимъ памятникомъ кирилловскаго письма, принадлежащимъ къ первой половинѣ XI вѣка. Почеркъ снимка *не противорѣчитъ* этому, такъ-же *отчасти* и правописаніе. Это *отчасти* очень краснорѣчиво. Далѣе слѣдуетъ еще разъ *если бы*. . . . Но большинство славянистовъ такъ было довольно историческими доказательствами, что никому и въ голову не приходило повѣрить ихъ не только первою страницей, но и полнѣйшимъ отрывкомъ текста. Въ такомъ видѣ дошло извѣстіе о Реймскомъ Евангеліи и въ Россію, гдѣ участіе къ нему выразилось уже нѣсколькими статьями, именно извѣстіемъ объ открытіи памятника (Ж. М. Н. П. *№* 1, 1836), подробнымъ описаніемъ его С. Строевымъ въ Ж. М. Н. Пр. 1839 *№* 1), неудачнымъ сомнѣніемъ Н. А. Полеваго въ тождествѣ найденной рукописи въ прежнимъ Texte du Sacre (Сынъ От. 1839 Т. VIII.), опро-

верженіемъ этого сомнѣнія С. Строевымъ (въ С. Пч. 1839 № 131), ошибкою самаго Строева въ разсужденіи глаголитской части и поправкою этой ошибки (въ письмѣ С. Строева въ Вѣну, С. Пч. 1839 № 260), наконецъ объясненіями и догадками на основаній неправильнаго чтенія послѣсловія въ статьѣ г. А. (въ С. Пч. 1840, № 28). Нужды нѣтъ, что эта послѣдняя была совершенно уничтожена потомъ статьею г. Срезневскаго: она тѣмъ не менѣе, даже тѣмъ болѣе распространяла извѣстность Реймскаго Евангелія и поддерживала интересъ его въ глазахъ русской публики. Г. Срезневскій сообщилъ изъ Праги свѣжія впечатлѣнія, произведенныя письмами г. Ястржембскаго; въ довольно длинной статьѣ (помѣщенной въ От. Зап. 1840 № 4) онъ подробно изложилъ содержаніе статьи Часописи Чешскаго Музеума 1840 г. Такъ-какъ ему не могъ быть еще извѣстенъ длинный отрывокъ Реймскаго текста (полученный послѣ), то отзывъ его о правописаніи Реймскаго Евангелія должно относить къ снимку *первой* страницы. Вотъ въ чемъ состоитъ этотъ отзывъ, прибавленный въ слѣдъ за изложеніемъ мнѣній гг. Ястржембскаго и Ганки. «Что каса-«ется до кирилловской части, то мнѣніе г. Ганки дока-«зывается не только преданіемъ (припиской 1395 г.), но «и палеографически. Прилагаю снимокъ съ полустраницы «этой части рукописи и прошу васъ сравнять почеркъ и «украшенія съ малымъ почеркомъ и украшеніями Остро-«мирова Евангелія: не только *общій характеръ*, но и «форма каждаго значка въ обѣихъ рукописяхъ очень сход-«ны, почти одинаковы. Что же до правописанія, то въ немъ, «разумѣется, нельзя искать булгаризмовъ и т. п.: *писав-«шій былъ Чехъ, слѣд. не могъ, вольно или невольно, не «сказать своего происхожденія, своего отечественнаго на-*

«*рѣчія*». Упоминая о результатѣ г. Ястржембскаго, который полагалъ кирилловскую часть писанною между 1010 и 1040 годами, г Срезневскій замѣчаетъ: «нельзя не «удивляться сходству выводовъ г. Ястржембскаго и г. «Ганки: они почти дословны, а между тѣмъ оба написаны въ одно и тоже время» (въ различныхъ мѣстахъ — въ Прагѣ и въ Парижѣ). Приводя окончаніе письма г. Ястржембскаго: «изданіе этой рукописи съ примѣчаніями «историческими и философическими и съ особеннымъ палеографическимъ и дипломатическимъ разсужденіемъ, безъ «сомнѣнія, не будетъ безполезно *и для французскихъ дипломатовъ*,» г. Срезневскій прибавляетъ: «да, прекрасно «было бы, если бы издали литографированный снимокъ «съ кирилловской части Реймской рукописи — и не обя«занность ли это Русскихъ?»—Изъ всего этого мы извлекаемъ слѣдующіе пункты: 1) г. Срезневскій нисколько не сомнѣвается въ происхожденіи кирилловской части памятника изъ рукъ св. Прокопія Чешскаго; 2) беретъ на себя отвѣтственность въ томъ, что отличія правописанія первой страницы Реймскаго Евангелія отъ Болгарскаго, именно: употребленіе ѫ вм. оу и обратно, *а* вм. ѧ, и ѧ вм. ѫ, *жс* вм. *жд* и исключеніе *ера*, произошли отъ народнаго Чешскаго выговора писца. Принимаетъ ли онъ и теперь на себя эту отвѣтственность, намъ неизвѣстно; но, по нашему мнѣнію, на первой страницѣ нельзя указать съ какою-либо вѣроятностію *ни одного чехизма*.

Въ слѣдующемъ (1841) году по поводу изданія «Описанія Славяно-Русскихъ Рукописей», С. Строева, г. Погодинъ (въ Москв.) сообщилъ тѣже извѣстія въ сокращеніи. Молодой палеографъ еще разъ долженъ былъ поплатиться за свое незнаніе глаголитскаго письма: перо г. Погодина не пощадило его молодости. «Богемскій уче-

ный Ганка» — говоритъ г. Погодинъ — «получивъ чрезъ г. Ястржембскаго вѣрный списокъ изъ Реймса, *прекра-*«*тилъ всѣ недоумѣнія и возвратилъ Реймскому Еван-*«*гелію честь, отнятую опрометчивостью и неопыт-*«*ностью*». Надобно согласиться, что почтенный критикъ строго судитъ о недостаткахъ «Описанія» С. Строева: «назначеніе вѣка рукописямъ дѣлаемо было, *разумѣется* (?), «*наугадъ*.... Авторъ вездѣ пишетъ о признакахъ, но «*нигдѣ* ни слова, въ чемъ состоятъ признаки» Съ нѣкоторыми ограниченіями этотъ приговоръ былъ бы впрочемъ справедливѣе. Но при такой строгости критика къ другимъ, невольно задаешь себѣ вопросъ, много ли самъ онъ обратилъ вниманія на филологическіе и палеографическіе признаки, безусловно принимая мнѣніе г. Ганки? Объ этихъ признакахъ во всей рецензіи ни слова. А между тѣмъ увѣренность въ древности памятника была такъ велика, что противорѣчіе Копитара совершенно предано забвенію. Довольно забавно видѣть, какъ г. Погодинъ (и, безъ сомнѣнія, не онъ одинъ) отъ души «же-«лаетъ, чтобы Россійская Академія доставила г. Копи-«тару возможность издать все Реймское Евангеліе, вмѣ-«стѣ съ г. Сильвестромъ», вовсе не опасаясь, что этотъ издатель, оставаясь вѣрнымъ своему мнѣнію, снова посягнетъ на «честь» знаменитой рукописи Послѣ истолкованія послѣсловія г. Ганкою, противорѣчіе казалось невѣроятнымъ, невозможнымъ: такъ сильно было очарованіе у людей, которыхъ дѣйствительно трудно упрекнуть въ «опрометчивости и неопытности».

Такимъ образомъ взглядъ, установленный въ Прагѣ, одержалъ рѣшительную побѣду, и ученые въ Богеміи и Россіи въ восторгѣ отъ драгоцѣнности, защищенной ими отъ всѣхъ навѣтовъ, выражали благоговѣйное желаніе ви-

дѣть литографированое изданіе памятника. Понятно, что Чехи были, по свидѣтельству г. Погодина, «безъ памяти» отъ находки памятника своего, нѣкогда самостоятельнаго, народно-религіознаго просвѣщенія. Русскіе славянисты могли смотрѣть съ нѣкоторою завистью на пріобрѣтеніе Чеховъ: съ такимъ чувствомъ восклицалъ г. Погодинъ: «Итакъ древнѣйшая славянская (авторъ хотѣлъ сказать: Церковно-славянская), хронологически несомнѣнная рукопись принадлежитъ Чехамъ»! Но это чувство растворялось удовольствіемъ видѣть современному сочувствію между Славянами историческое и даже «всемірно-историческое» основаніе: «здѣсь, въ Реймскомъ Евангеліи» говоритъ г. Погодинъ, «читатели найдутъ еще нѣкоторое подтвер-«жденіе великой всеобще-исторической мысли, которая «нынѣ появилась въ ученомъ свѣтѣ и занимаетъ многихъ «достойныхъ ученыхъ: *во всѣхъ славянскихъ земляхъ «христіанская вѣра введена была первоначально по Гре-«ческому закону.*»

§ 15.

Таково было господствующее, почти всеобщее мнѣніе ученыхъ о Реймскомъ Евангеліи, когда ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ высочайше благоугодно было даровать ученому свѣту литографированное изданіе, которому нѣтъ равнаго въ славянской литературѣ.

§ 16.

Съ исполненіемъ одного задушевнаго желанія славянистовъ сбылось и другое, что однакожъ приняли вовсе

не съ такимъ чувствомъ, съ какимъ ожидали, и всего менѣе съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ каждый славянистъ беретъ литографированное изданіе. Копитаръ, какъ извѣстно, написалъ къ изданію Сильвестра Prolegomena historica.

Г. Ганка въ предисловіи своего изданія Реймскаго Евангелія говоритъ, что покойный Копитаръ «вмѣшался въ Парижское изданіе *безъ приглашенія*». Русскіе ученые не могли бы сказать этого послѣ того желанія, какое высказано было «Москвитянином» и которое не встрѣтило никакого протеста ни въ нашихъ, ни въ другихъ славянскихъ литературахъ. Извѣстіе о желаніи Копитара принять участіе въ изданіи, напротивъ, было у насъ, вѣроятно, только отголоскомъ молвы, носившейся у иностранныхъ Славянъ. Слѣдовательно Копитаръ не безъ вѣдома ученой публики, и не наперекоръ общему желанію вмѣшался въ изданіе. Тѣмъ не менѣе участіе Копитара, дѣйствительно, имѣетъ видъ какого-то вмѣшательства, которое не входило въ общій планъ изданія и въ распорядительныя соображенія о его выполненіи. Первые экземпляры изданія, присланные въ наше Министерство Народнаго Просвѣщенія не содержали, какъ замѣчаетъ г. Ганка, ни Копитаровыхъ Пролегоменъ (*), ни текста Вульгаты: этими принадлежностями изданіе снабжено послѣ. Какъ это сдѣлалось, изъ литературы неизвѣстно, и намъ нѣтъ нужды допытываться; мы должны, и охотно готовы ограничить свои сужденія о духѣ и качествѣ Копитарова участія въ изданіи только въ той мѣрѣ, въ какой оно выразилось въ самомъ изданіи.

Теперь извѣстно, что тогда какъ противники Копи-

(*) Переведены вполнѣ г. Паплонскимъ и напечатаны, въ статьѣ его о Р. Е., въ Ж. М. Н. П. 1848 № 2.

тара торжествовали свою побѣду при громкихъ кликахъ и дружныхъ рукоплесканіяхъ диллетантовъ, самъ Копитаръ вовсе не думалъ признавать себя побѣжденнымъ и въ тишинѣ обдумывалъ своимъ противникамъ ударъ, который поражалъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе его ожидали. Извѣстно, въ какое тупое оцѣпенѣніе привелъ онъ восторги почитателей Прокопіевской древности своими «историческими пролегоменами»: любопытно посмотрѣть, въ чемъ заключается ихъ сила.

Открывая обертку Парижскаго изданія, на красивомъ заглавномъ листѣ вы уже видите присутствіе Копитарова духа въ разогнутой книгѣ, окруженной сіяніемъ, и въ глаголитскихъ письменахъ, начертанныхъ на одной ея страницѣ противъ другой, назначенной для кирилловскихъ, но остающейся пустою. Переходя къ тексту пролегоменъ, вы тотчасъ узнаете знакомое, и чѣмъ далѣе идете, тѣмъ болѣе разочаровываетесь въ своихъ ожиданіяхъ. Да, непріятное впечатлѣніе производитъ это безконечное повтореніе одного и того-же. Въ который разъ вы встрѣчаете это вѣчное одно и тоже въ сочиненіяхъ Копитара, съ одними и тѣми же фактами, съ одними и тѣми же доводами, безъ дальнѣйшаго развитія, безъ приращеній? Все это было уже изложено и переложено и по-нѣмецки и по-латыни. Но едва ли гдѣ нибудь эта система такъ сильно даетъ чувствовать свою оцѣпенѣлость, какъ въ этомъ сжатомъ, догматическомъ изложеніи. Невольно спрашиваешь себя: ужели творецъ ея почиталъ исчерпанными всѣ напр. филологическіе факты для ея подтвержденія? — Но въ самомъ противоположномъ взглядѣ на церковную литературу она могла бы найдти открытую дверь къ обогащенію себя новыми фактами. По крайней мѣрѣ достаточно ли обработаны историко-филологиче-

ской критикой приводимые факты? И этого нѣтъ. Для прочности взгляда, конечно, еще недостаточно схватить откуда бы то ни было десятокъ словъ, подобныхъ: *олтарь, попъ, постъ* и пр.; за тѣмъ остается еще главное: разсмотрѣть, въ какихъ памятникахъ встрѣчаются эти слова, точно ли такъ объясняется ихъ происхожденіе, какъ у Копитара, къ такимъ ли историческимъ выводамъ приводитъ это объясненіе, какіе предлагаетъ онъ въ своей системѣ? Это положительное изысканіе оживило бы изслѣдованіе вопроса, ввело бы его въ исторію церковно-славянскаго языка и литературы, но — сказать ли откровенно наше мнѣніе?—оно стѣснило бы свободное развитіе ея наукою... Что за убійственная ограниченность сводить всю исторію церковно-славянскаго языка и литературы къ одному частному вопросу, дорожить ею только для отдѣльныхъ стихій, указывающихъ на связь ея съ западнымъ христіанствомъ? Ужели интересъ древнѣйшей исторіи церковнаго языка исчерпывается изысканіемъ о какомъ-нибудь десяткѣ словъ, которыя своимъ происхожденіемъ приводятъ къ Славянамъ Западной Церкви? Нѣтъ, задача исторіи по отношенію къ составнымъ стихіямъ церковнаго языка должна быть обширнѣе и по взаимнымъ ихъ отношеніямъ сложнѣе; по отношенію къ умственному развитію и образованію глубже и многостороннѣе, и вопросъ, принимаемый Копитаромъ за точку отправленія въ его церковно-славянскихъ изслѣдованіяхъ, при объективномъ изслѣдованіи церковно-славянскаго языка и литературы, рѣшился бы самъ собою и притомъ положительнѣе и полнѣе, безъ преднамѣреннаго пріисканія фактовъ къ готовой идеѣ, безъ насильственнаго исторженія ихъ изъ исторической связи, безъ произвольнаго сближенія ихъ въ подготовленной системѣ, безъ ум-

ственнаго напряженія и раздраженія изъискателя. Отдѣленіе этого вопроса отъ другихъ интересовъ исторіи языка можетъ стѣснять кругъ историко-филологическихъ изъисканій и вести къ догматическому застою понятій,— и взглядъ Копитара на исторію церковно-славянскаго языка и литературы, взглядъ, которымъ, какъ извѣстно, опредѣлялся въ его глазахъ главный интересъ ея, даетъ именно такое ограниченное направленіе церковно-славянскимъ изслѣдованіямъ.... И однакоже всѣ убѣждены, что талантъ и ученость Копитара не способны были къ ограниченности; онъ не созданъ былъ для застоя. Въ этомъ увѣряетъ самая его историко-филологическая система, созданная обширною ученостью и свѣтлою мыслію и поддержанная имъ съ блестящимъ остроуміемъ и энергически; но объ этомъ нѣтъ нужды и распространяться. Что же останавливало этотъ умъ, имѣвшій въ себѣ всѣ условія къ непрерывной дѣятельности и постоянному преуспѣянію? Свойство ли самой его системы, которая не давала свободнаго хода развитію исторіи церковнаго языка и литературы въ его изысканіяхъ, или какія-либо случайныя обстоятельства, имѣвшія вліяніе на его умственное настроеніе и на направленіе его дѣятельности,—умственное состояніе и направленіе современнаго славянскаго образованія и т. п., но во всякомъ случаѣ обстоятельства, можетъ быть, находившіяся не въ существѣ его умственной природы, но извнѣ на него дѣйствовавшія?

Появленіе Копитаровой системы во всемъ ея (хотя и сжатомъ) объемѣ во введеніи къ изданію Реймскаго Евангелія даетъ намъ полное право взглянуть на ученую дѣятельность его съ этой стороны и предложить эти вопросы; потому что это появленіе служитъ даже отдѣль-

нымъ фактическимъ пособіемъ къ рѣшенію предложенныхъ вопросовъ. Читая въ пролегоменахъ этотъ длинный очеркъ исторіи, обнимающій рядъ вѣковъ отъ временъ первыхъ сѣменъ христіанства у Славянъ до Императора Карла IV и основаннаго имъ монастыря, невольно спрашиваешь себя, за чѣмъ начинать ab ovo, когда памятникъ, по мнѣнію самаго Копитара, не древнѣе XIV вѣка? Не довольно ли было бы ограничиться изображеніемъ ближайшей эпохи и указать въ ней памятнику надлежащее мѣсто? Дѣйствительно, пролегомены Копитара были бы излишнею роскошью учености, если бы ихъ назначеніе ограничивалось самимъ памятникомъ. Но съ этой точки зрѣнія мы не поняли бы истинной цѣли ихъ: они назначены были противодѣйствовать духу, въ какомъ принято было, въ слѣдъ за г. Ганкою, Реймское Евангеліе. Мы уже видѣли, что съ вопросомъ о памятникѣ соединялись идеи, имѣвшія у однихъ общій, всеславянскій интересъ, возведенный въ сознаніи нѣкоторыхъ до всемірно-историческаго значенія, у другихъ — частный славянскій, патріотическій въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. Въ русской литературѣ выразился взглядъ, видѣвшій въ Реймскомъ Евангеліи подтвержденіе всемірно-историчнской истины, что во всѣхъ славянскихъ земляхъ христіанская вѣра введена была первоначально по Греческому закону. По взгляду г. Ганки, славянское богослуженіе у Чеховъ посредствомъ рукописи св. Прокопія связывалось съ одной стороны съ св. Меѳодіемъ, съ другой — посредствомъ употребленія той-же рукописи въ Эммаузскомъ монастырѣ въ Прагѣ— съ позднѣйшими временами. Копитаръ, по своимъ задушевнымъ убѣжденіямъ, нѣсколько разъ выразившимся въ литературѣ и положительно и жаркою полемикой, не могъ равнодушно смотрѣть на огромные успѣхи этого взгля-

да, — и вотъ онъ доказываетъ въ пролегоменахъ, что первыя сѣмена христіанства насаждены были у Славянъ Западными проповѣдниками, что въ этомъ именно «вертоградѣ господнемъ» работали Кириллъ и Меѳодій, что послѣдній, будучи поставленъ Архіепископомъ Паннонскимъ въ Римѣ, признавалъ свою зависимость отъ Римскаго престола, что церковныя книги переведены для Славянъ Западной церкви и на ихъ языкъ, что славянское богослуженіе началось и утвердилось съ благословенія и подъ защитою Римскаго Первосвященника, что отъ Славянъ Западнаго исповѣданія оно перешло къ Славянамъ Восточной церкви, которая будто-бы не снисходительнѣе Римской смотрѣла на употребленіе народныхъ языковъ въ богослуженіи, что въ частности въ Богеміи славянское богослуженіе существовало только въ Сазавскомъ монастырѣ между 1030 и 1096 годами и принесено сюда, вѣроятно, изъ Венгріи, куда въ свою очередь заимствовано отъ сосѣднихъ Руссовъ, но не имѣетъ прямой связи съ книжными трудами св. Меѳодія, что послѣ означеннаго времени въ Богеміи славянское богослуженіе прекратилось совершенно, пока не было возстановлено личнымъ расположеніемъ Императора Карла IV въ Эммаусѣ. Всѣ эти идеи изложены здѣсь, очевидно, въ противоположность господствовавшему расположенію умовъ, оказавшему столь благосклонный пріемъ мнѣнію г. Ганки.

Общее негодованіе, возбужденное пролегоменами, довольно даетъ чувствовать, какъ мѣтко былъ направленъ ударъ Копитара: но не въ томъ дѣло. Главное для насъ— въ какомъ видѣ является здѣсь ученая дѣятельность Копитара. Будутъ ли еще утверждать, что онъ остался здѣсь въ границахъ науки, при обязанности ученаго? Но цѣлію его пролегоменъ, очевидно, было не продолженіе научнаго

развитія и утвержденія его системы, а распространеніе ея въ публикѣ и угнетеніе противоположнаго взгляда. И досугъ ли, кстати ли было бы теперь искать ученыхъ доказательствъ, когда надобно было представить свою систему, какъ доказанную, и представить въ самомъ благопріятномъ видѣ для успѣховъ ея въ мнѣніи читателя? Увлекаясь своимъ усердіемъ дѣйствовать на духъ публики, Копитаръ совершенно пренебрегъ обязанностями ученаго издателя и филолога, защищавшаго прежде свое особенное мнѣніе о памятникѣ. Показано ли въ пролегоменахъ пріобрѣтеніе, какое сдѣлала въ Реймскомъ Евангеліи славянская филологія, какъ это видимъ въ изданіи Glagolita Clozianus? Нѣтъ. Указано ли отношеніе Реймской копіи къ другимъ спискамъ евангелія? Нѣтъ. Означено ли ему мѣсто въ исторіи Церковно-Русской литературы, къ которой онъ причисляетъ этотъ списокъ? Доказано ли чѣмъ-нибудь русское его происхожденіе? Опровергнуто ли чѣмъ-нибудь противоположное мнѣніе? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Вмѣсто всего этого вы встрѣчаете обидное презрѣніе къ противникамъ, гордую и безотчетную самоувѣренность въ своемъ мнѣніи и даже пренебреженіе къ самому памятнику.... Въ заключеніе всего — мы видѣли *публициста*, но гдѣ же *филолога*?

Вотъ чѣмъ ограничиваются всѣ сужденія Копитара о кирилловской части памятника въ разсужденіи предложенныхъ нами вопросовъ (Prol. VII, 60):

Nescimus tandem, ignoscendumne potius quam examinandum judicium *Hankae* bohemi, qui, caeco patriae amore abreptus, formam nominis Evangelistae *Jan*, pro argumento sumit scriptoris *bohemici*, quamquam tam doctus panslavista vix possit ignorare, hanc formam aeque usitari non solum Polonis et Moldavis, sed quod caput est,

etiam Ruthenis (apud quos nos partem cyrillicam exaratam putamus, sed sec. XIV, non XI), eamque frequentari ipsi Nestori, qui adjutorem in historia suum excitat monachum Kiovensem Jan, plus quam octogenarium. Aeque infirma sunt et reliqua omnia Hankae urgumenta, nosque de hac re securi provocamus non ad summi Vostokovii, sed ad obvii cujuscunque russici Strojev tribunal! — (*По переводу г. Паплонскаго*: «Не знаемъ однакожъ, должны «ли мы пройдти молчаніемъ, или изслѣдовать мнѣніе Чеха «Ганки, который, увлекаясь слѣпою любовью къ отече- «ству, имя Евангелиста «Янъ» (*но это ли только?*) счи- «таетъ доказательствомъ Чешскаго происхожденія пере- «писчика. Столь ученый славянистъ не могъ незнать, что «эта форма равно употребительна не только у Поляковъ «и Молдаванъ, но — что главное — и у Русскихъ (у кото- «рыхъ, полагаемъ, и написана кирилловская часть, но въ «XIV, а не въ XI вѣкѣ), и что она употребляется са- «мимъ Несторомъ, который приводитъ слишкомъ-осми- «десятилѣтняго старца, Кіевлянина Яна, коего сказанія «служили ему пособіемъ при составленіи лѣтописи. Равно «неосновательны и всѣ остальныя доказательства Ганки, «и мы въ этомъ дѣлѣ смѣло призываемъ его предъ су- «дилище не знаменитаго Востокова, а любаго Русскаго «*Строева* (*).

§ 17.

Но какъ бы ни былъ Копитаръ увлеченъ ревностью къ распространенію своихъ высшихъ идей и къ опровер-

(*) Копитаръ любитъ иногда наносить своимъ литературнымъ противникамъ личныя обиды: такъ въ этомъ мѣстѣ изъ фамиліи Стробева дѣлаетъ онъ имя нарицательное, какъ и выше назвалъ Ганку bohemus Hanca, вмѣсто Bohemus, придавая такимъ образомъ слову bohemus вовсе не лестное значеніе. — *Замѣчаніе г. Паплонскаго.*

женію противоположныхъ имъ, какъ бы ни высоко цѣнилъ онъ въ этомъ свое призваніе, — при всемъ томъ такое полное небреженіе о своемъ и о противоположномъ мнѣніи въ-разсужденіи древности памятника крайне удивительно. Это небреженіе могло мѣшать успѣху въ публикѣ и тѣхъ самыхъ идей, распространеніемъ которыхъ дорожилъ онъ всего болѣе. Положимъ, что по соображеніи тѣхъ пунктовъ Богемской исторіи, которые онъ выставилъ въ пролегоменахъ (см. выше), въ высшей степени невѣроятно, чтобы въ Богеміи сохранилась до временъ Карла IV рукопись св. Прокопія: но какъ скоро есть достовѣрный фактъ, подтверждающій противное, историческія наведенія теряютъ всю свою силу, какъ-бы онѣ ни были прежде этого вѣроятны. Такъ точно самъ Копитаръ никогда не согласился бы съ Добробскимъ въ-разсужденіи начала употребленія глаголитики, послѣ того какъ открытъ Glagolita Clozianus, какъ бы ни было вѣроятно по другимъ историческимъ даннымъ, что начало употребленія глаголитики не восходитъ выше 1222 года. Чѣмъ же доказалъ Копитаръ, что Реймскій памятникъ принадлежитъ не XI, а XIV вѣку? Ничѣмъ, кромѣ презрѣнія и насмѣшки. По его мнѣнію, этотъ вопросъ даже не стоитъ и вниманія его или Востокова, а развѣ какого-нибудь Строева: но это — едвали такъ. Мнѣніе такого огромнаго большинства уже по одному этому заслуживаетъ полнаго вниманія, особенно если оно относится къ такому факту, на который опираются важныя и притомъ тѣ самыя идеи, которымъ Копитаръ здѣсь-же старается противодѣйствовать всею силой своей учености. Пренебреженіе къ вопросу о памятникѣ противорѣчитъ, стало быть, самому назначенію пролегоменъ; оно оставляетъ торжество Копитара неполнымъ, неоконченнымъ. Оно

противорѣчитъ и его характеру: мы знаемъ, какъ охотно вдавался онъ въ полемику и какъ неравнодушенъ былъ къ литературнымъ побѣдамъ; а въ настоящемъ случаѣ онъ могъ вѣрно расчитывать на блестящую побѣду. Стоило бы только выставить это множество и разнообразіе отличій правописанія, чтобы привести своего противника въ большое затрудненіе. Копитаръ это знаетъ, и однакоже предоставляетъ это какому-нибудь Строеву, выбравъ къ своей стороны для этой цѣли только форму *іанъ* — форму, какъ увидимъ ниже, самую ничтожную, которая стольже мало говоритъ въ пользу его мнѣнія, сколько и въ пользу его противника, тогда какъ въ текстѣ памятника оставалось столько полновѣсно-значительнаго въ этомъ отношеніи Надобно согласиться, что «критическій террористъ» на этотъ разъ, при всей надмѣнности въ общихъ выраженіяхъ, — въ положительной критикѣ, не въ примѣръ самому себѣ, и слишкомъ скроменъ, и удивительно не мѣтокъ (*).

§ 18.

Какъ мало могъ содѣйствовать успѣхамъ ученаго изслѣдованія способъ дѣйствія, принятый Копитаромъ въ пролегоменахъ, можно судить по тому, что Сильвестрово изданіе, снабженное этими пролегоменами, чрезвычайно мало вызвало критическихъ статей въ журналахъ. Тонъ пролегоменъ, безъ сомнѣнія, превосходилъ всѣ ожиданія и приводилъ критиковъ въ затрудненіе, какъ за нихъ взять-

(*) Оставляемъ эту странность безъ объясненія, потому что средства для этого не въ печати.

ся. Весьма естественно, что они избѣгали непріятной обязанности разбирать личную ссору и навлекать на себя за нее отвѣтственность. Намъ извѣстенъ только отзывъ г. Іордана, редактора «Славянскихъ Лѣтописей» въ Лейпцигѣ (Slawische Jahrbücher 1844, стр. 57): въ этомъ сухомъ и короткомъ отзывѣ слышится глубокое неудовольствіе, подавляемое своею собственною тяжестью. «Къ этой книгѣ» (литографированному изданію) — говоритъ г. Іорданъ — «Копитаръ написалъ предисловіе подъ названі-«емъ Prolegomena Historica, вопреки желанію тѣхъ, ко-«торые поддерживали изданіе, и вовсе не въ радость «славянскимъ филологамъ: здѣсь онъ навязываетъ чита-«телю взглядъ свой, котораго никто, кромѣ его, не защи-«щаетъ». Въ самомъ дѣлѣ, всѣ, раздѣлявшіе мнѣніе г. Ганки, были совершенно правы въ своемъ негодованіи, и, конечно, всего болѣе сами представители этого мнѣнія. Ихъ усердные труды и изысканія о памятникѣ не удостоились ни одного слова признательности; ихъ искреннія убѣжденія въ главнѣйшихъ пунктахъ объявлены слѣпыми и пристрастными, въ подробностяхъ или невѣрными или нестоющими вниманія, и все это, вмѣсто доказательствъ, усилено—однимъ презрѣніемъ. Само собою разумѣется, что они не могли оставить мнѣнія и поступка Копитара безъ противодѣйствія; но взглядъ г Ганки былъ изложенъ отрывками, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, не обширно распространенныхъ въ образованномъ мірѣ. Повтореніе его въ журналахъ такъ-же не повело бы къ цѣли, покуда изданіе памятника стало бы ходить съ пролегоменами Копитара. Нельзя было придумать мѣры болѣе дѣйствительной, какъ предпринять новое изданіе, болѣе доступное для большинства и болѣе удобное для филологическаго и всякаго другаго употребленія, и въ этомъ

изданіи изобличить съ одной стороны несообразный съ наукою образъ дѣйствія Копитара, а съ другой — изложить во всей полнотѣ и силѣ противоположный взглядъ. На успѣхъ такого изданія можно было надѣяться тѣмъ болѣе, что Парижское изданіе распространялось чрезвычайно медленно.

§ 19.

Но прежде нежели предпринято было такое изданіе, въ одинъ годъ съ литографированнымъ снимкомъ, мнѣніе г. Ганки получило новый ударъ, не столь шумный, какъ Копитаровъ, чуждый желанія, не говоримъ уже, нанести оскорбленіе, но и всякаго спора, и однакоже несравненно болѣе сокрушительный. Г. Востоковъ довольно извѣстенъ ученому свѣту какъ своими обширными познаніями въ церковной литературѣ, такъ и безпристрастіемъ и безстрастіемъ своихъ ученыхъ мнѣній. Копитаръ, безъ разбора употреблявшій рѣзкія и обидныя выраженія о своихъ противникахъ, не смотря на ихъ ученыя заслуги и безукоризненный ученый характеръ, всегда съ глубочайшимъ уваженіемъ произноситъ въ своихъ сочиненіяхъ имя Востокова. Одного этого было достаточно, чтобы отзывъ нашего филолога поставилъ г. Ганку въ затрудненіе насчетъ своего мнѣнія о Реймскомъ Евангеліи. Кромѣ того, самый тонъ отзыва г. Востокова и случай, по которому онъ сдѣланъ, показываютъ отсутствіе всякаго сочувствія или соотношенія къ той или другой изъ споривщихъ партій. Въ-послѣдствіи увидимъ, какъ воспользовался имъ г. Ганка; а теперь сообщимъ его слово въ слово, какъ онъ находится въ предисловіи къ Остромирову Евангелію.

«Первая половина Реймскаго Евангелія, написанная ки-«рилловскими буквами, ежели бы дѣйствительно была соб-«ственноручнымъ письмомъ св. Прокопа Чешскаго, какъ «сказано въ глаголитскомъ послѣсловіи конца XIV вѣка, «то превосходила бы древностью Остромирово Евангеліе, «ибо Прокопъ скончался въ 1053 году; но утвержденіе «писца послѣсловія могло быть основано *только на од-«номъ преданіи*: правописаніе этого отрывка Евангелія, «состоящаго изъ 15 листовъ безъ начала и конца, не по-«казываетъ такой древности. Сіе можно видѣть изъ вы-«писокъ, изданныхъ Ганкою (Wypisky Remešského a Ostro-«mirského Ewangelium, od Waclawa Hanky, 1840). Въ «Реймскомъ Евангеліи встрѣчается часто неправильное упо-«требленіе ѫ вм. оу, ѧ вм. ѭ, и обратно. Напр. ѧко вм. «ѭко, тоуне вм. тѫнѣ, поуть вм. пѫть, вьсѧкь вм. вьсѭкь, «владущоу вм. владѫщоу. Чехи могутъ возразить, что св. «Прокопъ писалъ Паннонскимъ или Моравскимъ нарѣчіемъ, «не имѣвшимъ носовыхъ звуковъ ѫ и ѧ, и употреблявъ-«шихъ буквы сіи безъ разбору наравнѣ съ оу и ѭ, такъ «какъ и Русскіе; но мы видимъ въ этомъ у Остромирова «писца строжайшее наблюденіе правописанія своего по-«длинника». Кто не пожелалъ бы видѣть подробнѣйшее сужденіе столь опытнаго знатока объ этомъ спорномъ па-мятникѣ? Но тогда онъ извѣстенъ былъ, какъ сказано выше, только по выпискѣ, и заключеніе нашего филолога равно существовавшимъ даннымъ.

§ 20.

Другое дѣло — отзывъ г. Бередникова: здѣсь были бы умѣстны бо́льшія ожиданія Палеографъ имѣлъ уже подъ руками Парижское изданіе; ему представлялся слу-

чай первому произнести судъ о спорномъ вопросѣ на основаніи полнаго текста

Отзывъ г. Бередникова о Реймскомъ Евангеліи находится въ статьѣ: «О славянскихъ рукописяхъ, хранящихся въ германскихъ и французскихъ библіотекахъ» (въ Ж. М. Н. Пр. 1844 № 5). Почтенному палеографу вздумалось сообщить за новость содержаніе книги, вышедшей назадъ тому три года и всегда пользовавшейся заслуженною извѣстностью: мы разумѣемъ« Описаніе Сл.-Русскихъ Рукописей» и пр. С. Строева. Напрасно старались мы отыскать какой-нибудь новый интересъ или особенную надобность въ этомъ сухомъ перечнѣ: точно такъ же напрасно стали бы искать чего-нибудь важнаго въ помѣщенномъ здѣсь отзывѣ о Реймскомъ Евангеліи. Вотъ онъ слово въ слово.

«Евангеліе XIV вѣка, на пергаминѣ, писано уставомъ «кирилловскимъ и глаголитскимъ письмомъ Этотъ знамени«тый кодексъ извѣстенъ подъ именемъ Реймскаго Евангеліа и состоитъ изъ двухъ рукописей въ одномъ переплетѣ; «въ первой — чтенія праздничныхъ Евангелій по обряду «Православной Церкви, въ другой — Евангелія, Апостолы, «пареміи на праздники по Римскому календарю О кириллов«ской части въ припискѣ 1395 года, помѣщенной въ концѣ «глаголитской, сказано, будтобы она писана Аббатомъ Про«коніемъ, умершимъ въ 1053 году (что по новости приписки «сомнительно) и въ 1347 году подарена Императоромъ Кар«ломъ IV Пражскому (въ Богеміи) монастырю Еммаусъ, въ «которомъ жили Славянскіе Бенедиктины, отправлявшіе Бого«служеніе по-Славянски Эта рукопись была похищена от«туда, по мнѣнію Ганки, Гусситами въ 1419 году и подарена «Реймскому собору кардиналомъ Лотарингскимъ. Снятый съ «нея французскимъ палеографомъ Сильвестромъ fac-simile «на иждивеніи нашего Правительства, превосходно напеча«танъ въ Парижѣ. См. Ганки Zpawa o Slowanském Ewangelium w R mesi въ Časop Mus. nar. 1839 sw. IV.»

Вотъ и все тутъ. Стоило ли же выписывать? спросятъ, можетъ быть: мы сдѣлали это для того, чтобы предоставить самому читателю судить о томъ дѣйствіи, какое могъ произвесть столь же рѣшительный, какъ и безотчетный отзывъ на ходъ изслѣдованій о Реймскомъ Евангеліи. Пусть припомнитъ читатель всѣ хлопоты г. Ганки объ извлеченіи памятника изъ неизвѣстности, ученыя изысканія для объясненія его исторіи, и результатъ этихъ изысканій — рядъ статей съ посильными доказательствами древности памятника: всякій согласится, что г. Ганка пріобрѣлъ неотъемлемое право на вниманіе ученыхъ къ его мнѣнію, — и отъ кого прежде всѣхъ могъ онъ ожидать этого вниманія, какъ не отъ ученыхъ, подобныхъ г. Бередникову, извѣстныхъ своею опытностью и не заинтересованныхъ ни тою ни другою партіей? И чтоже? Г. Бередниковъ не только не упоминаетъ о мнѣніи г. Ганки насчетъ *древности* рукописи, хотя къ этому онъ обязанъ былъ библіографическою цѣлью статьи, но высказывая противоположное мнѣніе, не почитаетъ нужнымъ даже голословно указать на что-нибудь для подтвержденія его, не скрываетъ даже, что оно шатко и неполно. Кто не замѣтитъ, что г. Бередниковъ въ оцѣнкѣ свидѣтельства послѣсловія ушелъ не далѣе сомнѣнія и то по причинѣ новости приписки, то есть, по непрочности главнаго доказательства г. Ганки, а не потому, чтобы самъ онъ имѣлъ въ виду какіе-нибудь, палеографическіе или филологическіе, признаки, противорѣчащіе послѣсловію! Въ силу этого сомнѣнія, собственное мнѣніе г. Бередникова о древности списка могло быть только возможно, или, по высшей мѣрѣ, вѣроятно, и однакоже онъ нимало не затрудняется произнесть рѣшительный судъ: «рукопись XIV вѣка!» Что касается разряда Реймскаго Евангелія, то г.

Бередниковъ предпочелъ вовсе неупоминать объ этомъ, тогда какъ о другихъ памятникахъ, исчисленныхъ въ его статьѣ, неопустительно говорится: «рукопись такого-то вѣка, правописаніе Болгарское, Сербское», или: «изъ Русскихъ, Южнославянскихъ» и пр. Видно, что для почтеннаго палеографа *правописаніе* Реймскаго Евангелія было такою же сфинксовой задачей, какъ для покойнаго С. Строева, у котораго въ описаніи такъ-же недостаетъ характеристическаго названія для правописанія Но въ такомъ случаѣ безотчетная увѣренность палеографа въ своемъ мнѣніи ни для кого не могла быть убѣдительна, и всего менѣе для того, чье мнѣніе оставлено въ пренебреженіи этою самоувѣренностью. И вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему серьозно-ученые споры превращаются въ жаркую личную полемику: всякому понятно, что самый строгій судъ и осужденіе не могутъ нанести такого оскорбленія, какъ невниманіе къ добросовѣстному труду и задушевному мнѣнію.

Такимъ образомъ отзывъ г. Бередникова могъ только увеличить число огорченій, которыя понесъ г. Ганка въ спорѣ за Реймское Евангеліе. Таково ли было дѣйствительно впечатлѣніе этого отзыва, изъ литературы неизвѣстно: но замѣчательно, что г. Ганка вовсе неупоминаетъ о мнѣніи г. Бередникова, хотя оно было помѣщено въ нашемъ Журналѣ М. Н. Пр., который, какъ намъ извѣстно, читается Пражскими учеными.

Мы съ своей стороны думаемъ, что г. Бередниковъ почиталъ описаніе С. Строева «достаточнымъ для того, чтобы составить ясное понятіе о рукописи», какъ самъ онъ говоритъ въ началѣ своей статьи (стр. 73), и потому считалъ за излишнее прибавлять что-либо отъ себя въ подтвержденіе своего отзыва. Только съ этой сторо-

ны и замѣчателенъ этотъ отзывъ; но мы уже представили отчетъ объ описаніи С. Строева, видѣли отзывъ о его «Описаніи» г. Погодина, привели сдѣланное на основаніи этого описанія сужденіе о Реймскомъ Евангеліи г. Востокова. Ко всему этому прибавлять нечего

§ 21.

По какъ бы ни были недостаточны новыя мнѣнія о Реймскомъ Евангеліи, онѣ показываютъ, что число противниковъ г. Ганки увеличилось и что его мнѣніе могло и впредь встрѣтить возраженія. Поэтому при новомъ изданіи Реймскаго Евангелія надлежало собрать и тщательно обработать все, что могло служить въ подтвержденіе древности памятника, не ограничиваясь тѣмъ, что до сихъ поръ доставляло торжество надъ всѣми сомнѣніями Однакоже г. Ганка удовольствовался тѣмъ, что совокупилъ во введеніи своего изданія все то, что было до сихъ поръ сообщено въ разныхъ статьяхъ, и это почиталъ достаточнымъ, чтобы прекратить всѣ споры и сомнѣнія.

Чтобы войдти въ положеніе г. Ганки, въ которомъ взглядъ его становится понятнымъ въ истинномъ своемъ значеніи, надобно представить себѣ, что намъ, *при настоятельной нуждѣ составить опредѣленное понятіе о памятникѣ, не осталось для этого никакого средства, кромѣ извѣстія, содержащагося въ послѣсловіи.* Понятно, что мы не смѣли бы оторватьтя отъ этого извѣстія, потому-что иначе потеряли бы всякое положительное основаніе для рѣшенія своего неизбѣжнаго вопроса; понятно, что тогда мы не затруднились бы никакимъ мно-

жествомъ, никакою смѣлостью предположеній для объясненія данныхъ; потому-что намъ не оставалось бы другаго пути къ рѣшенію вопроса, кромѣ возможныхъ комбинацій обстоятельствъ памятника съ другими историческими обстоятельствами, о которыхъ въ немъ упоминается или намекается. Такъ и поступаетъ г. Ганка: онъ увѣренъ и хочетъ увѣрить другихъ, что вѣроятное соображеніе внѣшнихъ данныхъ есть главное, даже единственное средство опредѣлить древность памятника, и если вы согласитесь съ нимъ въ этомъ пунктѣ, то уже не можете отказаться отъ его доказательствъ, какъ бы ни ясно сознавали вы потомъ, что онъ ведетъ васъ въ область чистыхъ предположеній. И вотъ причина успѣха его взгляда въ большинствѣ читателей: онъ открываетъ имъ перспективу и въ ней нѣсколько фактовъ, которые сами по себѣ неопровержимы; факты эти, конечно, должны имѣть какое-нибудь объясненіе, и г Ганка даетъ имъ вѣроятнѣйшее, противъ котораго читатель не можетъ возразить, не оставивъ самихъ фактовъ безъ всякаго объясненія и не обнаруживъ даже отвращенія ко всякому объясненію. Онъ показываетъ предметъ съ такой стороны, которая даетъ ему *положительное* основаніе дѣлать *возможныя* предположенія, и читатель, ставъ на это основаніе, не имѣетъ никакой опоры противъ послѣднихъ. Въ этотъ-то волшебный кругъ старается онъ вовлечь читателя съ первыхъ словъ первой страницы введенія къ своему изданію. Послѣсловіе заключаетъ въ себѣ достовѣрный фактъ, что въ 1395 году было преданіе о собственноручномъ Прокопіевомъ спискѣ Евангелія, соединенномъ въ одинъ переплетъ съ глаголитскою рукописью. Вы не можете оспорить этого факта, даже не захотите оспоривать его, потому-что онъ обѣщаетъ приве-

сти прямо къ рѣшенію вопроса; но какъ скоро вы согласились, въ слѣдъ за г. Ганкой, признать этотъ фактъ исходнымъ пунктомъ для рѣшенія вопроса, если вы не остановили самого автора вопросомъ о законности и вѣрности этого пути въ палеографіи, но вмѣстѣ съ нимъ рѣшились на попытку измѣрить своимъ умомъ *теорію* (конечно, далеко не математическую) *вѣроятностей*, то онъ, въ случаѣ вашего разногласія, имѣетъ полное право повторить вамъ то, что говоритъ на первой страницѣ своего введенія, именно: «желающій опровергнуть это преданіе долженъ доказать недостовѣрность его. Слова безъ доказательствъ не могутъ и не должны заслуживать вѣроятія». Въ самомъ дѣлѣ, развѣ вы можете доказать въ противоположность г. Ганкѣ, что преданіе *не могло* сохраниться отъ временъ Прокопія до временъ Императора Карла IV, что оно *не могло* быть написано въ концѣ самой кирилловской рукописи, отъ которой сохранилось только 16 листовъ, и что Императоръ не могъ подарить Эммаузамъ этого остатка, конечно, ничтожнаго въ самомъ себѣ для императорскаго подарка и безполезнаго для церковнаго употребленія, но за то драгоцѣннаго по воспоминанію? Какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ возраженіяхъ вы были бы слабѣе г. Ганки, потому что у него всѣ эти возможности имѣютъ хоть какое-нибудь основаніе, но не лишены его совершенно, каковы были бы отрицанія Правда, и въ способѣ г. Ганки есть софизмъ, который въ старинныхъ логикахъ причисляли къ числу фалляцій, подъ названіемъ недостатка основанія, petitio principii, въ-слѣдствіе котораго недостатка софистъ заставлялъ противника принять свое, болѣе вѣроятное, хотя и несовсѣмъ доказанное мнѣніе. Дѣйствительно, если г. Ганка въ своей сферѣ могъ быть правѣе, чѣмъ его

противники, то и его предположенія такъ мало доказательны, что самъ онъ приписываетъ имъ только возможность и вѣроятность. Но покуда не указано другаго, вѣрнѣйшаго средства для рѣшенія вопроса или, за неимѣніемъ другаго средства, покуда не признано за лучшее отказаться отъ всякаго рѣшительнаго мнѣнія, чѣмъ принять только въ нѣкоторой степени вѣроятное, до тѣхъ поръ этому послѣднему самымъ строгимъ судомъ было бы отдано рѣшительное преимущество. Пусть сравнятъ вѣроятность мнѣнія г. Ганки съ какимъ угодно мнѣніемъ Копитара о Реймскомъ Евангеліи: мы видѣли, что даже историческій взглядъ послѣдняго, въ которомъ доказывается невозможность разсматриваемаго преданія ограниченнымъ по времени и пространству употребленіемъ кирилловскаго письма въ Богеміи, не могъ произвесть никакого дѣйствія и не помѣшалъ успѣхамъ мнѣнія г. Ганки.

Большинство читателей, не знакомое по собственному опыту съ относительнымъ достоинствомъ средствъ палеографической критики, естественно, должно было увлечься этимъ родомъ доказательства, въ пользу котораго говорило столько вѣроятностей; но какимъ образомъ ученый, не разъ имѣвшій дѣло съ темными вопросами филологіи и исторіи, могъ преувеличить въ своихъ глазахъ важность доказательствъ, въ которыхъ съ перваго шагу отъ положительнаго факта надобно было дѣлать предположенія, положимъ, вѣроятныя, но нимало недостовѣрныя, а только *возможныя*, какъ показываютъ собственныя выраженія г Ганки? Для объясненія этого мы должны показать дѣйствительное присутствіе тѣхъ двухъ условій, которыя мы предположили выше для объясненія точки зрѣнія г. Ганки.

Мы видѣли, какъ глубоко заинтересованы были па-

мятникомъ и ученыя историческія убѣжденія славянскихъ ученыхъ, и патріотическія обще- и частно-славянскія чувства; мы видѣли, какъ оскорблены были эти чувства пролегоменами Копитара, и какъ возбуждены были ожиданія лучшаго, благопріятнѣйшаго рѣшенія вопроса. При такомъ расположеніи умовъ, при такомъ состояніи вопроса, кстати ли было останавливаться на оцѣнкѣ способовъ рѣшенія? Надобно было воспользоваться средствами, какія есть, не спрашивая, наилучшія ли онѣ для предполагаемой цѣли; надобно было принять вѣроятнѣйшее рѣшеніе, не затрудняя хода дѣла вопросомъ: это вѣроятнѣйшее мнѣніе вѣрно ли само по себѣ, безотносительно? Всякая остановка дѣла, всякая тѣнь сомнѣнія могла бы служить къ подкрѣпленію противоположнаго мнѣнія, выраженнаго такъ настоятельно. Положеніе вопроса неизбѣжно вызывало къ противодѣйствію всѣми средствами, какія были въ наличности.

Но избранныя г. Ганкою доказательства никакъ не были хуже тѣхъ, какія употреблялись до сихъ поръ въ подкрѣпленіе того или другаго мнѣнія о памятникѣ: напротивъ, это было продолженіе той-же методы, но уже усиленное фактами, пріобрѣтенными изъ самаго памятника. Припомнимъ, что Добровскій, точно такъ же, посредствомъ соображенія внѣшнихъ историческихъ обстоятельствъ назначалъ отечество памятнику въ Сербіи; точно такъ же, но еще съ меньшою вѣроятностію, Копитаръ приписывалъ изготовленіе кодекса св. Меѳодію; тѣмъ же путемъ историческихъ соображеній онъ зашелъ потомъ для отысканія исторіи памятника сперва на сѣверъ, въ Кіевъ, а потомъ на югъ, въ Далмацію, не обративъ въ послѣднемъ случаѣ достаточнаго вниманія на добытую уже страницу текста; точно такъ-же, желая противодѣйствовать г.

Ганкѣ, онъ предпочелъ филологическому разбору этой страницы разборъ послѣсловія; въ самыхъ пролегоменахъ наконецъ Копитаръ пускается въ обширныя историческія объясненія, и этимъ внѣшнимъ путемъ старается оподозрить противное мнѣніе, минуя филологическій разборъ памятника. Такимъ образомъ направленіе, принятое г. Ганкою шло издревле и поддерживалось полнымъ участіемъ и изъискателей и ученой публики. Всего менѣе г. Ганка могъ оставить это направленіе, на которомъ онъ пріобрѣлъ себѣ заслуженную славу объявленіемъ и объясненіемъ послѣсловія. Сравнительно съ предъидущими произвольными предположеніями онъ могъ даже гордиться своими историческими выводами, потому-что главные пункты ихъ основывались на краеугольномъ камнѣ послѣсловія; могъ ставить себѣ въ заслугу, что онъ остановилъ необузданный произволъ, который носился съ памятникомъ то съ юга на сѣверъ, то обратно, и не зналъ, на чемъ остановиться. Открытіе послѣсловія навсегда останется соединеннымъ съ именемъ г. Ганки и его парижскаго корреспондента, какъ неотъемлемая ихъ заслуга ученому вопросу: оно указало твердый пунктъ въ исторіи странствованія памятника; но что касается внутренней исторіи кирилловской части, то мнѣніе г. Ганки, опираясь на свидѣтельство послѣсловія, получало только относительную цѣну: оно было вѣроятнѣе другихъ мнѣній, — и только. Г. Ганка имѣлъ полное право требовать, чтобы тѣ, которые до сихъ поръ отвергали древность памятника, не приводя никакихъ доказательствъ, позаботились по крайней мѣрѣ ослабить доказательства своихъ противниковъ, именно подорвать послѣсловіе, которое, какъ всякій согласится, само по себѣ скорѣе заслуживаетъ вѣроятія, чѣмъ безотчетнаго недовѣрія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно не было безусловно вѣр-

но; это признаетъ самъ защитникъ его, и потому старается найдти какое-нибудь подтвержденіе послѣсловію; но, къ несчастію, ему удается показать только возможность того, о чемъ свидѣтельствуетъ послѣсловіе, именно: онъ утверждаетъ, что преданіе *могло* сохраниться отъ временъ Прокопія до Императора Карла IV, что въ концѣ полной кирилловской рукописи, отъ которой дошелъ до насъ только отрывокъ, *могло* быть такое же послѣсловіе. Но то, что могло быть, съ одинаковою вѣроятностью могло и не быть: одно предположеніе необходимо вызываетъ другое. Для подтвержденія той или другой возможности, очевидно, нужны новыя доказательства, и тотъ, кто знаетъ, какъ часто вѣроятныя мнѣнія оказываются невѣрными, имѣетъ полное право пріостановить свое согласіе на мнѣніе г. Ганки въ ожиданіи положительныхъ доказательствъ. Копитаръ былъ правъ въ своемъ отрицаніи, потому-что мнѣніе г Ганки, не было еще доказано удовлетворительно; но какъ скоро онъ выставлялъ противъ этого свое, еще менѣе доказанное имъ въ литературѣ, мнѣніе, онъ былъ еще менѣе правъ, чѣмъ г. Ганка, потому-что мнѣніе послѣдняго имѣло на своей сторонѣ нѣкоторую вѣроятность. При тогдашнемъ состояніи вопроса можно было основательно возражать и отрицать; но всякій, кто безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, кромѣ того, что было сказано pro или contra дотолѣ, захотѣлъ бы имѣть рѣшительное мнѣніе о памятникѣ, долженъ былъ принять мнѣніе г. Ганки, какъ вѣроятнѣйшее. Но г. Ганка не довольно строго оцѣнилъ твердость своего взгляда: относительную важность его, какую онъ могъ имѣть противъ тогдашнихъ мнѣній, онъ почелъ за безусловную силу противъ всякаго возраженія, съ какой бы стороны оно ни явилось; потому-что онъ не видѣлъ или не хотѣлъ ви-

дѣть другаго, болѣе вѣрнаго пути изслѣдованія, чѣмъ историческія соображенія, основанныя на послѣсловіи, онъ поставилъ это послѣсловіе главнымъ основаніемъ для рѣшенія вопроса, потому и потребовалъ отъ своихъ противниковъ, прежде всего, положительнаго опроверженія послѣсловія, не замѣчая того, что само оно сильно только безотчетностью противоположнаго мнѣнія. Безъ этого опроверженія со стороны противниковъ, онъ отказался принимать всѣ возраженія, какъ-будто онѣ не могутъ быть основательны, если будутъ сдѣланы независимо отъ послѣсловія. Съ своей точки зрѣнія г. Ганка правъ: надобно только забыть, что есть другія средства для опредѣленія древности памятника, и тогда всякій, волею или неволею, долженъ будетъ согласиться на его мнѣніе, кто только желаетъ имѣть какое-либо мнѣніе о памятникѣ.

Въ-послѣдствіи мы увидимъ, что основательная критика мнѣній о памятникѣ началась энергическимъ указаніемъ именно на это *другое* средство для рѣшенія вопроса; теперь же замѣтимъ, что оно до сихъ поръ не являлось для опоры того или другаго мнѣнія. Копитаръ только въ общихъ выраженіяхъ ссылался на палеографическіе и филологическіе признаки, не входя въ нихъ подробно, можетъ быть, изъ опасенія обнаружить предъ публикой свое затрудненіе на-счетъ памятника. Критики, повторившіе въ журналахъ мнѣнія г. Ганки, такъ-же увлеклись однимъ историческими его соображеніями, не замѣчая, что въ прославляемомъ ими взглядѣ недостаетъ филологическихъ основаній. Это достаточно показываетъ, въ какой мѣрѣ распространенъ былъ духъ филологической критики, котораго лучшимъ представителемъ былъ и есть Востоковъ.

§ 22.

Читатели, знакомые съ изданіемъ г. Ганки, могутъ заключить изъ предъидущаго, что мы хотимъ умолчать о филологической сторонѣ его взгляда: напротивъ, мы намѣрены распространиться объ ней, можетъ быть, свыше ожиданій. Прежде всего о замѣткахъ г. Ганки на правописаніе Реймскаго Евангелія. Сравнивая ихъ съ общею массою правописанія текста, покушаешься думать, что онѣ сдѣланы только для исполненія палеографическаго обычая: такъ скудны онѣ по количеству и такъ мало развиты, каждая въ отдѣльности. Г. Ганка приводитъ ихъ въ подтвержденіе свидѣтельства послѣсловія о Чешскомъ происхожденіи рукописи: но что могло подтверждать само по себѣ, безъ послѣсловія, правописаніе памятника, когда, по мнѣнію г. Ганки, Паннопо-Моравское правописаніе «во всемъ сходно» съ Сербскимъ? Наоборотъ, только при свидѣтельствѣ послѣсловія правописаніе получало какое-нибудь значеніе по отношенію къ вопросу о происхожденіи памятника. Отнимите послѣсловіе, и вы можете, по смыслу г. Ганки, съ одинаковымъ правомъ почитать правописаніе памятника какъ Чешскимъ, такъ и Сербскимъ. Стало быть, если г. Ганка указываетъ въ правописаніи памятника такъ называемые чехизмы, то онъ разумѣетъ подъ этимъ, что указываемыя имъ особенности правописанія сами по себѣ только *могутъ* быть чехизмами, и на этотъ разъ онѣ — дѣйствительно чехизмы только въ силу свидѣтельства послѣсловія; стало быть, онъ утверждаетъ, что эти особенности только не противорѣчатъ послѣсловію, что онѣ не мѣшаютъ, но и не заставляютъ принять его. Собственной силы доказательства онъ, очевидно, имъ не приписывалъ; потому-то и не старался доказать свои

чехизмы филологически. Такъ, по его мнѣнію, въ словахъ: *обь, кь, подь, ь* можетъ быть поставленъ вмѣсто Чешскаго *е*, согласно съ Чешскимъ выговоромъ; но такъ какъ въ этомъ утвержденіи не думалъ идти далѣе возможности. то и не почелъ нужнымъ доказывать, точно ли подтверждается это *е*, предполагаемое въ полугласной *ь*, остальнымъ правописаніемъ тѣхъ-же словъ въ продолженіи текста, и не противорѣчитъ ли этому объясненію буквы *ь* употребленіе ея въ другихъ случаяхъ? Не такъ поступилъ бы г. Ганка съ правописаніемъ, если-бы видѣлъ въ немъ самостоятельный, независящій ни отъ послѣсловія, ни отъ другихъ какихъ-либо данныхъ, источникъ для рѣшенія вопроса о времени и мѣстности происхожденія Реймскаго списка· онъ не сталъ бы ловить однѣ частности и тотчасъ примѣривать ихъ къ Чешскому выговору: онъ позаботился бы анализировать все правописаніе памятника, изъ него самаго вывелъ бы употребленіе буквъ въ томъ или другомъ звуковомъ значеніи, и только тогда сблизилъ бы это употребленіе съ Чешскимъ выговоромъ, для того чтобы видѣть, согласно ли оно съ этимъ послѣднимъ, и можно ли въ-слѣдствіе того назвать правописаніе памятника Чешскимъ или Паннопо-Моравскимъ. Но во введеніи г. Ганки къ его изданію не только нѣтъ этого анализа, ни обыкновенныхъ въ хорошемъ ученомъ изданіи удобствъ для этого, но и собственныя его замѣтки о правописаніи помѣщены внизу страницы подъ чертою, вмѣстѣ съ ссылками на источники и другими дополнительными и поясните льными статьями. Такую жалкую роль играетъ правописаніе во взглядѣ г. Ганки и въ его изданіи.

§ 23.

Любопытно видѣть, не будутъ ли по поводу этого

униженія филологіи клеветать на современное состояніе науки, утверждая, что оно не позволяетъ давать болѣе, чѣмъ дано у г Ганки, значенія правописанію вообще, и не имѣетъ еще вѣрныхъ средствъ удовлетворительно объяснять отдѣльные факты правописанія и выводить изъ нихъ твердыя заключенія. Нѣтъ, г. Ганка своими изслѣдованіями не возвелъ вопроса до современныхъ успѣховъ филологіи, и остается въ своемъ взглядѣ на правописаніе представителемъ прежняго состоянія науки, въ которомъ ей недоставало именно надлежащей оцѣнки важности правописанія, и средствъ для объясненія его, хотя въ тоже время онъ усвоилъ себѣ въ общихъ чертахъ результаты успѣховъ филологіи новѣйшаго времени. Таковы вообще нынѣшнія понятія большинства о славянской филологіи. Въ наше время въ общихъ выраженіяхъ всѣ повторяютъ, что уклоненія писцовъ церковно-славянскихъ памятниковъ отъ старинной нормы правописанія происходитъ отъ вліянія народныхъ нарѣчій, что эти уклоненія, стало быть, имѣютъ свои законы и значеніе, что ими нельзя пренебрегать, какъ описками, или намѣреннымъ, но ничего не значущимъ произволомъ, что ими можно опредѣлять эпохи исторіи литературы, и отчасти видѣть въ нихъ историческое развитіе народныхъ нарѣчій. Но попробуйте прослѣдить дѣйствіе этого взгляда на опытѣ, въ сужденіяхъ объ отдѣльныхъ памятникахъ, въ разборѣ ихъ правописанія: вы не разъ встрѣтите ощутительный недостатокъ въ практической увѣренности въ этомъ взглядѣ, шаткость и нерѣшительность въ объясненіи фактовъ по-требованію этого взгляда, замѣтные пропуски фактовъ, умалчиванія; вы найдете даже, въ противоположность этому взгляду, намеки на условное употребленіе церковнаго языка, на произволъ, малограматность,

вообще на личность писцовъ и на проистекающую отсюда трудность найдти какую-либо послѣдовательность въ историческомъ ходѣ этой стороны церковно-славянской литературы. При этомъ вы невольно припомните ощущеніе того темнаго состоянія, того недоумѣнія, какое нѣкогда (въ Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ) съ такимъ бесцѣннымъ прямодушіемъ, съ такою достохвальною искренностью выразилъ Калайдовичъ. Отъ чего же происходитъ въ наше время противорѣчіе между дѣйствительнымъ состояніемъ нѣкоторыхъ филологическихъ изысканій съ собственнымъ-же нашимъ понятіемъ о томъ, каковы онѣ должны и могутъ быть? Отъ того, что мы стараемся болѣе затверживать общія положенія, чѣмъ факты, на которыхъ онѣ основаны; что мы усвоиваемъ себѣ результаты, не отдавъ себѣ отчета въ процессѣ ихъ вывода, и еще менѣе испытавъ этотъ процессъ на самихъ себѣ. При этомъ неудивительно, если мы, при всей своей теоретической мудрости, взявшись за памятникъ, не знаемъ, что дѣлать съ его фактами. Живой примѣръ этого представляетъ намъ г. Ганка, — ученый, какъ извѣстно, не отставшій отъ современности въ другихъ отношеніяхъ. Быть не можетъ, чтобы онъ не замѣтилъ всего множества и разнообразія особенностей правописанія въ Реймскомъ Евангеліи: одно чтеніе корректуръ двухъ текстовъ Реймскаго и Остромирова, помѣщенныхъ на каждой страницѣ вмѣстѣ въ его изданіи, неизбѣжно заставляло ознакомиться съ каждою буквой, и отмѣченныя имъ въ свою пользу особенности, очевидно, взяты не на удачу, а выбраны изъ общей массы приспособительно къ послѣсловію. Г. Ганка зналъ такъ-же a priori, что въ уклоненіяхъ писцовъ отъ правильнаго правописанія долженъ обнаруживаться ихъ выговоръ, и потому искалъ въ Реймскомъ

спискѣ чехизмовъ. Г. Ястржембскій намекнулъ ему вообще о преимуществѣ филологическихъ признаковъ въ палеографіи предъ всѣми другими; отзывъ г. Востокова долженъ бы былъ навести на мысль о значительности правописанія Реймскаго Евангелія и о необходимости разсмотрѣть оное подробно. И однакоже ни эти посторонніе указанія, ни собственныя теоретическія мнѣнія не принесли никакой пользы для практики: пестрота Реймскаго текста промелькнула предъ глазами издателя, не остановивъ на себѣ его вниманія, какъ опечатки предъ глазами читателей, не изострившихъ чтеніемъ корректуръ своего вниманія къ буквамъ.

§ 24.

Послѣ опредѣленія отличительныхъ признаковъ правописанія, обязанность издателя — показать отношеніе памятника къ другимъ однороднымъ и такимъ образомъ опредѣлить его мѣсто въ исторіи литературы. Г. Ганка принялъ на себя эту обязанность: съ этою цѣлью онъ показываетъ раздѣленіе церковно-славянскихъ рукописей на разряды. Подобно Копитару, онъ принимаетъ пять разрядовъ; но на первомъ мѣстѣ ставитъ разрядъ Болгарскій. Отличительнымъ признакомъ этого разряда онъ почитаетъ правильное употребленіе носовыхъ и полугласныхъ, какъ въ Остромировомъ Евангеліи, которое онъ здѣсь и называетъ, и которое, говоритъ онъ, «вѣроятно, было переписано съ подобной (Болгарской) рукописи, хотя и тутъ вкрались немногія ошибки въ трудъ Русскаго переписчика» Правда: и однакожъ трудно ожидать, чтобы послѣ этого опре-

дѣленія понятіе о Паннонскомъ разрядѣ было удовлетворительно. Опасеніе это оправдывается. «Въ другой разрядъ», продолжаетъ г. Ганка, «мы помѣщаемъ правописаніе Паннонское, *не думая о Корутанскомъ.*» Стало быть, онъ не признаетъ ни одной іоты истины въ филологическомъ взглядѣ Копитара? Но чтобы устоять въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи Копитару (и, какъ мы думаемъ, Востокову), г. Ганка долженъ представить точныя и положительныя понятія о Панноно-Моравскомъ разрядѣ: но вотъ характеристика правописанія этого разряда Въ немъ, говоритъ г. Ганка, «ѫ и ѧ удержались *не такъ правильно*, и только потому, что находились въ азбукѣ, но твердый ъ совершенно исключенъ, потому-что его не было въ выговорѣ Паннонскомъ, довольствовавшемся мягкимъ ь». По этому опредѣленію г. Ганка выходитъ совершенно правъ, когда утверждаетъ, что Паннонское правописаніе совершенно сходно съ Сербскимъ, потому-что и въ этомъ послѣднемъ юсы употреблялись *не такъ правильно* и ъ былъ замѣненъ ерью, только безъ замѣны твердаго выговора мягкимъ, чего не могло быть ни въ Панноно-Моравскомъ произношеніи, ни, думаемъ, въ другомъ какомъ-либо славянскомъ нарѣчіи, какъ показали мы въ рецензіи на изданіе г. Ганки (въ Ж. М. Н. Пр. 1846 № 10). Но спрашивается: съ чего взята эта характеристика? Изъ памятниковъ этого разряда названъ только какой-то Прологъ съ русскимъ послѣсловіемъ 1339 года у Московскаго купца Филатова: но изъ него не приведено ни одной буквы; не сказано даже, откуда взято свѣдѣніе объ этомъ прологѣ, чтобы читатель могъ справиться и повѣрить то, въ чемъ увѣряютъ его голословно. Почему знать: можетъ быть, г. Ганка принялъ за Паннономоравское правописаніе—сходное съ нимъ Сербское? 1339 годъ, хотя бы онъ

принадлежалъ русскому писцу, мало говоритъ въ пользу перваго, которое могло войдти въ церковныя рукописи только въ древнѣйшія времена. За исключеніемъ этого, по неизвѣстности, сомнительнаго представителя Паннонскаго разряда, въ подтвержденіе его характеристики у г. Ганки остается само Реймское Евангеліе — и оно-же опять подводится подъ эту характеристику! Но не смотря на этотъ circulus in demonstrando, Реймское Евангеліе подходитъ подъ эту характеристику только до тѣхъ поръ, покуда вышеприведенное: *не такъ правильно,* остается въ этой неопредѣленности: въ противномъ случаѣ надобно бы было признать за паннонизмы и употребленіе юса за *оу, ю, я* и *ѧ*, какъ это видимъ въ Реймскомъ Евангеліи; а на это едва-ли согласится и самъ г. Ганка. Такимъ образомъ, въ подтвержденіе признаковъ Паннонскаго правописанія у г. Ганки не остается ничего, да и сами они, одинъ по сходству съ Сербскимъ правописаніемъ, другой по неосязаемости своего чисто отрицательнаго содержанія, не могутъ составить особенной формы церковнаго правописанія, такъ-что, въ заключеніе всего, можно сомнѣваться, точно ли есть въ самомъ дѣлѣ особенный разрядъ Паннонскихъ рукописей?— За Паннонскимъ у г. Ганки слѣдуетъ Сербскій, отличающійся отъ перваго только въ позднѣйшее время исключеніемъ юсовъ. Въ четвертый разрядъ онъ помѣщаетъ Валашское правописаніе, которое «юсы употребляетъ смѣшанно, и весьма мало различествуетъ отъ пятаго, Русскаго разряда, видимаго съ небольшою перемѣной въ древнихъ и новѣйшихъ книгахъ.» Можетъ быть, г. Ганка имѣлъ здѣсь правильное понятіе о Валашскомъ правописаніи; но оно не удалось въ изложеніи. Смѣшивая юсы, Валашское правописаніе тѣмъ самымъ должно уже отличаться отъ Рус-

скаго, и дѣйствительно отличается,—и однако выраженія: *смѣшеніе юсовъ*, нельзя принять для характеристики Валашскаго правописанія: оно совершенно идетъ къ позднимъ Болгарскимъ рукописямъ, которыя, во времена Добровскаго, по ошибкѣ, теперь давно уже исправленной Востоковымъ, причислялись къ Валашскому разряду; собственный же характеръ этого послѣдняго составляетъ смѣшеніе двухъ правописаній — Болгарскаго и Русскаго, въ слѣдствіе чего въ Валашскомъ правописаніи находится не только Болгарское смѣшеніе юсовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и Русское употребленіе *оу* вмѣсто ѫ, и пр.

§ 25.

То, что изложено въ этомъ очеркѣ церковной литературы неполно или неточно, могло бы быть вознаграждено въ «Началахъ Священнаго Языка Словянъ»,—книжкѣ, написанной по поводу изданія Реймскаго Евангелія и вмѣстѣ съ нимъ вышедшей. Реймское Евангеліе дѣйствительно можно принять за достаточный поводъ къ составленію грамматическаго руководства для изученія исторіи церковнаго языка и литературы: потому-что едва ли найдется еще памятникъ, котораго текстъ прошелъ бы столько разныхъ формъ церковной литературы и сохранилъ бы въ себѣ слѣды этого странствованія. Съ этой стороны судьба памятника едва-ли менѣе любопытна, чѣмъ исторія его странствованій и приключеній, начиная отъ Эммауса, до нашего времени. Такого рода руководство, даже со стороны одного правописанія и разныхъ измѣненій грамматическихъ формъ вліяніемъ выговора, не только было бы полезно, но, можно сказать, не-

обходимо: это можно бы доказать неудачными явленіями, которыя не прекращаются въ филологической и палеографической литературѣ, не смотря на пособія, какія уже есть, но, бывъ разсѣяны въ разныхъ сочиненіяхъ, не обращаютъ на себя должнаго вниманія. Но для г. Ганки Реймское Евангеліе, очевидно, имѣло другой интересъ: сообразно съ его взглядомъ на этотъ памятникъ, мы могли бы ожидать въ его грамматическомъ руководствѣ опредѣленія первобытнаго вида церковнославянскаго языка и состояніе его въ Паннонскомъ разрядѣ рукописей. Въ этихъ границахъ церковный языкъ былъ бы объясненъ въ самомъ важномъ пунктѣ своей исторіи. Особенный интересъ сочиненію могла бы сообщить строгая вѣрность памятникамъ и отчетливая метода наблюденій и выводовъ, въ противоположность Копитаровой грамматикѣ при Glagolita Clozianus, которая со стороны методы всего скорѣе можетъ имѣть вредное дѣйствіе (*). Грамматика г. Ганки, кажется, дѣйствительно предназначалась къ этому противодѣйствію; по крайней мѣрѣ, при извѣстномъ соперничествѣ г. Ганки Копитару, это невольно приводитъ на мысль появленіе ея съ Реймскимъ Евангеліемъ, въ параллель Копитаровой грамматикѣ, составленной по поводу Glagolita Clozianus. Но выполненіе этой цѣли въ книжкѣ г. Ганки весьма неудовлетворительно (**).

(*) Съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что ученикъ Копитара, г. Миклосичъ не увлекается недостатками своего знаменитаго учителя. Напротивъ, въ одномъ изъ своихъ изданій, выставляя какое-то неосновательное мнѣніе Копитара, онъ не можетъ надивиться, какъ могъ такой филологъ, какъ Копитаръ, допустить столько легкомыслія. При всемъ томъ г. Миклосичъ, конечно, никому не уступитъ въ уваженіи къ Копитару, что и доказалъ онъ посвященіемъ своего послѣдняго изданія памяти Копитара.

(**) Съ своей стороны читатель, можетъ быть, не удовлетворится этимъ безотчетнымъ отзывомъ; но мы отказываемся на этотъ

§ 26.

Послѣ того, какъ за несостоятельностью Паннонскаго разряда у г. Ганки, Реймское Евангеліе осталось внѣ исторіи церковной литературы, остается желать, чтобы въ новомъ изданіи приготовлены были средства ввести его въ исторію. Одно изъ такихъ пособій, кромѣ полнаго Остромировскаго текста, напечатаннаго на каждой страницы параллельно съ Реймскимъ текстомъ, составляетъ таблица разнословій между тѣмъ и другимъ текстомъ, по-

---

разъ отъ подробной критики потому только, что дорожимъ вниманіемъ читателя. Тогда какъ читателю, можетъ быть, уже наскучило видѣть столь не-отрадные результаты нашей критики, впереди у насъ остается еще не мало; между-тѣмъ критика этой книжки завлекла бы въ новыя, непринадлежащія къ предмету нашего обозрѣнія и, можетъ быть, обширныя объясненія. Впрочемъ, въ настоящее время этотъ трудъ былъ бы излишнимъ. Послѣ отзывовъ гг. Миклосича (въ Вѣнѣ) и Паплонскаго (въ Варшавѣ) книжка г. Ганки едвали найдетъ защитниковъ. Вотъ какѣ отзывается объ ней г. Миклосичь (Vitae Sanctorum. Viennae 1847. стр. 49)· Quid dicam de Venceslao Hanka, qui in opusculo: Начала Св. Яз. Сл., edito a sagacissimo Al. Vostokovio codice Ostromiriano cum animadversionibus grammaticis ingenti suo damno sibi utendum non putavit. Mirandum igitur non est, eum non solum in rebus difficilioribus minusque notis centies errasse, verum etiam in facillimis et in vulgus notis hallucinatum esse, argumento sint . . «Что сказать о Вячеславѣ Ганкѣ, ко«торый, къ великому вреду своему, не счелъ за нужное воспользовать«ся Востоковскимъ изданіемъ Остромирова Евангелія съ грамматиче«скими примѣчаніями? Поэтому не удивительно, если онъ надѣлалъ «сотню ошибокъ въ вещахъ малоизвѣстныхъ и трудныхъ; но онъ за«блуждается и въ-разсужденіи вещей удобопонятныхъ и общеиз«вѣстныхъ, какъ показываютъ» . . . приведенные въ слѣдъ за тѣмъ примѣры, которые, прибавимъ мы, весьма убѣдительны. Замѣчанія г. Паплонскаго—не легче: мы предоставляемъ самому читателю прочесть ихъ въ № 4 Ж. М. Н. Пр. 1848.

мѣщенная въ концѣ книги. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ облегчается трудъ сравненія текстовъ: достаточно ли этой таблицы для полнаго сравненія, скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Но она не вознаграждаетъ опущенія полной характеристи правописанія. Въ Реймскомъ Евангеліи есть странное, иногда вовсе ошибное употребленіе буквъ, напр. юса вмѣсто *жс* дважды. Въ изданіи г. Ганки читатель не находитъ никакого средства узнать, принадлежатъ ли эти ошибки писцу памятника, или его издателю? Неувѣренность читателя въ этомъ случаѣ отнимаетъ у него смѣлость судить о другихъ, не менѣе странныхъ, но уже значительныхъ особенностяхъ правописанія. Другіе издатели, напр. Востоковъ, Копитаръ, Миклошичъ, неопустительно отмѣчаютъ подобные случаи. Замѣтимъ еще одну частность. Г. Паплонскій справедливо замѣтилъ, что въ моей рецензіи слово *на* ѧ̑х҃ ошибочно объяснено: *на доухъ*, по правописанію позднѣйшихъ Славяно-Русскихъ памятниковъ, а не *на доусѣхъ*, какъ должно читать въ Реймской рукописи. Не имѣвъ въ рукахъ Парижскаго изданія, могли ли мы, имѣли ли право подозрѣвать, что въ этомъ словѣ буква *с* стоитъ не подъ титлой, а между буквъ, только не наравнѣ съ ними, но выходя верхнею частью изъ строки, и не достигая другою окопечностью нижней линіи строки? Это, конечно, слѣдовало бы напечатать: на дс̑х҃. Что касается чисто палеографической стороны, то печатное изданіе, конечно, не можетъ передать начертаній подлинника; но въ замѣнъ этого оно должно содержать во введеніи обстоятельное описаніе рукописи со стороны почерка и начертаній буквъ. Г. Ганка удовольствовался описаніемъ г. Ястржембскаго, не почитая нужнымъ дополнить его своими наблюденіями. Должно ли сожалѣть о недостаткѣ подробнѣйшаго описанія па-

мятника, предоставляемъ судить опытнымъ палеографамъ: но съ своей стороны замѣтимъ, что по недостатку такого описанія въ Реймскомъ Евангеліи до сихъ поръ никѣмъ не было замѣчено одно важное начертаніе.

Послѣ этого читатель, вѣроятно, повѣритъ, что мы не по капризу, и не напрасно, при разборѣ Реймскаго Евангелія, не выпускали изъ рукъ Парижскаго изданія и Остромирова Евангелія, хотя послѣ окончательнаго разбора правописанія и рѣшенія вопроса о древности Реймскаго списка не отказываемся и никому не отсовѣтуемъ употреблять изданіе г. Ганки (*)

§ 27.

Недостатки этого изданія, очевидно, происходятъ отъ того, что оно явилось въ-слѣдствіе борьбы мнѣній о памятникѣ и соединенныхъ съ ними идей, а не въ-слѣдствіе чисто-ученой потребности. И здѣсь, какъ въ прежнихъ статьяхъ г Ганки, историческая (она-же и патріотическая) сторона взгляда является главною, господствующею надъ всѣмъ остальнымъ содержаніемъ изъисканій: она развита въ такой полнотѣ, съ такимъ запасомъ свѣдѣній, какихъ можно бы пожелать для обработки другой стороны вопроса — филологической, тогда какъ съ этой стороны изслѣдованіе допущено только въ границахъ подчиненія его главной идеѣ. По крайней мѣрѣ заключаетъ ли въ себѣ это изданіе условія, необходимыя для спокойнаго изслѣдованія спорнаго вопроса? Правда, послѣ того всеобщаго торжества, съ какимъ приняты

(*) Это относится только къ кирилловской части; о глаголитской читатель найдетъ отзывъ г. Палмонскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1848 № 4.

были мнѣнія г. Ганки, и того неудовольствія, съ какимъ встрѣчены Prolegomena Копитара, по видимому, трудно было ожидать возрожденія спора: но короткій и сухой, впрочемъ рѣшительный отзывъ о Реймскомъ Евангеліи Востокова, и молчаніе другихъ первостепенныхъ славянистовъ: Шафарика (*), Прейса, были дурнымъ предзнаменованіемъ. Спрашивается: что обѣщаетъ новое изданіе въ случаѣ новыхъ возраженій? Въ такомъ ли видѣ является здѣсь взглядъ г. Ганки, чтобы въ-случаѣ ученаго спора не нашлось повода къ жаркой полемикѣ въ прежнемъ духѣ? Посмотримъ на изданіе съ этой точки зрѣнія.

Изданіе г. Ганки развязало руки принимавшимъ уча-

(*) г. Легисъ-Гликзелихъ причисляетъ г. Шафарика къ защитникамъ древности Реймскаго Евангелія Помнится, что и Копитаръ, въ одномъ изъ частныхъ писемъ, упрекаетъ Шафарика за то, что онъ подстрекаетъ г. Ганку упорствовать въ своемъ мнѣніи. Оба эти господа, мнѣ кажется, неправы. Копитаръ скорѣе могъ бы удивляться, если-бы Шафарикъ объявилъ себя въ пользу безотчетныхъ и непостоянныхъ его мнѣній, особенно послѣ совершенно такихъ-же возраженій его противъ подлинности древнихъ Чешскихъ памятниковъ. Реймское Евангеліе тогда было извѣстно только по послѣсловію и по скуднымъ отрывкамъ текста: къ такому времени относится изданіе Славянскаго Народописанія, въ которомъ Шафарикъ приписываетъ Реймское Евангеліе аббату Прокопію. Можетъ быть, судя строго, слѣдовало бы прибавить, что вопросъ не рѣшенъ еще окончательно; а все-таки при тогдашнихъ средствахъ нельзя было не отдать предпочтенія мнѣнію г. Ганки. Г. Шафарикъ, въ своемъ отзывѣ о Реймскомъ Евангеліи, могъ даже почитать себя обязаннымъ сравнивать противоположныя мнѣнія совершенно объективно, безъ посредничества своего взгляда, съ одной стороны, чтобы ничего не основывать въ этомъ всеславянскомъ сочиненіи на своемъ личномъ мнѣніи, съ другой — чтобы остаться къ этому дѣлу *неприкосновеннымъ*. Замѣтьте, что кромѣ Славянскаго Народописанія онъ нигдѣ не говоритъ о Реймскомъ Евангеліи и до сихъ поръ продолжаетъ молчать, хотя невозможно повѣрить, чтобы онъ оставался при прежнемъ мнѣніи.

стіе въ судьбѣ вопроса: это доказываютъ многочисленныя статьи, явившіяся по поводу этого изданія въ разныхъ литературахъ и сверхъ того обѣщанныя въ будущемъ. Это оживленіе литературныхъ объясненій есть несомнѣнная заслуга изданія г. Ганки, — заслуга, проистекающая изъ самаго свойства этого изданія. Г. Ганка не ограничивается личными увѣреніями въ своемъ мнѣніи, не хочетъ, подобно Копитару, увлекать читателя однимъ своимъ авторитетомъ; онъ подробно и искренно излагаетъ основанія своего мнѣнія, и это искреннее объясненіе извлекло вопросъ изъ паралитическаго состоянія, въ какомъ онъ находился со времени Парижскаго изданія. Г. Ганка отстранилъ этимъ взведенное на него Копитаромъ обвиненіе въ «слѣпомъ патріотизмѣ»; теперь можно стало вовсе миновать вопросъ объ этомъ личномъ отношеніи и сосредоточить ученое разсужденіе на доказательствахъ мнѣнія г. Ганки, не касаясь тѣхъ чувствъ, какими сопровождается въ немъ это мнѣніе, или его опроверженіе. Но и здѣсь еще не безъ зловѣщихъ предсказаній для дальнѣйшей судьбы вопроса. Оскорбительные и рѣзкіе отзывы Копитара были еще слишкомъ недавни, чтобы можно было надѣяться, что они не отзовутся въ воспоминаніи публики и въ сердцѣ издателя Сазавскаго Евангелія, въ случаѣ энергическаго и основательнаго опроверженія его взгляда. И можно ли указать во введеніи г. Ганки признаки готовности благодушно встрѣтить противорѣчія, перенести опроверженіе, отказаться отъ своего мнѣнія, если-бы этого потребовали отъ издателя во имя науки? Едвали. Самое изданіе сдѣлано и введеніе написано не для того, чтобы доставить читателю возможность рѣшить вопросъ по своему усмотрѣнію, а именно для того, чтобы дать рѣшительный перевѣсъ взгляду г. Ганки; а въ этомъ взглядѣ есть пунктъ, который г Ган-

ка считаетъ неприкосновеннымъ, на которомъ онъ требуетъ безусловнаго довѣрія, хотя, по собственнымъ-же его выраженіямъ, читатель можетъ быть увѣренъ только въ возможности доказываемаго положенія. Видна ли, далѣе, готовность издателя войдти въ противоположныя доказательства? Но онъ оставилъ уже въ пренебреженіи мнѣніе филолога, котораго никто еще не могъ упрекнуть ни въ неосновательности, ни въ пристрастіи вообще, ни въ предрасположеніи къ той или другой сторонѣ по поводу настоящаго спора. Все это показываетъ какой-то излишекъ довѣрія къ самому себѣ, который дѣлаетъ предсказаніе спокойнаго хода ученыхъ изысканій о памятникѣ сомнительнымъ.

Впрочемъ тому, кто не былъ въ состояніи оцѣнить доводовъ г. Ганки самостоятельно, не могли угрожать (по случаю смерти Копитара) ни личныя непріятности, ни ученыя затрудненія. Искренность введенія г. Ганки, по видимому, не опасающаяся никакихъ возраженій, подробность и обстоятельность, показывающая тщательность ученой обработки, несостоятельность противоположнаго мнѣнія, высказаннаго безъ всякихъ доказательствъ, и наконецъ смѣлое воззваніе къ суду всѣхъ славянистовъ— все это могло казаться вѣрнымъ ручательствомъ за правоту взгляда г. Ганки. Поэтому нисколько неудивительно, если многіе нѣмецкіе и славянскіе критики повторили въ журналахъ введеніе г. Ганки съ полнымъ къ нему сочувствіемъ. Но въ числѣ его почитателей мы видимъ г. Срезневскаго — славяниста, которому никто не откажетъ ни въ самостоятельномъ изученіи славянскихъ языковъ, литературъ и исторіи, ни въ самостоятельномъ, оригинальномъ взглядѣ на эти предметы. Можно ли строго причислять его къ послѣдователямъ г. Ганки, сейчасъ увидимъ.

§ 28.

Критика г. Срезневскаго (Москв. 1846 № 8.) въ сущности есть повторепіе введенія г. Ганки; но оно дополнено здѣсь нѣкоторыми подробностями, сообщенными критику г. Ганкою, и изложено весьма удовлетворительно. Можно сказать, что система г. Ганки достигла здѣсь всей полноты развитія. Поэтому мы не поскупимся на выписки, чтобы представить ее читателямъ въ полномъ блескѣ, со всею роскошью историческихъ фактовъ, собранныхъ ученостью издателя, со всѣмъ искуствомъ связывать ихъ, въ случаѣ недостатка дѣйствительной связи, предположеніемъ, со всею ловкостью прикрывать эту искуственную связь изложеніемъ. При всемъ томъ г. Ганка могъ бы пожаловаться на равнодушіе критика къ его взгляду, потому-что онъ (критикъ) не только не подкрѣпляетъ слабыхъ сторонъ мнѣнія г. Ганки авторитетомъ своего согласія, но даже обнаруживаетъ ихъ, прибавляя выраженія, отстраняющія отъ него всякую за нихъ отвѣтственность. Читатель невольно призадумывается надъ тѣми мѣстами, гдѣ критикъ такъ безстрастно выставляетъ *мнѣніе Ганки*, съ нарочитымъ упоминаніемъ его имени, не прибавляя отъ себя ни подтвержденія, ни отрицанія этого мнѣнія. Читатель самъ замѣтитъ это въ слѣдующихъ выпискахъ.

«Недавно еще славное Реймское Евангеліе» — такъ начинаетъ г. Срезневскій свою критику — «Texte du Sacre, «на которомъ когда-то присягали Короли Французскіе, было «извѣстно въ Европѣ только по невѣрнымъ слухамъ; не да«лѣе, какъ за три года еще, судили о немъ по двумъ не«большимъ снимкамъ и по краткимъ извѣстіямъ Строева и

«Ястржембскаго. Немудрено, что все написанное о немъ, ка-«салось болѣе исторіи рукописи, нежели ея важности въ «филологическомъ отношеніи Одна только *остроумная* мысль «оживляла эти извѣстія — мысль знаменитаго Чеха В В.. «Ганки, доказывавшаго, что кирилловская часть рукописи «есть автографъ святителя Чешскаго св. Прокопія, умер-«шаго въ 1053 году, и что слѣдовательно она—древнѣйшій «изъ доселѣ изданныхъ памятниковъ письменности Старо-«славянской. Мысль эту *иные* опровергали. въ томъ числѣ «и одинъ изъ ученѣйшихъ славянофиловъ нашего времени, «В. Копитаръ; но такъ какъ рукопись была вообще мало «извѣстна, то о ней и не могло составиться никакого опре-«дѣленнаго понятія, и опровергавшіе мысль Ганки говори-«ли, не опираясь ни на какихъ вѣрныхъ доказательствахъ. «Теперь всѣ споры о Реймскомъ Евангеліи *могутъ* кончить-«ся *легко*: мы имѣемъ уже два (можно даже сказать *три*) «изданія Реймскаго Евангелія, изъ которыхъ каждое *мо-«жетъ* (*) всякому замѣнить самый подлинникъ.»

Читатель видитъ, что въ этихъ великолѣпныхъ фразахъ, внушенныхъ критику изданіемъ г. Ганки, есть и значительная доля умѣренности. Но пойдемъ далѣе, (опуская только выписки изъ источниковъ внѣшней исторіи Реймскаго Евангелія).

«Послѣсловіе, на которомъ г. Ганка основываетъ свое «мнѣніе, заключаетъ въ себѣ слѣдующее извѣстіе:

«Лѣтъ Господнихъ 1390. Эти Евангелія и Посланія, «написанныя языкомъ Славянскимъ, поются въ большіе «годовые праздники (*въ годи*), когда настоятель служитъ «обѣдню въ митрѣ». Это относится къ глаголитской части кодекса. «Другую же часть этой книги, писанную по «вѣрѣ Русскаго Закона, писалъ святой Прокопій настоя-«тель своею рукою, и эту Русскую рукопись далъ по-«койный Карлъ Четвертый Цесарь Римскій къ просла-«вленію этого монастыря и во славу блаженному Іеро-

(*) Прошу сравнить съ этимъ § 26 на стр. 91 — 93.

«шину и св. Прокопію. Господи, даруй ему вѣчный по-«кой. Аминь.»

«Эта приписка, какъ она есть» — продолжаетъ г. Срезневскій — «подаетъ поводъ къ слѣдующимъ замѣчаніямъ и «выводамъ. Она написана на языкѣ Чешскомъ, между тѣмъ «какъ все прочее глаголическое писано по-Старославянски, «по выговору и правописанію Хорвато-Сербскому. Во всей «Чехіи не было другаго монастыря, которому бы въ честь «блаженнаго Іеронима и св. Прокопія могла быть подарена «рукопись православная, годящаяся для богослуженія Сла-«вянскаго, кромѣ того, который доселѣ находится въ са-«мой Прагѣ, въ новомъ городѣ подъ именемъ Klaštera Be-«nedictinů na Slowanech или и Emausih, и называется на «Slowanech потому, что въ немъ до XVII вѣка служба со-«вершалась совершенно вся, а потомъ отчасти на языкѣ «Славянскомъ, а не на Латинскомъ, что было во всѣхъ мо-«настыряхъ Чешскихъ. Такимъ образомъ открывается, что «монастырь, о которомъ говоритъ приписка, есть Эмаускій. «Этотъ монастырь основанъ самимъ Карломъ IV (1347), въ «честь Славянскихъ святыхъ Кирилла и Меѳодія, Вонтѣха «и Прокопія, а потомъ и блаженнаго Іеронима (который «тогда считался переводчикомъ Библіи съ Еврейскаго языка «на Славянскій), съ тѣмъ, чтобы въ немъ обѣдня, пѣніе, «часы и все богослуженіе вообще совершалось на языкѣ «Славянскомъ, такъ какъ это утвердилъ Папа Климентъ IV, «и какъ обыкновенно дѣлалось въ славянскихъ земляхъ. Въ «концѣ граматы Карлъ IV просилъ своихъ преемниковъ и «со всею строгостью увѣщевалъ ихъ не измѣнять ничего, «предавая Божьему гнѣву того, ктобы осмѣлился сдѣлать «противное. Въ послѣдствіи времени Карлъ IV умножалъ «доходы монастыря подарками и имѣніями, и въ 1372 году, «въ середу на свѣтлой недѣлѣ Архіепископъ Пражскій «освятилъ этотъ монастырь торжественно въ присутствіи «самаго Императора, сына его Вячеслава, Архіепископовъ «Маинцкаго и Гранскаго, Епископовъ Мецкаго, Аугсбург-«скаго, Парижскаго и Нейбургскаго, Герцога Опольскаго

*

«и другихъ свѣтскихъ Князей. Первые монахи въ этомъ «монастырѣ были Хорваты (см. J. Dobrowsky, Gesch. der «Bohm. Sprache. Prag, 1818 стр. 52); но въ послѣдствіи мѣ- «ста ихъ заняли Чехи, впрочемъ тоже Глаголиты, и они, за «неимѣніемъ полнаго экземпляра Славянской Библіи, напи- «сали глагольскими буквами Чешскій переводъ. Такимъ обра- «зомъ вышло, что хоть вторая часть Реймскаго Texte du «Sacre написана по Хорвато-Сербскому выговору, приписка «къ ней сдѣлана уже Чехомъ по Чешски».

«Книга эта, заключая въ двухъ частяхъ какъ-бы одно «цѣлое, употребляема была въ монастырѣ Эмаускомъ толь- «ко во время большихъ годовыхъ праздниковъ Рождества «Христова, Свѣтлаго Христова Воскресенія, и Сошествія «Св. Духа (см. Jungman, Slownik стр. 708). Она слѣдова- «тельно считалась драгоцѣнностію. Такъ и въ Соборѣ Праж- «скомъ св. Вита подобный подарокъ Карла IV, Евангеліе, «писанное будтобы св. Маркомъ, къ которому приложенъ «въ одномъ переплетѣ другой списокъ, новый, употребляет- «ся такъ-же только въ «годы». Такою драгоцѣнностью не «могъ считаться даръ Карла IV, на которомъ бы не было «признаковъ старины, — и слѣдовательно Евангеліе, пода- «ренное Карломъ монастырю Эммаускому, уже въ то время «казалось драгоцѣннымъ по древности

«Тѣмъ большею драгоцѣнностію считалось оно, что «его приписывали св. Прокопію. Этотъ Прокопій не мо- «жетъ быть никто другой, кромѣ того, который, будучи «ученикомъ св. Кирилла Философа (?), основалъ православ- «ный монастырь на берегу рѣки Сазавы (въ 4—5 миляхъ «отъ Праги, въ краѣ Куримскомъ) въ 1032 году, былъ тамъ «первымъ настоятелемъ и умеръ въ 1053 году. Послѣ Про- «копія настоятелями были Витъ, Эммерамъ и Божетѣхъ, и «потомъ въ 1097 году монастырь превращенъ въ Римско- «Католическій. Одинъ этотъ Прокопій былъ причисленъ въ «Чехіи къ лику святыхъ (1204 г.); одинъ онъ могъ писать «кирилловскими буквами, будучи православнаго исповѣданія.

«Такимъ образомъ *вѣрность преданія*, записаннаго въ припи-«скѣ къ Евангелію, доказывается лѣтописью, — и о руко-«писи XIV вѣка въ XIV вѣкѣ такого преданія и такъ «кстати составить было *невозможно* (?) (*) *Ганка думаетъ*, что «въ концѣ рукописи, послѣ утерянномъ, могло быть помѣ-«щено и *основаніе преданія*, какъ помѣщено въ Евангеліи Остро-«мировомъ извѣстіе дьякона Григорія.

«Но почему же рукопись кирилловская названа въ той-«же припискѣ рукописью Русской — «писмо Русьске»? По-«тому что въ XIV — XV вѣкѣ Православіе Славянское и «азбука кирилловская были извѣстны на западѣ подъ име-«немъ Русскихъ;—но такой эпитетъ вовсе не даетъ повода «заключать, что рукопись и по происхожденію была изъ «Руси; такъ думая, монахъ написавшій приписку, противо-«рѣчилъ бы самъ себѣ. — И такимъ образомъ *для Ганки* «не остается никакого сомнѣнія, что кирилловскую часть «Texte du Sacre есть памятникъ письменности Чешской XI «вѣка. Тѣмъ смѣлѣе могъ онъ такъ думать о части глаго-«лической. Обѣ части, какъ одно цѣлое, были въ одномъ

(*) Изъ этого читатель могъ бы заключить, что г. Срезневскій вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе г. Ганки; но, всмотрѣвшись ближе въ выраженія критика, вы увидите, что онъ совершенно свободенъ принять и непринять это на свою отвѣтственность. Въ самомъ дѣлѣ, онъ ручается за вѣрность преданія только въ отношеніи къ лицу Прокопія, какъ видно изъ сличенія этого заключенія съ предъидущими разсужденіями, а не въ отношеніи къ Реймскому списку; доказываетъ только тождество св. Прокопія, упоминаемаго въ послѣсловіи, съ Прокопіемъ Сазавскимъ, а не достовѣрность его труда въ Реймскомъ Евангеліи — существенный пунктъ во взглядѣ г. Ганки. Г. Срезневскій охотно распространяется о преданіи въ первомъ отношеніи, какъ будто отъ этого только и зависитъ судьба вопроса; но когда надобно было коснуться послѣдняго, онъ тотчасъ ставитъ впередъ имя г. Ганки: «Ганка думаетъ,» а отъ себя ни слова. Между тѣмъ читатель все-таки имѣетъ достаточный поводъ заключать о полномъ согласіи его съ Ганкою; потому что мнѣніе Ганки слѣдуетъ у г. Срезневскаго тотчасъ за его собственными мыслями о преданіи, какъ бы продолженіе ихъ; то и другое онъ ставитъ въ непосред-

«переплетѣ въ монастырѣ Эмаускомъ и оттуда начали свое «чудное странствіе.

«И Французамъ было извѣстно, что Евангеліе, назван«ное потомъ Texte du Sacre, вышло изъ монастыря Эма«ускаго. Вотъ почему объ немъ говорили, что оно въ Кон«стантинополь дошло отъ блаженнаго Іеронима. Монастырь «Эмаускій дѣйствительно назывался монастыремъ beati Hie«ronimi Slavorum ordinis S. Benedicti, или: Beati Jeroni«mi aliorumque patronum, или: Sancti Jeronimi Slavorum or«dinis S. B. ex titulo beatorum patronum Regni Boemiae Pro«copii, Adalberti, Cyrilli et Methodii. Уже въ этомъ мона«стырѣ, *думаетъ Ганка,* переплетъ Евангелія былъ украшенъ «драгоцѣнными камнями, золотомъ, серебромъ и частицами «св. мощей, и рукопись оставалась тамъ до возстанія Гус«ситовъ. При Аббатѣ Павлѣ II (1410) войско Жижки при«шло подъ монастырь съ тѣмъ, чтобы его разрушить, но «причащенное имъ по правилу Подобоихъ (Утраквистовъ), «ограничилось только тѣмъ, что взяло изъ ризницы мно«жество драгоцѣнностей. Безъ всякаго сомнѣнія, *замѣ-*

ственную связь, какъ-будто и онъ доказывалъ тоже самое, что г Ганка. Обоюдность общаго выраженія. *вѣрность преданія*, благопріятствуетъ заблужденію читателя; съ другой стороны и мнѣніе Ганки передано слишкомъ кратко и не довольно точно. Г. Ганка говоритъ «свидѣтельство послѣсловія (*св. Прокопъ писалъ своей рукою*) идетъ отъ достовѣрнаго преданія;» стало быть, онъ полагаетъ, что издревле было преданіе, приписывавшее (по меньшей мѣрѣ какую-нибудь) рукопись св. Прокопію Сазавскому: вотъ главный пунктъ. Онъ предполагаетъ далѣе, что это преданіе сохранялось не только изустно, но и письменно—въ утраченномъ послѣсловіи кириллоской части—предположеніе, сдѣланное уже на основаніи перваго вывода. При изложеніи взгляда г. Ганки въ этомъ видѣ, конечно, было бы яснѣе, что̀ именно въ этомъ взглядѣ не находитъ подтвержденія у г. Срезневскаго: но онъ, какъ мы видѣли, предпочелъ отвлеченный и сжатый образъ выраженія, при которомъ легко ускользаетъ отъ вниманія недостатокъ согласія его съ Ганкою, и только при строгомъ разборѣ онъ становится ощутителенъ, хотя и нѣтъ прямыхъ выраженій для его подтвержденія.

«чаетъ *Ганка*, между драгоцѣнностями, ими захваченными, «было и наше Евангеліе Послѣ обнародованія декрета Фло«рентинскаго собора, въ которомъ Чехи-Подобои были от«лучены отъ церкви, какъ еретики, родилась у нихъ мысль «присоединиться къ церкви Греческой. Въ 1450 году имѣли «они совѣщаніе, и на немъ, сообразно предложенію Рокі«цана, согласились просить Патріарха Константинопольска«го. Въ слѣдъ за тѣмъ въ Константинополь отправлены были «съ грамотами послы, изъ которыхъ главный былъ Кон«стантинъ Ангеликъ. Сохранилась и грамота 18 Января 1451 «года, на пергаминѣ, съ восковой печатью лазореваго цвѣ«та, съ подписью Патріарха и его важнѣйшихъ Епископовъ, «а равно и отвѣтъ правителей Пражской Консисторіи отъ «29 Сентября 1452 г. (То и другое напечатано). Дѣло шло «впрочемъ медленно, а въ слѣдующемъ году Константино«поль взятъ Турками. Въ это время наше Евангеліе, *по мнѣ«нію Ганки, должно было* перейдти въ Константинополь, буду«чи приложено къ грамотѣ Подобоихъ «для благосклоннѣй«шаго расположенія, лучшаго пріема и успѣха».

«Перешедши въ ризницу Константинопольскую, наше «Евангеліе оставалось тамъ цѣлое столѣтіе, и оттуда уже «досталось Кардиналу Карлу Лотарингскому. Какъ? это поч«ти очевидно въ преданіяхъ Французскихъ. Такихъ вещей «нѣсколько пріобрѣлъ онъ отъ живописца Палеокаппы: «вѣроятно, и наше Евангеліе. Палеоканпа легко могъ при«везти его въ числѣ другихъ рѣдкостей, которыми, безъ «сомнѣнія, торговалъ, на Тридентскій Соборъ (1546), и тамъ «продалъ ихъ Кардиналу Карлу. Кардиналъ Карлъ, какъ «Архіепископъ Реймскій, завѣщалъ его вмѣстѣ съ другими «сокровищами собору Реймскому въ 1574 г., и въ немъ оно «сдѣлалось вѣнчальнымъ Евангеліемъ — Texte du Sacre. На «немъ, вѣроятно, клялся Генрихъ III въ 1575 г., на немъ «клялись и другіе Короли Французскіе, короновавшіеся въ «Реймсѣ, и послѣдній былъ Людовикъ XVI.

«Издавая кирилловскую часть Texte du Sacre, какъ одинъ «изъ важнѣйшихъ памятниковъ письменности Чешской и какъ

«древнѣйшій памятникъ письменности старославянской, Ганка не могъ не обратить вниманія на особенности правописанія и выговора, которыя *могли бы подтвердить* его мнѣнія о древности памятника.

«По его мнѣнію, св. Прокопій списывалъ свой списокъ съ рукописи Паннонскаго (Великоморавскаго) правописанія, въ которомъ юсы удержались неправильно, а ѕ исключенъ совершенно, потому что выговоръ Великоморавскій *могъ* (?) довольствоваться однимъ ь, не отличая особенно твердыхъ окончаній отъ мягкихъ. Мимоходомъ замѣчу, что всѣ рукописи Старославянскія Ганка дѣлитъ на пять разрядовъ: къ Болгарскому причисляетъ и древнѣйшій Старославянскій и позднѣйшій Болгарскій (*съ чѣмъ впрочемъ трудно согласиться* (*)); второе мѣсто даетъ Паннонскому; третье Сербскому, не знающему ѕ и ѫ, и замѣняющему ѧ простымъ е; четвертое—Валашскому, употребляющему юсы смѣшанно, и впрочемъ мало различающемуся отъ пятаго разряда — Русскаго. Несомнительные слѣды Чешско-Моравской руки въ Texte du Sacre, Ганка видитъ въ употребленіи ь вмѣсто краткаго Чешскаго е въ словахъ: крьвь, страхьмь, мирьмь, кротькъ (krew, strachem, mirem, krotek), равно и въ господствѣ ь въ предлогахъ, въ, разь, подь, надь, прѣдь, кь (we, roze, obe, pode, nade, ke) и въ нарѣчіяхъ: нь, вьнь, тьгда (ne, wen, tehda). Во всѣхъ этихъ словахъ всѣ другіе Славяне, за единственнымъ исключеніемъ Поляковъ, имѣютъ о (krov, strachom, миромъ, кротокъ, но, разо и пр.); но Поляки, при введеніи своего правописанія, удержали бы, конечно, носовые звуки и различіе между л грубымъ и мягкимъ, чего въ Сазавской рукописи нѣтъ. Потомъ, сравнивая Texte du Sacre съ Остромировымъ Евангеліемъ, Ганка находитъ, что въ первомъ встрѣчаются формы краткія (врачь, источь чѧвча, рѣша, въ храмоу, посѣчеться, вьмѣщеться, невѣхь) тамъ, гдѣ въ Остромировомъ Евангеліи продолженныя (врачевъ, источ-

(*) А надобно.

«никъ, чѫческаго, рекошѧ, въ храминѣ, посѣкаѭть, въ мѣ«таѭть, невѣдѣахъ); въ первомъ чаще винит. и, а во вто«ромъ кто; въ первомъ сохранено двойственное число (вьз«вѫза сапогоу его, ремени сапогоу его) тамъ, гдѣ во вто«ромъ уже множественное (ремене сапогъ кго); въ пер«вомъ: пользѣ обрѣтша, а во второмъ: пользы. Чехизмами «называетъ Ганка: ѱано, наѱати, нань, а также: сьзадоу, «озирашеся, нѣкого, покание, сыти, долоу, страноу, оубо«зии — вмѣсто: сьзади, нѣкоего, покаанию, довольни, низъ, «полъ, полоу, нищии; равно и несмягченіе л: лоуди, лоудь«ски, вьзлоубленьи».

Изъ всего этого вы можете составить довольно ясное понятіе о взглядѣ г Ганки; но мнѣніе критика остается въ непроницаемой темнотѣ: онъ какъ-бы съ намѣреніемъ уклоняется отъ всякаго рѣшительнаго выраженія, которое могло бы измѣнить его тайнѣ. Онъ нигдѣ не противорѣчитъ г. Ганкѣ прямо, нигдѣ не объявляетъ своего несогласія; напротивъ, видимо заботится выставить взглядъ г. Ганки въ выгоднѣйшемъ свѣтѣ; изъ чего можно бы заключать, что онъ по прежнему раздѣляетъ его мнѣніе (см. стр. 54, 55). Но въ тоже время читатель видитъ, что въ важнѣйшихъ пунктахъ взгляда г. Ганки критикъ тщательно скрывается за имя автора, упоминаетъ еще о спорѣ и признаетъ его даже неконченнымъ, хотя и близкимъ къ окончанію. Но заключеніе критики, гдѣ г Срезневскій не имѣетъ уже никакой посторонней опоры или защиты, и принужденъ говорить только отъ своего имени, въ полной мѣрѣ обнаруживаетъ нерѣшительность его мнѣнія. «Всего этого впрочемъ мало», говоритъ онъ, «чтобы по«вѣрить древности рукописи въ палеографическомъ отноше«ніи, и нельзя не желать, чтобы Ганка представилъ доказа«тельствъ болѣе». Отсюда выходятъ неизбѣжно слѣдующія заключенія: если чехизмовъ, доказывающихъ древ-

ность рукописи, представлено мало, то значитъ, что они, по мнѣнію критика, 1) все-таки есть; 2) что они дѣйствительные, доказанные чехизмы, внесенные въ списокъ рукою св. Прокопія; 3) что ихъ, можетъ быть, найдется еще болѣе, и что наконецъ 4) критикъ покамѣстъ еще не увѣренъ въ древности рукописи. Но вѣдь присутствіе дѣйствительныхъ чехизмовъ въ рукописи, хотя бы въ маломъ количествѣ, само по себѣ говорило бы скорѣе въ пользу мнѣнія г. Ганки, - чѣмъ противъ его, и сомнѣніе въ древности памятника было бы умѣстно только въ томъ случаѣ, когда бы и это малое количество признаваемыхъ критикомъ доказательствъ, казалось ему подозрительнымъ. Не находя подобнаго подозрѣнія у г. Срезневскаго, мы должны предполагать какой-нибудь другой источникъ его сомнѣнія на-счетъ древности рукописи, и мы могли бы указать этотъ источникъ въ опасеніи г. Срезневскаго за появленіе въ рукописи *слѣдовъ позднѣйшаго правописанія и выговора;* но, къ удивленію читателя, объ этихъ слѣдахъ онъ упоминаетъ для того только, чтобы отказать имъ во всякомъ значеніи для вопроса о древности рукописи, не говоря уже о томъ, что они только предполагаются, а не указываются положительно. «Еслибы и *доказалось*», говоритъ г. Срезневскій, «что рукопись носитъ на себѣ слѣды позднѣйшаго провописанія и выговора, это еще не уничтожаетъ вывода Ганки, что ее писалъ св. Прокопій». И такъ сомнѣніе г. Срезневскаго насчетъ древности остается необъяснимымъ; но еще необъяснимѣе, что это сомнѣніе, возникшее безъ причины, безъ причины же и исчезаетъ, — и исчезаетъ отъ такого предположенія, которое должно бы только усилить его. Но какъ бы то ни было, г. Срезневскій отказывается отъ своего несогласія съ г. Ганкой: любопытно

знать, отъ чего эти «слѣды» потеряли въ глазахъ его все свое значеніе, прежде нежели они доказаны, прежде нежели узнано, какъ они многочисленны и глубоки? Потому, говоритъ г. Срезневскій, что «древнѣйшихъ рукописей «старославянскихъ, рукописей съ опредѣленнымъ обозна«ченіемъ времени, когда они были писаны, такъ мало, что «по нимъ рѣшить, когда именно началась порча древнѣй«шаго старославянскаго правописанія, и гдѣ, еще невоз«можно. Тоже можно сказать и о формахъ буквъ, ихъ «связи, украшеніяхъ, и т. д. *Все зависѣло отъ писца*, и «отъ рукописи, съ которой онъ списывалъ, и какъ есть «рукописи позднѣйшія съ признаками древнихъ, такъ *могли «быть и рукописи древнія съ признаками, свойствен«ными болѣе рукописямъ позднѣйшимъ*». Допустимъ пока этотъ взглядъ, какъ совершенно правильный, чтобы войдти въ образъ мыслей г. Срезневскаго: что же? Если начало и продолженіе порчи древнихъ рукописей еще вовсе неизвѣстно, если теперь нельзя даже отрицать древнихъ рукописей съ признаками позднѣйшими, точно такъ-же, какъ и позднѣйшихъ съ признаками древнихъ, если вообще мы не имѣемъ еще средствъ судить объ исторіи церковнаго правописанія, то что могли значить въ глазахъ г. Срезневскаго и собственное его разногласіе и потомъ примиреніе съ мнѣніемъ Ганки?! Очевидно, и самъ онъ не могъ приписывать никакого вѣса ни тому, ни другому,— и вотъ почему онъ, какъ мы видѣли, такъ легко переходитъ отъ одного противорѣчія къ другому! Это были только логическія схемы отрицанія и положенія, лишенныя всякаго дѣйствительнаго содержанія мышленія, только призракъ утвержденія и отрицанія, подъ которымъ скрывалось отсутствіе всякаго опредѣленнаго взгляда, полный, *абсолютный нигилизмъ*.... Кто затрудится при-

нять это выраженіе за естественное и точное наименованіе обнаружившагося здѣсь образа мыслей, пусть тотъ попытается уловить въ мнѣніяхъ г. Срезневскаго хоть одно твердое убѣжденіе, хоть одну черту, которая показывала бы, что его взглядъ былъ устремленъ на дѣйствительное содержаніе разбираемыхъ имъ *мыслей*, а не въ пустоту отвлеченныхъ предположеній Сначала онъ принялъ доказательства г. Ганки; но въ тоже время не смѣлъ положиться на нихъ, потому что принялъ ихъ безъ критики, безотчетно: отъ этого возникло недовѣріе, сомнѣніе. Но и это сомнѣніе не было дѣйствительнымъ мнѣніемъ: оно не имѣло никакого содержанія, какъ чисто-отрицательное («доказательствъ *мало*»: слова г. Срезневскаго). Поэтому онъ не смѣлъ довѣриться и своему сомнѣнію, даже готовъ былъ перейдти къ полному довѣрію къ доказательствамъ г. Ганки, еслибъ не эти «позднѣйшіе слѣды».... Но вѣдь слѣды эти только предполагаются г. Срезневскимъ, какъ возможные въ рукописи, а не наличио-дѣйствительные («*еслибъ* и доказалось»); притомъ въ нихъ, можетъ быть, только призракъ *позднѣйшаго* происхожденія: «они могли принадлежать и *древнему* времени», — и г. Срезневскій не возмущается болѣе сомнѣніемъ и заключаетъ, что «*позднѣйшіе слѣды* не уничтожаютъ вывыда Ганки». Почему же позднѣйшіе слѣды могутъ принадлежать древнему времени?—потому что «исторія древняго правописанія *неизвѣстна*», — доказательство, очевидно, отрицающее то, что имъ доказываютъ. Дальнѣйшее развитіе этого взгляда содержитъ новое противорѣчіе: «все зависѣло отъ писца» и т. д., говоритъ г. Срезневскій о правописаніи. Такъ, стало быть, извѣстно не только состояніе правописанія, но и опредѣлено его значеніе? Стало быть, невѣрно и то, что одно оставалось вѣрнымъ

въ глазахъ г. Срезневскаго, именно, *неизвѣстность* исторіи правописанія?... Спрашиваемъ: возможно ли совмѣстить въ своихъ мысляхъ столько противорѣчій, еслибъ эти мысли не были только отвлеченными, пустыми формулами безъ содержанія дѣйствительныхъ признаковъ предмета? И что жъ такое это движеніе въ пустотѣ отвлеченностей, эти предположенія возможныхъ утвержденій и отрицаній, какъ не безсильныя претензіи названнаго нами нигилизма стать или казаться чѣмъ-нибудь, — нѣчто въ родѣ ариѳметическихъ операцій съ одними нулями вмѣсто чиселъ?...

«На нѣтъ и суда нѣтъ»: въ силу этой пословицы, мы могли бы оставить въ покоѣ взглядъ г. Срезневскаго въ его абсолютномъ значеніи.... Но вѣдь г. Срезневскій — авторитетъ: а авторитетъ — не пустое слово: онъ всему даетъ дѣйствительное значеніе. Это значеніе въ настоящемъ случаѣ увеличивается особенными отношеніями г. Срезневскаго къ изысканіямъ о Реймскомъ Евангеліи. Припомнимъ, что г. Срезневскій былъ свидѣтелемъ успѣховъ открытія Реймскаго Евангелія, что онъ раздѣлялъ то одушевленіе, какое внушали эти успѣхи къ памятнику, какъ это и видно изъ его первой статьи; припомнимъ, что въ этой статьѣ онъ едвали не первый высказалъ печатно, что памятникъ достоинъ литографированнаго изданія и что заботы объ этомъ — преимущественная обязанность Русскихъ. Кажется, есть достаточный поводъ ожидать, что г. Срезневскій съ своей стороны поставитъ себѣ въ обязанность, сочтетъ за удовольствіе изучить памятникъ со всею тщательностію, со всѣми пособіями современной науки, и что онъ первый подастъ сильный и рѣшительный голосъ, подкрѣпленный его спеціальной ученостью, чтобы содѣйствовать рѣшенію вопроса, который

такъ долго былъ игрушкою ограниченности и пристрастій. Возможно ли послѣ этого думать, чтобы его статья, явившаяся послѣ двухъ изданій памятника, не имѣла никакого вѣса въ глазахъ публики? Безъ всякаго сомнѣнія, ее не только не пропустили безъ вниманія, но, можетъ быть, нарочно отыскивали, чтобы прочесть со всѣмъ вниманіемъ, какого заслуживаетъ мнѣніе спеціальнаго ученаго, съ давнихъ поръ имѣвшаго въ виду спорный памятникъ. И ее читали на обширномъ пространствѣ славянскаго міра, соразмѣрно съ извѣстностью г. Срезневскаго, съ давнихъ поръ распространенною и упроченною личными сношеніями (во время ученыхъ путешествій) и статьями въ разныхъ славянскихъ журналахъ. Она перешла даже и въ нѣмецкую литературу въ полномъ переводѣ, не смотря на то, что изданіе и взглядъ г. Ганки и безъ того уже нашли между нѣмецкими литераторами и безусловныхъ почитателей и самостоятельную критику. Что же представляетъ статья г. Срезневскаго столь общему благорасположенному вниманію? Какой взглядъ распространяетъ она на древне-славянскую граматность и на нынѣшнюю славянскую ученость? — «Все зависѣло (въ правописаніи) отъ писцовъ», отъ ихъ выговора и произвола, сколько зависѣли отъ того и другаго прихотливые узоры, изобрѣтаемые ихъ досужестью для украшенія рукописей, хитрыя монограммы и кавыки, которыми они испещряли свои строки — не знаки препинанія, а настоящія препинанія для изыскателей. Признаки позднѣйшаго выговора могли принадлежать временамъ древнимъ; какъ древнее правописаніе иногда соблюдается и въ позднѣйшихъ рукописяхъ: такъ-что о какомъ-нибудь послѣдовательномъ ходѣ въ исторіи правописанія трудно и думать. По крайней мѣрѣ въ настоящее время ничего нельзя сказать объ

ней вѣрнаго и твердаго въ этомъ отношеніи. Многолѣтніе труды Копитара, Шафарика, Востокова, не говоря уже о трудахъ палеографовъ — не-филологовъ, не бросили, стало быть, со временъ Калайдовича и Добровскаго, ни одной искры новаго свѣта на этотъ хаосъ? Такъ-что нельзя положительно отвѣчать даже на вопросъ: «могутъ ли *доказанные* слѣды *позднѣйшаго* правописанія и выговора принадлежать временамъ древнимъ»? Видно, такъ.... Все это, правда, ничѣмъ не доказано; но для не-славянистовъ довольно того, что это сказано извѣстнымъ филологомъ-славянистомъ, и, по видимому, не безотчетно, потому-что въ тоже время дано обѣщаніе поговорить объ этомъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ.... Итакъ г. Срезневскій ставитъ предъ лицемъ ученаго свѣта свой авторитетъ противъ авторитетовъ: Копитара, Шафарика, Востокова, Прейса: увидимъ, какъ онъ выдержитъ эту, настоящую борьбу гигантовъ. . . .

Теперь, когда споръ переносится въ высшую сферу славянской науки, когда вопросъ о памятникѣ переходитъ въ вопросъ о древней исторіи церковнаго правописанія и соединенной съ тѣмъ исторіи литературы, стóитъ ли подробно разбирать, какое мѣсто занимаютъ въ этомъ высшемъ взглядѣ г. Срезневскаго ученые, покушавшіеся рѣшить вопросъ о Реймскомъ Евангеліи? Всѣ они оптомъ и одинаково осуждаются этимъ взглядомъ, какъ простодушные и ограниченные люди, которые брались за дѣло, не извѣдавъ своихъ силъ и не подозрѣвая въ нынѣшнемъ состояніи науки недостатка средствъ для совершенія предпринимаемаго дѣла. Своими попытками они только подтвердили этотъ недостатокъ и доказали свою слабость, которая тѣмъ поразительнѣе, что они, очевидно, даже не сознавали ея, когда упорно оставались при сво-

ихъ притязаніяхъ рѣшить вопросъ, теперь еще неразрѣшимый. Такъ-какъ г. Ганка настоятельнѣе и обширнѣе другихъ занимался вопросомъ о Реймскомъ Евангеліи, то и тяжесть этого приговора падаетъ на него соразмѣрно съ его усиліями. Другихъ результатовъ изъ всѣхъ доселѣ сдѣланныхъ палеографическихъ и филологическихъ изысканій о памятникѣ, по взгляду г. Срезневскаго, не выходитъ. (*)

Но покуда г. Срезневскій не исполнилъ своего обѣщанія—поговорить объ этомъ подробнѣе, покуда вопросъ о Реймскомъ Евангеліи не перешелъ на самомъ дѣлѣ въ вопросъ объ исторіи правописанія и литературы, вниманіе читателей, естественно, должно останавливаться на отношеніи его статьи къ спору о памятникѣ. Послѣдователи г. Ганки, конечно, прежде всего и съ удоволь-

(*) Можетъ быть, мнѣ одному удастся извлечь отсюда что-нибудь въ свою пользу Отважившись на строгую критику заслуженныхъ авторитетовъ, я поставилъ для себя мѣриломъ позволительной строгости сознаніе своей добросовѣстности. Но собственное сознаніе автора не всегда можетъ быть убѣдительно для другихъ, — и я не скрываю, и не скрывалъ до сихъ поръ, своего опасенія, что уваженіе другихъ къ разсматриваемымъ авторитетамъ будетъ, можетъ быть, источникомъ и какъ-бы оправданіемъ тяжкихъ для меня упрековъ за мои критическіе опыты. Теперь, подъ прикрытіемъ авторитета г. Срезневскаго, съ этой стороны я могу быть покоенъ. Въ сравненіи съ его отзывомъ объ изслѣдователяхъ Р. Е., я, при всей строгости моей критики (по крайней мѣрѣ, *мнѣ* она кажется такою), смѣло могу назвать себя почитателемъ почтенныхъ мужей, поддерживавшихъ знаменитую распрю,—могу ужъ по одному тому, что подвергаю этотъ споръ серьозной критикѣ, какъ предметъ, самъ по себѣ вполнѣ того достойный, и этой критикѣ посвящаю большую часть моего труда, не говоря уже о значеніи, которое, кромѣ того, признаю въ этомъ спорѣ для исторіи славянскаго образованія. По самой меньшей мѣрѣ, я могу быть увѣренъ въ томъ, что, ради уваженія къ авторитетамъ, г. Срезневскій не броситъ въ меня первый камень.

ствіемъ замѣнятъ въ ней сочувствіе къ своему любимому взгляду; но чѣмъ больше они будутъ искать у г. Срезневскаго подтвержденія этому взгляду, тѣмъ болѣе будутъ замѣчать, что онъ не берется его оправдывать, и что онъ льститъ ихъ взгляду только призракомъ сочувствія. Читатели противоположнаго мнѣнія, разумѣется, скорѣе отъищутъ точки разногласія между Ганкой и его критикомъ, и съ своей стороны будутъ имѣть достаточную причину упрекать критика за содѣйствіе распространенію взгляда, котораго самъ онъ не рѣшается одобрить. За чѣмъ — могутъ спросить одни — наводитъ онъ подозрѣніе на древность памятника, намекая на позднѣйшіе слѣды, изъ которыхъ однако ни одного не указываетъ въ наличности? За чѣмъ — скажутъ другіе — онъ оподазриваетъ значительность позднѣйшихъ слѣдовъ, не извѣдавъ напередъ, какъ они многочисленны и глубоки, когда они во всякомъ случаѣ могутъ говорить скорѣе въ пользу позднѣйшаго, чѣмъ древняго происхожденія памятника? Съ той и другой стороны могутъ быть еще продолжены указанія подобныхъ противорѣчій, и таково можетъ быть наилучшее дѣйствіе критики г. Срезневскаго, — дѣйствіе на читателей, способныхъ къ самостоятельной и строгой ея оцѣнкѣ. Но большинство публики, столь мало вообще расположенное къ строгому разбору діалектическихъ тонкостей, едвали замѣтитъ выставленныя нами противорѣчія; скорѣе оно будетъ останавливаться на той или другой сторонѣ взгляда исключительно, по личному расположенію каждаго читателя, и авторитетъ г. Срезневскаго можетъ, такимъ образомъ, одинаково служить опорою того и другаго мнѣнія о Реймскомъ Евангеліи. Предоставляемъ рѣшить читателю, въ какой мѣрѣ авторитетъ г. Срезневскаго благопріятствуетъ въ этомъ

случаѣ счастливому ходу борьбы противоположныхъ мнѣній.

Medio tutissimus ibis, говорятъ практики: на этотъ разъ это мудрое правило не оправдалось. Г. Срезневскій хотѣлъ остаться нейтральнымъ къ тому и другому мнѣнію,—и вызвалъ противъ себя оба; хотѣлъ остаться правымъ во всякомъ случаѣ окончательнаго рѣшенія вопроса, — и подвергъ себя отвѣтственности за высказанныя мнѣнія во всякомъ случаѣ рѣшенія и даже нерѣшенія вопроса. Въ наукѣ нѣтъ такой безопасной середины, какъ въ практической жизни, потому-что нѣтъ и самой середины: есть *да* и *нѣтъ*, утвержденіе и отрицаніе съ исключеніемъ всякаго третьяго, какъ уже издавна учитъ логика.

Послѣ такой неопредѣленности въ сужденіи славяниста ex professo, можно ли ожидать чего-нибудь твердаго въ мнѣніи какого-нибудь славянофила-дилетанта, который берется судить о предметѣ потому только, что заранѣе настроилъ себя къ сочувствію ко всему, что отзывается славянствомъ? Такъ, въ Отечественныхъ Запискахъ, при выходѣ въ свѣтъ изданія г. Ганки явилась довольно длинная статья, въ которой авторъ воздаетъ между прочимъ хвалу и благодареніе и за ученое изданіе и за весьма ученое рѣшеніе вопроса о памятникѣ. Какими же учеными достоинствами изданія впушены рецензенту эти торжественныя чувства? Какая настояла надобность во вторичномъ изданіи для рѣшенія вопроса о памятникѣ? Какое имѣетъ оно относительное значеніе въ исторіи вопроса? Что пріобрѣла въ немъ и въ самомъ памятникѣ исторія Чешскаго языка? И чѣмъ именно взглядъ г. Ганки завербовалъ себѣ новаго и столь безусловнаго послѣдователя? На это вы не найдете въ статьѣ никакого отвѣта;

ни даже покушенія на отвѣтъ, такъ-что цѣль статьи и ея помѣщенія въ журналѣ остается вопросомъ. Правда, исторія Реймскаго Ев. любопытна: но вѣдь еще не задолго предъ тѣмъ, въ томъ-же самомъ журналѣ она разсказана была стольже подробно, если еще не подробнѣе, г. Срезневскимъ, не говоря уже о томъ, что все это въ нашей литературѣ давно не ново. За чѣмъ же понадобилось повтореніе? Развѣ для того, чтобы поддержать славяно-патріотическое чувство къ памятнику и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжить ходъ вопроса зигзагами, какъ шелъ онъ доселѣ по тойже самой причинѣ? или вообще, чтобы подогрѣть фантазію славянофиловъ, хотя она и безъ того не бѣдна безотчетными, неопредѣленными, а иногда и химерическими мечтами? Не утверждаемъ этого рѣшительно; но мы затруднились бы представить себѣ какое-нибудь другое назначеніе и дѣйствіе этой статьи, еслибы непремѣнно нужно было предположить для нея какое-нибудь назначеніе и дѣйствіе.

§ 29.

Тогда какъ русскіе и не-русскіе славянисты и не-славянисты содѣйствовали распространенію ложнаго взгляда издателя якобы-сазавской рукописи, одинъ ученый, нѣмецъ по образованію, русскій по званію, и славянофилъ по расположенію, не могъ равнодушно смотрѣть на это, почти всеобщее обольщеніе, распространявшееся во вредъ истинѣ и успѣхамъ науки. Русскіе филологи, столь гордые своимъ природнымъ знаніемъ (то есть, практическимъ разумѣніемъ) древняго церковнаго языка, могутъ недовѣрчиво спрашивать, что можетъ пріобрѣсть

славянская наука отъ знанія языка, съ трудомъ пріобрѣтеннаго посредствомъ книжнаго изученія, и все-таки неусвоеннаго умомъ до естественной формы его мыслей? Съ своей стороны, иностранецъ, занимающійся нашимъ языкомъ ученымъ образомъ, руководясь всѣми пособіями, какія открыты всеобщимъ языкознаніемъ до нашего времени, съ спокойною увѣренностью въ своемъ знаніи и основательно могъ бы замѣтить, что съ природнымъ практическимъ знаніемъ не дается еще знаніе этимологическаго и историческаго процесса образованія языка, ни умѣнье (метода) достигнуть этого знанія; что это знаніе и метода какъ природными знатоками, такъ и иностранцами одинаково пріобрѣтается посредствомъ науки; что природное знаніе, покуда оно вновь не усвоено самому себѣ посредствомъ науки, составляетъ мертвый капиталъ, изъ котораго нельзя сдѣлать непосредственнаго употребленія въ наукѣ; что природные знатоки, при многихъ выгодахъ своего знанія, имѣютъ въ немъ и важныя невыгоды и даже могутъ успѣть въ ученомъ знаніи не иначе, какъ постоянно наблюдая съ недовѣрчивостью за своимъ природнымъ знаніемъ, потому-что его внушенія часто бываютъ обманчивы, и потому-что оно, покуда не подчинено свободному отъ всякаго личнаго чувства понятію о языкѣ, смотритъ непріязненно, съ какимъ-то отвращеніемъ на ученый анализъ языка, какъ на пытку или насильственное расторженіе живаго тѣла,—впечатлѣніе, кажется, знакомое Русскимъ филологамъ, потому-что оно не разъ было высказано въ нашей литературѣ. Къ счастію, здѣсь-же, на разсматриваемомъ пунктѣ исторіи Реймскаго Евангелія, мы встрѣчаемъ для сравненія опытъ натуральнаго и ученаго знанія языка. Изъ многочисленныхъ рецензентовъ Реймскаго Евангелія вѣдь не нашлось-же ни у одного славя-

нина, ни у одного славянскаго славяниста такого чуткаго уха, которое оскорбилось бы рѣзкими диссонансами заглавія, какимъ издатель надѣлилъ свой любимый памятникъ Но вотъ вамъ отзывъ иностранца, знающаго славянскіе языки не отъ природы: г. Куникъ находитъ по меньшей мѣрѣ *страннымъ*, что такое заглавіе могло явиться въ наше время въ Прагѣ. «На какомъ славянскомъ «языкѣ написано это заглавіе»? спрашиваетъ онъ. «Чи«стыми древне-Болгарскими (т. е. древне-церковными) эти «формы назвать нельзя. Кажется, г. Ганка хотѣлъ намек«нуть этимъ заглавіемъ, что такимъ образомъ искажались «(entbolgarisirt) древне-Болгарскія формы Моравскими и «Чешскими пиецами. Но доказательство существованія та«кого Моравскаго церковно-славянскаго правописанія на«всегда останется въ долгу за г. Ганкой» (St. Petersb. Zeit. 1846 № 68). Въ самомъ дѣлѣ заглавіе г. Ганки представляетъ странную смѣсь: такъ могъ бы написать развѣ русскій, претендующій на натуральное знаніе чистаго церковно-славянскаго языка. Въ доказательство приводимъ самое заглавіе съ дипломатическою точностою.

Сазако-емма8ское сѵ́тое бѣговѣствова́нїе нынѣже Ремьское на неже пре́же присѧгаша при вѣнчальномъ муропомазанїи цр҃и францоустїи. съ прибавленїемъ съ бокоу тогоже чтенїа латинскыми боукѣми и сличенїемъ остромирова еуангелиа и острожскыхъ чтенїи. Трудомъ и иждивенїемъ Вацеслава Ганкы.

Пусть *натуралисты* (*) попробуютъ узнать на опытѣ, сколько поможетъ имъ врожденное знаніе отличить и доказать искаженія, которымъ подвергся здѣсь церковный языкъ въ грамматическомъ и лексикографическомъ отношеніяхъ.

(*) Выраженіе Прейса.

Иные замѣтятъ, можетъ быть, что заглавіе, особенно въ изданіи памятника, со стороны формы, составляетъ такую второстепенную вещь, которая едвали заслуживаетъ критики, лишь-бы оно было ясно и недвусмысленно. Но мы видѣли, что это заглавіе, обнаруживая понятіе издателя о древнемъ церковномъ языкѣ и его моравской формѣ, даетъ ключь къ объясненію достоинства филологической оцѣнки памятника издателемъ. Судя по этому заглавію, сочиненному въ духѣ будто-бы Моравскаго церковно-славянскаго языка, можно заключать, что издатель не усумнился бы — памятникъ, написанный такимъ языкомъ, признать настоящимъ Мораво-Церковно-Славянскимъ, еслибы только къ нему прибавлено было такое же блестящее послѣсловіе, какъ къ Реймскому Евангелію. Мы уже знаемъ это послѣсловіе: посмотримъ теперь, что скажетъ объ немъ г. Куникъ.

...«Въ послѣсловіи» — говоритъ онъ — «о кирилловской части (письмо русске) сказано, что ее писалъ Аббатъ Прокопій своею рукою. Г. Ганка хочетъ возвести «это сказаніе въ историческій фактъ путемъ 1) *историческимъ* и 2) *филологическимъ*». Объ историческихъ доказательствахъ г. Ганки критикъ отзывается слѣдующимъ образомъ: «г. Ганка требуетъ довѣрія ко всему, что ему ка«жется вѣроятнымъ, даже и къ тому, чего онъ не можетъ «подтвердить положительно. Я никому не мѣшаю вѣрить, «чему угодно: но недовѣрчивому историку г. Ганка, конеч«но, позволитъ, по случаю паспорта, которымъ онъ снаб«жаетъ Texte du Sacre, напомнить тысячелѣтнюю исторію «о нерукотворной одеждѣ въ Трирѣ, которая точно такъ«же, по древнимъ историческимъ сказаніямъ, нѣсколько вѣ«ковъ странствовала по свѣту, покуда наконецъ, per varios casus et tot discrimina rerum, не была бальзамирована «въ среднія времена какимъ-то хитрецомъ въ Трирѣ.»

Но дѣло вовсе не ограничивается не только подоб-

ными остротами, но и первымъ порывомъ недовѣрія, какое внушаютъ странныя приключенія кодекса, объясняемыя только догадочно. Напротивъ, г. Куникъ какъ-будто не довѣряетъ и собственному недовѣрію, и потому серьозно входитъ въ доказательства г. Ганки, уступая имъ всю силу (едвали даже не болѣе, чѣмъ) какую имъ можно приписать, и чрезъ это возводитъ вопросъ о памятникѣ къ первымъ основаніямъ. Вотъ дальнѣйшія сужденія критика.

«Г. Ганка, конечно, окажетъ своимъ антиподамъ по «недовѣрчивости всю терпимость, какой можно ожидать «отъ изъискателя древности, особенно если его соперникъ «будетъ употреблять тоже оружіе, какимъ онъ самъ ста«рался упрочить древность псевдо-прокопіевой рукописи. «Чтобы спасти моравизмъ ея, онъ ссылается на правопи«саніе, и слѣдовательно допускаетъ и внутреннія, филоло«гическія основанія для опредѣленія древности церковно«славянскихъ рукописей. Только для него эти основанія «не единственныя и не главныя; напротивъ, онъ съ осо«беннымъ предпочтеніемъ обращается къ хронологическимъ «показаніямъ, какъ скоро находитъ ихъ въ рукописи. Но «для тѣхъ филологовъ и историковъ, которые съ 1820 «года видятъ въ *А. Х. Востоковѣ открытеля организма древ«няго* церковно-славянскаго или древне-болгарскаго языка, «*хронологическія и другія историческія* показанія о времени и «мѣстѣ происхожденія оригинала или копіи памятника *сами* «*по себѣ* не имѣютъ никакой силы доказательства; даже *па«леографическіе признаки* весьма часто обманчивы и должны по«читаться только второстепенными доказательствами. Глав«ное доказательство древности рукописи, и разряда, къ ко«торому она принадлежитъ, заключается въ правописаніи «сочинителя или переписчика, именно въ неправильномъ или «произвольномъ употребленіи гласныхъ и полугласныхъ, и «особенно двухъ древне-болгарскихъ носовыхъ и нѣкото«рыхъ сочетаній согласныхъ. Только слѣдя за этими при-

«знаками, можно достигнуть достаточной степени вѣро-«ятности въ разсужденіи рукописи, къ какому принадле-«житъ она періоду болгарскаго языка, или она писана или «сочинена гдѣ-либо внѣ Болгаріи: въ Сербіи, Далмаціи, «Молдавіи, у Русиновъ, или въ собственной Россіи. Только «*послѣ* такого разбора памятника посредствомъ исторіи язы-«ка могутъ быть приняты во вниманіе палеографическіе «признаки и историческія свѣдѣнія о древности рукописи».

Новое доказательство того, какъ еще шатки понятія большинства славянистовъ о своемъ предметѣ. Послѣ такой длинной, шумной, славной и безславной исторіи, какую составляютъ сдѣланныя доселѣ изысканія о памятникѣ, онѣ оканчиваются тѣмъ, чѣмъ должны бы начаться: вопросомъ о *методѣ* палеографіи и объ относительномъ достоинствѣ ея способовъ. Пора, давно пора-бы! И сколько предупреждено было бы напрасныхъ поисковъ, безполезныхъ предположеній и ошибокъ, еслибы во время задали себѣ этотъ вопросъ, еслибы прежде, чѣмъ взяться за опредѣленіе древности памятника, позаботились отчетливо объяснить, чѣмъ она опредѣляется. Но мы видѣли, какъ г. Ястржембскій, попавъ случайно на общій вопросъ о палеографическихъ средствахъ и о предпочтительной важности филологическихъ признаковъ, самъ-же тотчасъ постарался заглушить въ себѣ вдохновеніе счастливой мысли какими-то мелочами, неопровержимо будто-бы говорившими въ пользу его предубѣжденія. Неудивительно, если онъ жаловался послѣ того на недостатокъ палеографическихъ средствъ, когда, вмѣсто того, чтобы взять на себя этотъ трудъ, предоставлялъ указать эти средства и объяснить ихъ относительную важность «Славянскому Мабильону,» скромно ожидая отъ него не менѣе, чѣмъ трактатъ De re diplomatica, въ опроверженіе своихъ скуд-

ныхъ наблюденій. Но нашъ Мабильонъ не нашелъ въ изысканіяхъ своихъ противниковъ достаточнаго повода къ археологическому трактату, который бы былъ важенъ, какъ ожидали они, не только для славянской палеографіи, «но и для французской дипломатики»: онъ сухо отозвался объ ихъ мнѣніи и коротко высказалъ свое, предоставляя своихъ противниковъ безпрепятственно слѣдовать произволу ихъ задушевныхъ убѣжденій. За то они и воспользовались предоставленною имъ неограниченною свободой: захвативъ оставленное непріятелемъ поле битвы, они тотчасъ провозгласили побѣду, и, вѣроятно, поражены были изумленіемъ, когда встрѣтили неожиданный протестъ противъ законности и самой дѣйствительности ихъ побѣды. Но признаютъ ли они за возражателемъ право на этотъ протестъ? Какъ ни страненъ подобный вопросъ, но г. Куниввъ, зная, въ какое жаркое дѣло онъ вмѣшивается, почелъ не излишнимъ предупредить его, и для того вызвалъ предъ судилище науки рѣзкую замѣтку г. Ганки о «неумѣстномъ вмѣшательствѣ Копитара безъ приглашенія». Почитая съ своей стороны законнымъ въ ученомъ вопросѣ всякое научное участіе безъ посторонняго приглашенія, онъ поставилъ себѣ въ обязанность *пользоваться однимъ и тѣмъ-же оружіемъ* съ своимъ соперникомъ, но *научнымъ образомъ*. Правильно ли судитъ онъ объ относительномъ достоинствѣ этихъ палеографическихъ орудій, справедливо ли осуждаетъ неправильное, по его мнѣнію, употребленіе ихъ своихъ противникомъ? Объ этомъ судить предоставляется каждому; нашъ критикъ именно вызываетъ на это каждаго; но онъ старается о томъ, чтобы эти сужденія не были личными, и потому-то обращаетъ вниманіе читателя на общій ходъ филологическихъ изысканій, и здѣсь, въ испытанномъ и оправданномъ въ этомъ

ходѣ употребленіи палеографическихъ средствъ, указываетъ основаніе для всякаго сужденія. Замѣтимъ одну, весьма достопримѣчательную особенность. Указывая вѣрнѣйшія средства палеографіи, именно употребленіе носовыхъ и полугласныхъ, г. Куникъ, кажется, и самъ того не замѣчая, напомнилъ читателю г. Востокова, потому-что именно въ его — Востокова — и преимущественно въ его палеографическихъ трудахъ эти буквы всегда стоятъ на первомъ планѣ; имъ преимущественно оправдана важность употребленія ихъ полновѣсною массою фактовъ. Такъ справедливо то, что въ славянской филологіи обращеніе къ общему состоянію науки въ важнѣйшихъ случаяхъ неизбѣжно приводитъ къ имени Востокова.

Но г. Куникъ, осуждая несправедливое предпочтеніе внѣшнихъ историческихъ данныхъ внутреннимъ, въ тоже время, чтобы оказать своему противнику всю справедливость (мы хотѣли бы сказать: все великодушіе), судитъ объ его историческихъ доводахъ и безотносительно. «Послѣ этого» — говоритъ г. Куникъ о предпочтеніи послѣсловія правописанію — «требованіе г. Ганки слишкомъ «неумѣренно (unbillig), когда онъ хочетъ, чтобы послѣ«словіе, въ которомъ св. Прокопій названъ писцемъ Са«завскаго Евангелія, опровергали не только подозрѣніемъ «(Skepsis), но и положительными историческими доказа«тельствами. Но» — продолжаетъ критикъ, не смотря на неумѣстность этого требованія — «откуда *самъ онъ* (г. «Ганка) узналъ достовѣрно, что это послѣсловіе содер«житъ чистѣйшую историческую истину? Кто намъ по«ручится, что составленіемъ такого послѣсловія не былъ «заинтересованъ какой-нибудь монахъ среднихъ вѣковъ для «потѣхи, или потому, что принялъ это преданіе за чистую «монету? И кромѣ подобнаго простака, не могъ ли, въ

«эти времена невѣжества въ Богеміи, какой-нибудь лука-«вый монахъ прибавитъ изъ своей головы это послѣсло-«віе, чтобы только выманить хорошія деньги у Импера-«тора Карла IV или у другаго какого-нибудь славяномана «за такую рѣдкую древность?» Предположенія противъ предположенія, и какъ всякая возможность дѣлается слабѣе отъ совмѣстничества другой, то уже и эти предположенія не безъ силы противъ мнѣнія, котораго вѣроятность такъ-же не выше возможности. Но за тѣмъ критикъ продолжаетъ: «кому неизвѣстно, что монахи среднихъ «вѣковъ въ *Западной* Европѣ были большіе мастера под-«дѣлывать хроники, записи, стихи, дарственныя грамоты, завѣщанія и надписи?» Эта подробная номенклатура, эта почти положительная ссылка на опытъ исторической критики, достаточно показываетъ, что вышеозначенныя предположенія были внушены критику не легкомысленною какою-нибудь или случайною наклонностью къ скептицизму: напротивъ, вы слышите здѣсь голосъ историка, которому, можетъ быть, не разъ, къ крайнему затрудненію и неудовольствію, самому доводилось останавливать свои историческія изысканія и выводы, чтобы напередъ учинить расправу съ однимъ изъ такихъ лжесвидѣтелей, каковъ писецъ Реймскаго послѣсловія. Не въ правѣ-ли-же онъ требовать, чтобы вѣрность преданія въ отношеніи къ разсматриваемой рукописи, была напередъ хоть чѣмъ-нибудь подтверждена положительно, — не въ правѣ ли былъ бы даже и тогда, когда дѣйствительность преданія въ самомъ себѣ, безъ этого отношенія, была бы въ высшей степени вѣроятна?

При несостоятельности историческихъ доказательствъ послѣсловія, г. Куникъ тѣмъ съ большею рѣшительностью обращается съ вопросомъ о древности памятника къ фи-

лологическимъ признакамъ. «Еслибы» — говоритъ онъ — «въ послѣсловіи стояло: «я Аббатъ Прокопій написалъ это «евангеліе въ 1040 году»; и еслибы г. Ганка могъ въ «самой Прагѣ указать другой точно такой-же автографъ «Прокопія, — и тогда еще должно бы было, недовѣрчиво «качая головою, не забывать возможности мистификаціи, «покуда сильныя доказательства, взятыя изъ исторіи языка, не заставили бы наконецъ отказаться отъ отрицанія, «которое теперь было бы голословно.» Посмотримъ-же, таковы ли, по мнѣнію критика, филологическія доказательства у г. Ганки.

«Г. Ганка удивляется»—говоритъ г. Куникъ—«что Ко«питаръ отнесъ рукопись къ XIV столѣтію, или еще къ «позднѣйшему времени, безъ всякихъ спеціальныхъ доказа«тельствъ. Теперь для меня это весьма понятно: только на «дняхъ я ближе ознакомился съ прославленнымъ памятни«комъ. Повѣритъ ли г Ганка, что уже по первому столбцу «первой страницы я понялъ, какой поздній и искаженный «церковно-славянскій языкъ имѣемъ мы въ Texte du Sacre? «Что г. Ганка выдаетъ во введеніи за такъ-называемыя «древне-моравскія и древне-чешскія формы, которыя будто«бы аббатъ Прокопій поставилъ вмѣсто древне-болгарскихъ, «это не ставитъ меня ни въ малѣйшее затрудненіе. Нѣко«торыя изъ нихъ, но немногія, дѣйствительно, отзываются «съ перваго разу Западно-словенскимъ нарѣчіемъ; но изъ «этого еще не слѣдуетъ, что онѣ происходятъ отъ св. Про«копія: онѣ могутъ принадлежать XIV и даже XV вѣку. «Но теперь еще позволительно спрашивать, можно ли дока«зать, что эти формы дѣйствительно *чисто* Западно-словен«скія и *исключительно* такія? До сихъ поръ мы еще плохо «знаемъ тѣ измѣненія, какія потерпѣлъ древне-болгарскій «вокализмъ и консонантизмъ отъ Сербо-Боснійскихъ, Сербо«Далматинскихъ и Русинскихъ писцовъ въ Малороссіи, Га«лиціи и Венгріи. Надобно такъ-же еще разсмотрѣть, не

«изъ удобства ли только писецъ псевдо-прокопіева еванге-«лія измѣнилъ нѣкоторыя буквы на какую-нибудь услов-«ную систему правописанія (напр. ѣ въ ь»: въ послѣдней г. Ганка видитъ вліяніе чешскаго *ѣ*, соотвѣтствующаго церковно-славянскому *ѣ*) «До сихъ поръ достовѣрно толь-«ко то, что многіе чехизмы, которые указываетъ г. Ганка, «встрѣчаются и въ Сербскихъ, но еще болѣе въ Русскихъ «спискахъ. Изъ перваго разсужденія Востокова о Церков-«но-Словенскомъ языкѣ (1820 г.), изъ его-же статей въ «Библіографическихъ Листахъ Кеппена, изъ его Каталога «Румянцовскихъ рукописей, изъ Шафариковыхъ Serbische «Lesekorner, изъ сочиненій Копитара, достаточно можно ви-«дѣть, какъ древне-болгарскія полугласныя ѣ и ь, строго «отличаемыя одна отъ другой въ началѣ, преимущественно «въ среднемъ періодѣ церковно-словенскаго языка начали «ставиться то одна вмѣсто другой, то вмѣсто той или дру-«гой гласной и наоборотъ, и какъ различныя-же въ нача-«лѣ древне-болгарскія носовыя ѫ (Польск. ą) и ѧ (Польск. «ę) употреблялись несвѣдущими писцами то одна вмѣсто «другой, то вмѣсто оу и ѭ и т. д. Именно это произволь-«ное употребленіе носовыхъ въ псевдо-прокопіевомъ еван-«геліи, произвольное изгнаніе полугласной ѣ въ серединѣ «словъ и многія другія особенности писца сильно напоми-«наютъ Русскіе списки Монгольскаго періода, гдѣ бы впро-«чемъ ни было отечество *послѣдняго* переписчика.»

Не смотря на полемическій тонъ этой тирады, не смо-трл на отрицательное содержаніе наибольшей части со-ставляющихъ ее предложеній, въ общемъ направленіи ея болѣе положительнаго, чѣмъ сколько можно полагать съ перваго взгляда. Еслибы направленіе критика ограничи-валось опроверженіемъ г. Ганки, ему не было бы надоб-ности разсѣеваться по обширному полю исторіи церков-ной литературы: довольно было бы привести нѣсколько примѣровъ изъ правописанія памятника, въ которыхъ рѣз-

кая противоположность употребленія однѣхъ и тѣхъ-же буквъ явно не можетъ принадлежать одному разряду правописанія, какъ это предполагается мнѣніемъ г. Ганки. Эти указанія на разные разряды рукописей, хотя онѣ и сдѣланы въ опроверженіе мнѣнія г. Ганки, могли быть внушены только тайною мыслью, можетъ быть, не довольно ясно сознаваемою самимъ критикомъ, — мыслью отыскать памятнику принадлежащее ему мѣсто въ исторіи литературы,—и вы видите, что вся полемика дѣйствительно оканчивается положительнымъ взглядомъ. Предоставляемъ рѣшить читателю, должно ли вмѣнить это направленіе въ достоинство? Мы же съ своей стороны укажемъ на отношеніе этой критики къ современному ей состоянію филологической оцѣнки памятника и на значеніе ея для будущей судьбы вопроса. Это уже не безотчетное отрицаніе и такое-же утвержденіе одного, ни хитрая полемика другаго, нападающая на отдѣльныя частности, но избѣгающая битвы на множествѣ пунктовъ, ни миролюбивое равнодушіе третьяго ко всему объему филологическихъ признаковъ: правописаніе памятника, до сихъ поръ пренебрегаемое и отстраняемое, теперь выдвинуто на первый планъ, указано не въ отдѣльныхъ частностяхъ, какъ въ формѣ *Янъ* у Копитара, но въ главныхъ пунктахъ, въ употребленіи буквъ, которое простирается по всему памятнику, и оно должно быть обсуживаемо не пристрастными натяжками и примѣриваніемъ къ одному выговору, но многосторонними отношеніями къ исторіи правописанія въ разныхъ ея вѣтвяхъ, какъ и сколько она обработана первыми славянистами, которые здѣсь же и поименованы. Важнымъ пріобрѣтеніемъ въ этомъ состояніи вопроса является то, что личность критика, оставаясь въ сторонѣ, не вызываетъ и противъ себя личности:

опъ ставитъ памятникъ лицемъ къ лицу съ филологическими истинами, дознанными опытомъ науки, и вы можете повѣрить его, правильно ли онъ понялъ эти истины, дѣйствительно ли указалъ напр. главные филологическіе признаки для опредѣленія древности рукописей, мѣтко ли сблизилъ правописаніе памятника съ другими правописаніями, и основательно ли обратилъ всю силу этого сближенія противъ мнѣнія г. Ганки. И каковъ бы ни былъ для критика результатъ этой повѣрки, вы уже можете быть увѣрены, что впередъ изслѣдованія пойдутъ путемъ науки и небезплодно для успѣховъ разсматриваемаго вопроса, и что для нихъ нѣтъ уже опасности сбиться на личную полемику. Этого мало: г. Куникъ ясно понималъ, что въ Реймскомъ текстѣ смѣшаны разныя правописанія, и первый указалъ на истинный способъ рѣшенія вопроса по правописанію, — именно посредствомъ историческаго разложенія правописанія. Кратко, одною фразой, но весьма мѣтко, онъ сдѣлалъ даже первый опытъ этого разложенія: указывая на руссизмы Реймскаго текста, онъ видѣлъ, что они принадлежатъ не послѣднему списку, и вслѣдъ за тѣмъ прибавилъ: «гдѣ бы ни былъ сдѣланъ послѣдній списокъ.» Такимъ образомъ вопросъ съ прежнихъ распутій поставленъ теперь на прямую дорогу, которая должна наконецъ привести къ цѣли. Если же Куникъ и упоминаетъ далѣе объ упрекѣ Копитара, сдѣланномъ г. Ганкѣ въ патріотическомъ пристрастіи, то въ самомъ тонѣ этого упоминанія скорѣе можно видѣть увѣренность критика въ незначительности этого посторонняго вліянія и на мнѣніе г. Ганки и на будущій ходъ вопроса, чѣмъ желаніе подтвердить этотъ упрекъ, или усилить его дѣйствіе (*). Въ выраженіяхъ критика по этому поводу отзы-

(*) Вотъ собственныя выраженія г. Куника: «быть можетъ, не

вается даже что-то похожее на участіе къ славянскому патріотизму, и самые исключительные патріоты, оставаясь равнодушными къ этому *участію*, не могутъ не отдать справедливости по крайней мѣрѣ *безпристрастію* критика въ слѣдующемъ его сужденіи: «оставимъ эти (патріотическія) слабости», говоритъ г. Куникъ: «онѣ имѣ-«ютъ достаточное извиненіе въ суровомъ игѣ, которымъ «бѣшеные Нѣмцы и Мадьяры (deutsche und magyarische «Wütheriche) подавляли духъ Славянъ, истребляя славян-«ское богослуженіе въ Богеміи и Моравіи, сожигая Гус-«ситскія и вообще чешскія книги въ XVII вѣкѣ.» Этого мало: г. Куникъ, при разборѣ изданія, ставитъ себя рѣшительно на патріотическую точку зрѣнія; потому-что изданіе г. Ганки, кромѣ общаго ученаго интереса, дѣйствительно имѣетъ спеціально-патріотическую сторону — въ переложеніи текста на чешскія буквы. Въ этомъ отношеніи г. Куникъ ничего не сказалъ болѣе того, что могъ бы сказать просвѣщенный патріотъ чешскій. Дѣло въ томъ, что это переложеніе сдѣлано неточно, и читатель, сравнивая переложеніе съ кирилловскимъ подлинникомъ, или будетъ въ затрудненіи, которому чтенію отдать предпочтеніе, чешскому или кирилловскому, или получитъ неправильное понятіе о выговорѣ кирилловскихъ буквъ и

одинъ чешскій патріотъ тяжело вздохнетъ, разставаясь съ мечтою о Прокопіевской древности. Но зачѣмъ же вмѣшиваютъ еще патріотическое чувство, тамъ, гдѣ дѣло для одной науки? Г. Ганка, конечно, не признаетъ обвиненія, взведеннаго Копитаромъ, будтобы онъ (Ганка) былъ увлеченъ слѣпымъ патріотизмомъ (caeco patriae amore). Мелкія статьи, прежде напечатанныя г. Ганкою въ чешскомъ журналѣ, говорятъ скорѣе за—чѣмъ противъ Копитара, который и самъ, въ спорѣ о происхожденіи славянскаго богослуженія, съ горячею ревностью стоялъ за отечество, т. е. за Хорутанію: но оставимъ эти слабости»... и пр. (см. въ текстѣ).

словъ, или будетъ строго держаться кирилловскаго правописанія, признавая въ такомъ случаѣ бесполезнымъ чешское переложеніе. Это тѣмъ удивительнѣе въ наше время, что въ литературѣ не разъ уже являлись справедливые упреки за подобныя неточности. «Искаженіе церковно-«славянскихъ рукописей русскими переписчиками и попо-«вленіе нѣкоторыми историками»—говоритъ г. Куникъ — «должны бы послужить издателю урокомъ. При неуваже-«ніи къ буквѣ, можетъ ли онъ ожидать, что филологи, «принимаясь разбирать чехизмы въ мимо-прокопіевомъ «евангеліи, окажутъ довѣріе къ его изданію? Не должны «ли они опасаться, что въ это изданіе вкрались, можетъ «быть, съ-вѣдома или безъ-вѣдома издателя, ошибки, и не «обратятся ли они, въ-слѣдствіе того, лучше къ литогра-«фированному изданію, въ которомъ каждой буквѣ, каж-«дому значку дано свое мѣсто?» и пр. Эту замѣтку критикъ тѣмъ болѣе могъ почитать неизлишнею, что въ наше время изданіе г. Ганки, упрекаемое только въ неточномъ переложеніи, къ сожалѣнію, еще не единственный и не худшій примѣръ между другими, уже настоящими пополненіями самаго текста, хотя невыгоды ихъ, по недостатку строгаго филологическаго изученія памятниковъ, теперь еще не довольно ощущаются.

Самая строгость критики г. Куника и очевидныя заботы его объ отчетливости ея, достаточно показываютъ его увѣренность, что онъ имѣетъ дѣло съ ученымъ, котораго вниманіе можно пріобрѣсть не иначе, какъ серьозно-ученымъ разборомъ предмета. Но г. Куникъ и прямо свидѣтельствуетъ свое уваженіе къ ученымъ заслугамъ г. Ганки, бывшимъ и будущимъ, какъ это можетъ всякій видѣть въ заключеніи критики, которое мы предоставляемъ любопытству читателя.

§ 30.

Не смотря на благопріятныя предсказанія, какія можно было сдѣлать будущему ходу изысканій послѣ этой критики, не смотря на мѣры, принятыя въ ней для отвращенія личныхъ распрей и досады, не смотря на настоятельный вызовъ къ чисто-ученому разсматриванію, для котораго выставлено было столько вопросовъ и указано столько средствъ, и отъ котораго, по видимому, нельзя было уклониться тому, кто дорожитъ памятниками, не смотря на все это — ученаго разбора памятника въ защиту его древности и въ опроверженіе сомнѣній не явилось ни со стороны г. Ганки, ни со стороны его многочисленныхъ послѣдователей. Можно полагать, что дѣйствіе этой критики, при томъ тѣсномъ кругѣ, въ какомъ она распространилась, съ теченіемъ времени сдѣлалось бы слабѣе; ея впечатлѣнія изгладились бы въ памяти читателей, исключая развѣ тѣхъ, кто принимаетъ ближайшее участіе въ памятникѣ. и въ состояніи судить о немъ самостоятельно; можно думать, что вопросъ, за недостаткомъ дальнѣйшихъ объясненій, надолго остался бы въ исторіи славянской филологіи въ числѣ дѣлъ нерѣшенныхъ, — еслибы г. Ганка не предпринялъ особенной мѣры, которая, вмѣсто предполагаемаго имъ противодѣйствія, предоставляла его противнику такое полное, такое рѣшительное торжество, какого онъ едвали могъ бы ожидать по самому свойству своей критики, имѣющей полную силу отрицанія, но преимущественно отрицанія, и какого онъ не могъ бы даже пожелать ради успѣховъ славянской филологіи и настоящаго вопроса. Противодѣйствіе это бы-

ло не ученое, даже вовсе не литературное, и мы не узнали бы объ немъ изъ литературы, еслибы оно не вызвало самого критика къ литературной защитѣ Самый способъ этого противодѣйствія, очевидно, довольно сильный, если вызвалъ критика къ защитѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгающій литературной гласности, способенъ возбудить темныя подозрѣнія и предчувствія: имъ предполагается, что или критика, подавшая поводъ къ такому противодѣйствію, или само противодѣйствіе содержитъ въ себѣ нѣчто такое, чего, для чести одного изъ соперниковъ, лучше не допускать до литературной извѣстности. Мы очень довольны, что статья г. Куника избавляетъ насъ отъ непріятной обязанности излагать эту щекотливую сторону ученаго вопроса отъ своего имени: поэтому мы передаемъ ее вполнѣ, какъ она напечатана въ 3 и 4 №№ С. Петербургской Нѣмецкой Газеты 1847, въ возможно-точномъ переводѣ.

«Извѣстно», говоритъ г. Куникъ, что уже нѣсколько «лѣтъ тому назадъ г. Ганка сталъ доказывать, что Реймское Евангеліе писано рукою чешскаго аббата Прокопія «(† 1053) и что оно, такимъ образомъ, древнѣе изданнаго «Востоковымъ Остромирова Евангелія, которое до сихъ «поръ почиталось чистѣйшимъ и обильнѣйшимъ источникомъ церковнаго языка. Это униженіе Остромирова Евангелія встрѣтило рѣшительное противорѣчіе въ двухъ корифеяхъ славянскаго языкознанія — въ такъ-называемомъ Вѣнскомъ гиперкритикѣ, Копитарѣ, и въ основателѣ истинно-ученаго изслѣдованія, Востоковѣ. Совершенно-неудачное мнѣніе г. Ганки о древности Реймскаго Евангелія и вмѣстѣ съ тѣмъ о внутреннемъ достоинствѣ его, обоимъ этимъ ученымъ показалось до такой степени не подлежащимъ критикѣ, что они даже не приняли на себя труда обстоятельно изложить противоположное мнѣніе. Одинъ изъ нихъ только въ нѣсколькихъ строчкахъ ото-

*

«звался съ обыкновенною своей ироніей о благоговѣніи «Чеховъ къ авторитету, и отнесъ рукопись къ XIV вѣ- «ку. Другой, въ предисловіи къ Остромирову Евангелію, «такъ-же коротко отозвался, что мнимый соперникъ этого «памятника, по филологическимъ признакамъ, принадлежитъ «къ гораздо-позднѣйшему времени. Но отзывъ двухъ вете- «рановъ не произвелъ, къ сожалѣнію, ожидаемаго дѣйствія. «Благоговѣніе, воздаваемое памятнику, или лучше мощамъ, «хранившимся въ украшеніяхъ его переплета, такъ ослѣ- «пило нѣкоторыхъ Чеховъ, Поляковъ и Русскихъ, что они «и по внутреннему достоинству, не знали цѣны памятнику.»

«Г. Ганка, явившись съ своимъ опроверженіемъ Ко- «питара уже послѣ его смерти, конечно, имѣлъ довольно «времени, чтобы оградить свой взглядъ отъ всѣхъ прež- «нихъ и будущихъ возраженій соотвѣтствующими нынѣш- «нему состоянію науки мѣрами. Но мнѣнія Копитара и Во- «стокова, какъ кажется, не почтены достойными труда раз- «сматривать ихъ отдѣльно, въ томъ видѣ, какъ онѣ выра- «жены въ ихъ статьяхъ: по крайней мѣрѣ, г. Ганка ко- «ротко отдѣлался отъ нихъ въ предисловіи къ своему «изданію.»

«Такой поступокъ показался мнѣ несообразнымъ съ «наукой (unwissenschaftlich). Будучи увѣренъ, что автори- «тетъ г. Ганки, пріобрѣтенный имъ въ другихъ наукахъ, «легко найдетъ почитателей и въ области церковно-сла- «вянскихъ изслѣдованій, и именно опасаясь этого дѣйствія «въ Россіи, я счелъ за нужное выставить противъ его мнѣ- «нія свое сомнѣніе, и тѣмъ болѣе, что тотъ, кто первый «въ 1820 году освѣтилъ хаосъ церковно-славянской пись- «менности, рѣшился теперь пройти молчаніемъ пренебре- «женіе къ его мнѣнію о Реймскомъ Евангеліи. Ученый «свѣтъ долженъ узнать—такъ думалъ я—что въ числѣ го- «лосовъ, которыми встрѣчено будетъ изданіе Реймскаго «Евангелія, есть хотя одинъ, который предостерегаетъ «церковно-славянскія изслѣдованія отъ обольстительныхъ «фантазій, угрожающихъ имъ новою путаницей.»

«Итакъ побужденіе, заставившее меня написать мои воз-«раженія, было чисто-*ученое*. Такое именно и никакого дру-«гаго, сколько мнѣ извѣстно, не предполагали во мнѣ живу-«щіе здѣсь русскіе ученые. Но г. Ганка хочетъ найдти во мнѣ «совсѣмъ другаго рода побужденіе. Какъ скоро получилъ онъ «извѣстіе о высказанномъ мною противорѣчіи, тотчасъ поза-«ботился выбрать для себя надежнаго защитника, и обра-«тился съ этою просьбою къ г. Прейсу. Такъ какъ этотъ «славянистъ уже умеръ, то я не скажу своего мнѣнія о «томъ, нашелъ ли бы г. Ганка у избраннаго посредника «одобреніе своему поступку въ отношеніи къ Востокову, «и своей методѣ изслѣдованія памятника; замѣчу только, «что я послалъ г. Ганкѣ экземпляръ своей статьи и вы-«зывалъ его самаго на защиту его взгляда, увѣряя, что ре-«дакція С. Петербургской Газеты съ удовольствіемъ при-«метъ отъ него антикритику, такъ-какъ дѣло идетъ объ «ученомъ объясненіи. Но такого объясненія здѣсь не яви-«лось. Г. Ганка предпочелъ принести оправданіе предъ «своими знакомыми и другимъ образомъ. Вовсе не любо-«пытствуя знать, что содержало это оправданіе въ подроб-«ностяхъ, я удовольствовался тѣмъ, что г. Ганка объяс-«няетъ мое мнѣніе о мнимой древности и преувеличенной «важности Реймскаго Евангелія, какъ узналъ я, тѣмъ, что «я *Нѣмецъ* (aus meiner Deutschheit). Почитаю себя обязан-«нымъ — себѣ и своему *званію* — самымъ рѣшительнымъ «образомъ опровергнуть это объясненіе.»

Отсюда очевидно, почему г. Куникъ рѣшился внести въ литературу и передать публикѣ дѣло вовсе нелитературное и непубличное: оно прямо относилось къ его ученому и литературному труду, который объявленъ ученымъ только по наружности, а въ сущности партіально-пристрастнымъ и неблагонамѣреннымъ. Это тяжкое обвиненіе, какъ видно изъ представленныхъ выраженій, распространилось притомъ не изъ тѣснаго круга ученыхъ или общественныхъ друзей, не само собою, посредствомъ дру-

жеской передачи, но намѣренно и прямо направлено было въ такой кругъ просвѣщеннаго русскаго общества, предъ глазами котораго г. Куникъ почитаетъ своею обязанностью блюсти чистоту своего *званія* отъ всякой укоризны и подозрѣнія, какъ-бы онѣ ни были опрометчивы. Читатель, конечно, желалъ бы, подобно намъ, не останавливаться долѣе на этомъ непріятномъ пунктѣ, но мы должны взять на себя обязанность войдти въ подробнѣйшее объясненіе этого поступка, потому-что иначе онъ можетъ быть понятъ хуже, нежели каковъ онъ на самомъ дѣлѣ. Могло статься, что г. Ганка былъ искренно увѣренъ въ недоброжелательствѣ своего критика, потому-что не могъ войдти въ его мнѣнія, не понималъ основаній, которыя заставляли критика опровергать древность памятника. Надобно замѣтить, что входить въ филологическія доказательства весьма нелегко, кто не привыкъ къ этому; а въ такомъ случаѣ и всѣ положительныя заключенія, или отрицанія, какъ въ настоящемъ случаѣ, естественно должны оставаться непонятными. Но мы уже не разъ замѣчали, что филологическая сторона изслѣдованій г. Ганки въ продолженіе всѣхъ изысканій о памятникѣ была самою слабою: такъ онъ искренно былъ увѣренъ, что мнѣнія Копитара были въ самомъ дѣлѣ такъ безотчетны, какъ безотчетно выражались въ литературѣ, хотя, при нѣкоторомъ знакомствѣ съ церковно-славянскими памятниками, стоитъ только пробѣжать двѣ-три страницы, чтобы увѣриться въ противномъ. Точно такъ-же г. Ганка не понялъ важности замѣчанія г. Востокова о Реймскомъ Евангеліи, вовсе не подозрѣвая, чтобы въ этомъ замѣчаніи угрожала сильная опасность мнѣнію о древности памятника, и потому даже не упомянулъ объ немъ въ своемъ введеніи. Мы видѣли такъ-же, что и собственныя его за-

мѣтки о правописаніи получали въ глазахъ его свою силу только отъ послѣсловія. Наконецъ обращеніе къ защитѣ Прейса есть явное сознаніе своей филологической слабости. Мудрено ли же, что г. Ганка въ филологическихъ замѣчаніяхъ г. Куника не находилъ достаточнаго основанія къ отрицанію древности памятника? Въ-слѣдствіе того, чтобы объяснить чѣмъ-нибудь это сильное отрицаніе, онъ всего естественнѣе полагалъ причину онаго въ Нѣмецкомъ народномъ предубѣжденіи и недоброжелательствѣ къ Славянамъ Дозволивъ себѣ предположить въ своемъ противникѣ это расположеніе, способное въ свою очередь встревожить всю силу народнаго славянскаго чувства, г. Ганка могъ считать своею обязанностью такъ или иначе обличить это расположеніе, какъ злоупотребленіе науки, и достойное осужденія и преслѣдованія, какъ всякое предубѣжденіе и неблагонамѣренность. Такимъ образомъ, взводя обвиненіе на своего критика, г. Ганка могъ быть совершенно правъ передъ своею совѣстью, хотя въ тоже время былъ столько-же неправъ передъ наукой, и предъ тѣми, у кого искалъ защиты, и предъ своимъ критикомъ.

Но какимъ образомъ ученый, столь близко знакомый по собственнымъ и чужимъ опытамъ съ трудными историческими и палеографическими вопросами, въ разсужденіи которыхъ самыя вѣроятныя мнѣнія часто оказываются ложными, — какимъ образомъ могъ онъ питать столь исключительное довѣріе къ своему мнѣнію, что изъ противоположныхъ мнѣній однѣ, положительныя, казались ему недостойными вниманія, другія, выразившіяся полемически, скептическими и неблагонамѣренными придирками? Объ этомъ противорѣчіи г. Ганки по поводу Реймскаго Евангелія своей собственной, доказанной ученой опытности мы замѣтили уже выше; но кажется, здѣсь только на-

ходимъ ему удовлетворительное объясненіе. Если г. Ганка полагаетъ, что его критикъ нашелъ взглядъ его на Реймское Евангеліе неосновательнымъ потому только, что онъ—критикъ—Нѣмецъ, то, по мнѣнію г. Ганки, онъ долженъ бы былъ понять этотъ взглядъ иначе, еслибы былъ Славянинъ: слѣдовательно самъ г. Ганка почитаетъ свой взглядъ и его доказательства особенно удовлетворительными для Славянина. Не напоминаетъ ли это давнихъ упрековъ, сдѣланныхъ г. Ганкѣ въ патріотическомъ пристрастіи, и не это ли чувство, несмотря на всѣ предостереженія, приковывало его къ своему мнѣнію и увлекло къ темнымъ подозрѣніямъ нѣмецкой нетерпимости тамъ, гдѣ бы онъ долженъ былъ ученымъ образомъ войдти въ возраженія своего критика, проистекшія вовсе изъ другаго источника? Припомнимъ, что этотъ памятникъ съ давнихъ поръ былъ предметомъ народной гордости Славянъ, и средствомъ домогательствъ ученой славы; что съ мыслью объ немъ соединялась и древняя слава предковъ и новѣйшіе успѣхи славянскаго образованія, съ знаменитыми именами его двигателей. Столько самыхъ крѣпкихъ узъ, приковывающихъ къ памятнику патріотическія чувства, не говоря о личныхъ интересахъ ученаго самолюбія, которые, какъ извѣстно, заставляютъ держаться одинъ разъ высказаннаго мнѣнія до послѣдней крайности, и которые въ настоящемъ случаѣ должны были дѣйствовать за одно съ патріотическими видами! И ужели ничего не значитъ свидѣтельство Копитара, безспорно, знатока своего времени, который не переставалъ твердить о патріотическомъ пристрастіи своего противника, хотя въ тоже время и самъ не совсѣмъ свободенъ отъ патріотическаго взгляда (см. Wien. Zeitung 1844 № 31). Но кто же впрочемъ и сомнѣвается въ патріотическомъ участіи г. Ганки къ зна-

менитому памятнику! Вопросъ въ томъ только, дѣйствительно ли мѣшаетъ это участіе ученому изслѣдованію памятника? Къ сожалѣнію, этого въ настоящемъ случаѣ отвергать уже не возможно. Вмѣшательство патріотическаго чувства остановило ученое изслѣдованіе вопроса: статья г. Куника неизбѣжно должна была принять личное полемическое направленіе, и если она, при всемъ томъ, принесла пользу самому ученому вопросу, то этимъ мы обязаны той ученой строгости сужденія и безпристрастія, какое г. Куникъ сохранилъ и въ этомъ жаркомъ объясненіи. Вотъ отвѣтъ его г. Ганкѣ.

«Если г. Ганка думаетъ, что этимъ объясненіемъ онъ ра«скрылъ для меня мою совѣсть, то онъ жестоко въ этомъ «ошибается, вмѣстѣ съ тѣми Русскими и Поляками, кото«рые такъ-же испытывали противъ меня эту тактику. Оста«вляю въ сторонѣ упрекъ въ слѣпомъ патріотизмѣ, сдѣ«ланный г. Ганкѣ Копитаромъ; но что до меня касается, «то я при сочиненіи моей критики могъ чувствовать себя «свободнымъ отъ всякаго національнаго пристрастія, пото«му-что съ нѣкоторыхъ поръ я считаю національный взглядъ «въ историческихъ изысканіяхъ нисшимъ, неумѣстнымъ въ «наукѣ. И почему г. Ганка знаетъ, что я именно сохра«нилъ въ себѣ всѣ слабости нѣмецкаго народнаго харак«тера, къ которымъ принадлежитъ, по неопровержимому «свидѣтельству тысячелѣтней исторіи, и національная не«терпимость? Моя критика едвали могла подать поводъ ду«мать, будто я хочу объявить нѣмецкій взглядъ въ сла«вянскихъ предметахъ непогрѣшительнымъ. Одинъ мой от«зывъ о бѣшеныхъ Нѣмцахъ и Мадьярахъ (deutsche und «magyarische Wütheriche), кажется, долженъ бы образумить «г. Ганку, если ужъ онъ не можетъ объяснить себѣ моей «наклонности къ славянскимъ занятіямъ».

«Быть можетъ, выраженное здѣсь и въ моей критикѣ «требованіе обще-человѣческаго взгляда, къ которому исто-

«рикъ неопустительно долженъ стремиться, г Ганка, вмѣ-
«стѣ съ другими Славянами, почитаетъ предлогомъ, кото-
«рымъ я прикрываю свой собственный образъ мыслей?
«Время покажетъ, способенъ ли я къ историческому іезу-
«итизму, или стремлюсь только къ истинѣ. На этотъ разъ
«я утѣшаю себя тѣмъ, что по крайней мѣрѣ *одинъ* русскій
«голосъ публично объявилъ себя противъ мнѣнія г Ганки
«о древности Реймскаго Евангелія достойнымъ науки обра-
«зомъ Не будетъ ли г. Ганка и въ *русскомъ* критикѣ подо-
«зрѣвать антиславянское или чисто-личное направленіе?»

Г. Куникъ разумѣетъ мою рецензію на изданіе г. Ганки, помѣщенную въ Ж. М. Н. Пр. (1846 № 10). Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы отмѣтить то просвѣщенное и безпристрастное участіе и покровительство успѣхамъ науки, какое оказало Русское Правительство своимъ усерднымъ содѣйствіемъ двумъ изданіямъ Реймскаго Евангелія. Извѣстно, что Министерство Народнаго Просвѣщенія исходатайствовало г. Ганкѣ отъ Государя Императора видимый знакъ высочайшаго благоволенія за его изданіе: но въ тоже время допущена въ журналѣ Министерства моя статья, направленная противъ мнѣнія издателя. Для меня это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что направленіе моей статьи признано достойнымъ науки и безпристрастнымъ. Съ своей стороны, не мечтая много о моемъ разборѣ памятника, могу однакожъ смѣло указать на употребленіе его въ настоящемъ случаѣ.

Но «прежде нежели я буду говорить объ отзывѣ г. «Билярскаго» — продолжаетъ г. Куникъ — «коснусь въ нѣ-
«сколькихъ словахъ другихъ рецензій, явившихся по пово-
«ду изданія г. Ганки. Сочинители ихъ не знали моей статьи:
«я вовсе не заботился о томъ, распространится ли она, или
«нѣтъ. Она должна была остаться свидѣтельствомъ того,
«что здѣсь, у насъ, такое странное понятіе объ истори-
«ческомъ развитіи церковно-славянскаго языка принято не

«безъ протеста. Что другіе безусловно воздадутъ хвалу г. «Ганкѣ, этого могъ я ожидать заранѣе, судя по малоизвѣ- «стности системы Востокова и Прейса. Къ числу этихъ «господъ принадлежитъ извѣстный славянистъ Jordan, по- «вторившій доводы г. Ганки въ Slawische Jahrbücher и въ «Gersdorfs Repertorium. Рецензентъ Отечественныхъ Запи- «сокъ, какъ кажется, г. М—въ, не показавшій въ себѣ зна- «нія древне-болгарской системы звуковъ, такъ-же подно- «ситъ г. Ганкѣ куреніе ѳміама. Въ Москвитянинѣ г. Срез- «невскій, изъ Харькова, воздалъ ему такъ-же не малую хва- «лу; но онъ заслуживаетъ одобренія за то, что желаетъ «отъ г. Ганки поболѣе примѣровъ *мнимыхъ* чехизмовъ XI «вѣка. Г. Maly (въ Zeitschrift des Bohm. Museum 1846, 5-tes «Heft) ограничился краткимъ извѣстіемъ о новомъ изданіи. «Равнымъ образомъ не имѣетъ особенной важности Библіо- «графическій Очеркъ (Bibliographische Skizze) Фенрпха (Fahn- «rich въ Oester. Blatter für Liter. und Kunst 1846 № 66): «такой очеркъ, конечно, не приведетъ г. Ганку въ боль- «шое затрудненіе. Но вскорѣ явилась въ томъ-же журна- «лѣ (1846, 2 Іюля, № 79) болѣе самостоятельная оцѣн- «ка ученаго подвига г. Ганки, — оцѣнка, достойная внима- «нія, не смотря на нѣкоторыя Копитаровскія странности. «Фенрпхъ подвергается здѣсь упреку за то, что не вошелъ «въ дальнѣйшую критику памятника и связаннаго съ нимъ «преданія; и критикъ, г. Легисъ-Гликзелихъ, подаетъ свой «голосъ, чтобы вызвать сужденія славянистовъ объ этомъ «памятникѣ славянскаго богослуженія, который окруженъ, «къ сожалѣнію, сомнительнымъ блескомъ. Молодый уче- «ный славянистъ г. Миклошичь, не смотря на такіе авто- «ритеты, какъ г. Ганка и др., замѣчаетъ г. Л.-Гликзелихъ, «не призналъ древности Реймскаго кирилловскаго отрывка «de facto, потому-что не взялъ изъ него ни одного слова «для своего славянскаго корнеслова, тогда какъ сравнива- «етъ въ немъ слова изъ многихъ, безспорно, позднѣйшихъ «рукописей. Нельзя отвергать того, продолжаетъ г. Л.-Г. — «что изданіе Ганка представляетъ многіе недостатки. Сюда

«принадлежатъ: 1) *неполнота введенія.* Здѣсь издатель слиш-«комъ много занимается исторіей и библіографіей, но слиш-«комъ мало филологіей. Отъ издателя, конечно надобно «было ожидать самыхъ неоспоримыхъ доказательствъ, что «языкъ и почеркъ рукописи кирилловскаго отрывка при-«надлежитъ XI, а не другому вѣку. Какого-нибудь десятка «приведенныхъ имъ примѣровъ грамматическихъ формъ и «словосочиненія, по видимому, древнѣе остромировскихъ, «для этого недовольно. Не довольно ясно такъ-же предста-«вленъ (продолжаетъ Л.-Гликзелихъ) генетическій харак-«теръ рукописи: объ этомъ авторъ дѣлаетъ заключеніе изъ «правописанія, не доказывая однакожъ въ-подробности, что «рукопись принадлежитъ къ Паннонской фамиліи 2) *Недо-«статокъ словаря* Издатель хотѣлъ вознаградить его отдѣльно «изданною карманною грамматикой — сочиненіемъ, которое «стоитъ въ уровень съ новѣйшими изслѣдованіями (?!). 3) *Не-«вѣрность переложенія кирилловскаго текста на латинскія буквы* «Оно отзывается поновленіемъ, даже руссификаціей текста.— «Хотя преданію о собственноручномъ произведеніи Рейм-«ской рукописи Прокопіемъ г. Л.-Гликзелихъ приписываетъ «второстепенную важность, однако, по мнѣнію его, она, «конечно, принадлежитъ къ XII вѣку. Что касается мнѣ-«ній его о Карантанскомъ происхожденіи церковно-славян-«скаго языка — объ этой фантазіи Копитара, и о преиму-«ществѣ палеографическихъ признаковъ предъ филологи-«ческими при оцѣнкѣ древности памятника, то я не буду— «продолжаетъ г. Куникъ — объ этомъ распространяться. «Но всякій безпристрастный согласится, что эта оцѣнка «изданія г. Ганки во многихъ существенныхъ пунктахъ со-«гласна съ моею критикой. Не захочетъ ли г. Ганка тѣмъ-«же оружіемъ, какое употребилъ противъ меня, прогнать «и этого славянофила, гонителя «Швабахизма»?»

«Чего требовалъ я и г. Л.-Гликзелихъ для вѣрнѣйшей «оцѣнки Р. Е ,» продолжаетъ г. К., «именно, подробнаго раз-«бора его филологическаго характера, то предпринялъ ис-

«полнить, на 17-ти страницахъ своей критики, русскій «ученый, который поставилъ главною задачею своихъ за«нятій именно исторію церковно-славянскаго языка». Опуская продолженіе отзыва г. Куника, привожу только выписку, сдѣланную имъ изъ моей статьи, для того чтобы доказать читателямъ, что я могу повторить свой отзывъ, не краснѣя за легкомысліе или недобросовѣстность Такъ какъ моя статья была послѣднею въ ряду изслѣдованій о Реймскомъ Евангеліи, то выписка изъ нея покажетъ, на чемъ остановились изслѣдованія *).

«Изъ этого обозрѣнія видно», сказалъ я въ заключеніе разбора, «что особенности правописанія въ Реймскомъ «Евангеліи довольно многочисленны и разнообразны. Объ«яснятся ли всѣ онѣ древнимъ болгарскимъ и древнимъ «паннонскимъ выговоромъ, безъ посредства какого-нибудь «третьяго правописанія и выговора и вмѣстѣ безъ значи«тельнаго разстоянія времени между первымъ Болгарскимъ «оригиналомъ и послѣднимъ спискомъ его въ Реймскомъ «Евангеліи? Читатель могъ уже замѣтить, что мы почита«емъ это сомнительнымъ: прибавимъ однакожъ, что, по«зволяя себѣ нѣсколько рѣшительный образъ выраженія, «мы вовсе не думаемъ считать вопросъ о древности па«мятника оконченнымъ. Мы предложили свои замѣчанія съ «тѣмъ только, чтобы предупредить на будущее время по«явленіе мнѣній, основанныхъ на отдѣльныхъ частностяхъ, «и чтобы при оцѣнкѣ памятника сдѣлать неизбѣжнымъ объ«ясненіе общаго хода разнообразнаго хода церковной пись«менности. Результаты изслѣдованій о Реймскомъ Евангеліи не должны ограничиваться однимъ этимъ памятни«комъ: они могутъ пролить свѣтъ на значительную часть «всей церковной литературы. Такимъ образомъ, какова бы «ни была древность памятника, значительность его очевид-

*) Остаюсь при этой мысли и теперь, хотя явилось еще изслѣдованіе о Р. Е.

«на, и неправное изданіе во всякомъ случаѣ есть пріобрѣ-«теніе славянской ученой литературы.»

«Вмѣстѣ съ Реймскимъ Евангеліемъ г. Ганка издалъ «грамматическій опытъ подъ заглавіемъ: *Начала священнаго «языка Словянъ* По отношенію къ изданному памятнику, эта «книжка ничего не доказываетъ и потому весьма основа-«тельно издана отдѣльно, какъ элементарное руководство «къ грамматическому изученію церковной литературы. Но «между тѣмъ замѣтно, что составленіе этого руководства «не было для автора такою задачей, выполненіе которой «онъ предпринялъ бы для нея самой: намъ кажется, что «г. Ганка хотѣлъ сообщить что-нибудь полезное, сколько «это позволялъ ему настоящій случай, не думая сообщить «столько, сколько требуетъ и въ чемъ именно нуждается «славянская филологія въ нынѣшнемъ состояніи. Поэтому «требованія строгой критики, можетъ быть, здѣсь были «бы неумѣстны, какъ-бы ни были справедливы сами по себѣ. «Но нельзя не пожалѣть, что авторъ не предпринялъ, вмѣ-«сто этого опыта, труда, болѣе соотвѣтствовавшаго цѣли «настоящаго изданія, именно: подробнаго грамматическаго «анализа изданнаго памятника; это было бы несравненно «полезнѣе, чѣмъ сочиненіе, которое, если, можетъ быть, «не бесполезно, то и не таково, чтобы безъ него не могла «обойдтись ученая литература.»

Привожу этотъ отзывъ для того, чтобы читатель, сравнивъ его съ вышеизложенными моими сужденіями о грамматикѣ г. Ганки, могъ видѣть, былъ ли я расположенъ въ своей рецензіи къ строгому осужденію.

«Послѣ этого», продолжаетъ г. Куникъ, «г. Ганка, ко-«тораго заслугъ въ другихъ областяхъ науки, я такъ-же, «какъ и г. Л.-Гликзелихъ, никакъ не хочу унижать, можетъ «поступить, какъ ему угодно: можетъ остаться при своемъ «молчаніи, или отвѣчать подробнымъ грамматическимъ ана-«лизомъ, начиная съ чистаго древне-церковнаго или древне-«болгарскаго: это всего лучше покажетъ, что я не безъ

«основанія оспаривалъ мнимую древность Реймскаго Евангелія. До сихъ поръ мнѣ еще нѣтъ причины сожалѣть, что я возсталъ противъ г. Ганки. Еслибы его грамматическій трудъ мнѣ извѣстенъ былъ раньше, то я убѣдился бы еще болѣе, что результатами Востокова и Прейса, достигнутыми съ большими усиліями, можно пренебрегать; но этимъ нельзя надѣяться ихъ опровергнуть. Подробнѣе высказать свое мнѣніе объ этомъ грамматическомъ опытѣ я почитаю неумѣстнымъ, хотя при этомъ невольно приходитъ на умъ вопросъ, не принесетъ ли этотъ опытъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, при томъ полузнаніи истинной исторіи развитія церковно-славянскаго языка, какое распространено между западными и южными Славянами и между учеными въ Германіи. Способъ, какъ объясняетъ г. Ганка церковно-славянскіе звуки и какъ передаетъ ихъ въ своемъ изданіи латинскими буквами, по крайней мѣрѣ страненъ, какъ скажетъ всякій, кто знаетъ мелкія сочиненія о древне-болгарской системѣ звуковъ Востокова и Прейса, и кто имѣетъ понятіе о нынѣшнемъ, хотя и искаженномъ выговорѣ Болгаръ».

«Это въ опроверженіе вышеозначеннаго подозрѣнія. Кто въ-послѣдствіи будетъ говорить о Реймскомъ Евангеліи и о явившихся на-счетъ его древности мнѣніяхъ, можетъ составить теперь ясное понятіе о моей оппозиціи. Но чтобы доказать г. Ганкѣ, что я готовъ отдавать справедливость моимъ противникамъ, хотя-бы это представляло для меня нѣкоторую опасность, сообщаю, въ заключеніе, сужденіе одного ученаго, которое хотя и не защищаетъ прямо древности Реймскаго Евангелія, однако можетъ оживить въ г. Ганкѣ надежду, что Реймское Евангеліе получитъ, можетъ быть, гораздо болѣе ученаго интереса, чѣмъ до сихъ поръ въ немъ видѣли. Это сужденіе составлено по моей просьбѣ г. Эдуардомъ фонъ-Муральтомъ, издателемъ греческаго текста Новаго Завѣта по Ватиканскому списку. Особенно важно для славянистовъ то, что въ немъ является первый опытъ изысканія о томъ, въ какомъ ви-

«дѣ были рукописи, съ которыхъ переводили въ IX вѣкѣ «славянскіе апостолы съ своими болгарскими и моравскими «учениками»

««Реймскія перикопы, какъ въ своихъ чтеніяхъ, такъ и ««въ порядкѣ не вездѣ согласны съ Остромировымъ Евангеліемъ Въ Реймскомъ отрывкѣ нѣкоторыя евангелія встрѣчаются даже вдвойнѣ, тогда какъ въ Остромировомъ Евангеліи онѣ написаны по-однажды, а именно: Луки II. отъ 1 ««до 21 стиха составляетъ 7 и 11 чтенія въ Реймскомъ ««Евангеліи, отъ 22 до 38 стиха — 7-е и 22-е чтенія. Въ ««первомъ изъ этихъ чтеній, въ ст. 33., есть варіантъ, ««въ которомъ Р. Е. согласно съ Ватиканскимъ спискомъ, ««и котораго не встрѣчается болѣе ни въ греческихъ рукописяхъ, ни въ переводахъ, съ IV вѣка. Слѣдовательно отрывокъ этотъ долженъ быть переведенъ съ рукописи древнѣйшихъ временъ, и переписанъ въ такой римско-католической странѣ, въ которой богослуженіе отправлялось уже не на славянскомъ языкѣ, а на латинскомъ, ««и уже нѣсколько поколѣній, именно какъ въ Богеміи съ X ««вѣка. Такъ какъ славянскій языкъ употреблялся здѣсь ««въ богослуженіи только въ праздники національныхъ святыхъ изъ снисхожденія къ народу, то онъ могъ здѣсь ««устарѣть и сдѣлаться непонятнымъ въ своихъ грамматическихъ формахъ (но, конечно, не по содержанію, которое могло быть угадано и по народному нарѣчію), ««даже для духовныхъ, каковъ св. Прокопій, гораздо раньше, нежели явилась таже порча правописанія у Славянъ ««греческаго исповѣданія. Этимъ объясняется и непостоянство правописанія въ Реймскомъ Евангеліи, такъ-что ««нѣтъ надобности низводить рукопись до XIV вѣка, въ которомъ этихъ палеографическихъ признаковъ вовсе нельзя указать (??). Въ другихъ мѣстахъ, напр. Матѳ. II, 13, ««Реймское Евангеліе, подобно Остромирову, такъ-же сходно не съ Византійцами, а съ древнѣйшимъ документомъ ««Новаго Завѣта—Ватиканскою рукописью, которую въ недавно явившемся изданіи (Гамбургъ 1846) всякій самъ мо-

«жетъ сравнить, почему мы и отсылаемъ читателя къ этому «изданію въ разсужденіи остальныхъ мѣстъ Реймскаго Евангелія». До сихъ поръ г. Муральтъ. За тѣмъ г. Кушикъ продолжаетъ.

«За эти свѣдѣнія и указанія славянисты будутъ благодарны издателю подлиннѣйшаго (authentischeren) текста Новаго Завѣта и тогда, когда особенности правописанія Р. Е. объяснятся иначе. Славянскій переводъ евангелія и богослужебныхъ книгъ, какъ извѣстно, относится именно къ тому времени, когда произошло раздѣленіе вселенской церкви на восточную и западную. Собственно *отпаденіе Рима*, говоря обыкновеннымъ выраженіемъ древне-церковныхъ славянскихъ книгъ, *отъ Православной Церкви* послѣдовало тогда, когда славянскіе апостолы отправились отъ Болгарскихъ Славянъ въ область Велико-Моравскихъ князей. Здѣсь только, гдѣ они нашли уже христіанъ, обращенныхъ миссіонерами изъ Каринтіи и Баваріи, пошелъ съ успѣхомъ (ging recht von Statten) переводъ библіи, которой отдѣльныя книги, кажется, были уже переведены не на одно болгарское нарѣчіе (in mehr als eine bolgarische Mundart), и первые славянисты нашего времени въ Россіи и внѣ ея давно уже указывали, что въ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ книгахъ есть элементы римскіе, какъ напр. восточно-и южнославянскія названія: *алтарь, крестить, церковь*, перешедшія къ Славянамъ изъ Баваріи и Каринтіи. Если теперь можно будетъ указать посредствомъ Реймскаго Евангелія слѣды вторженія того или другаго римскаго элемента, то мы получимъ новое подтвержденіе того всемірно-исторически важнаго положенія, въ какое стали другъ къ другу обѣ вселенскія церкви уже въ IX и X вѣкахъ, — положенія, изъ котораго исторія умственнаго образованія Славянъ еще не достаточно была объясняема.»

Мы съ своей стороны, чтобы оказать справедливость г. Муральту, находимъ нужнымъ отличить въ его взглядѣ двѣ стороны, которыя имѣютъ, по нашему мнѣнію, не оди-

наковое достоинство, какъ слегка замѣтилъ и г. Куникъ. Въ одной изъ нихъ г. Муральтъ сообщаетъ результатъ положительныхъ изслѣдованій, которыя составляютъ предметъ его постоянныхъ занятій. Поэтому мы нисколько не удивились бы, еслибы подъ защитою этихъ изслѣдованій и другая сторона его взгляда пріобрѣла уваженіе и довѣріе, особенно у филологовъ тогоже разряда. Смѣлость, съ какою высказываетъ г. Муральтъ свои сужденія о церковно-славянскомъ языкѣ, легко могла бы быть принята за ручательство въ положительности его убѣжденій, тѣмъ болѣе, что г. Муральтъ, въ своемъ сравненіи славянскихъ текстовъ Новаго Завѣта съ греческимидѣйствительно представилъ опытъ изученія языка церковно-славянскаго. Сообщивъ эту сторону его взгляда, вмѣстѣ съ другою, съ которою она тѣсно связана въ изложеніи, мы ставимъ себѣ въ обязанность присовокупить критическія замѣчанія, чтобы не содѣйствовать этимъ изложеніемъ распространенію взгляда, котораго мы не одобряемъ. Г. Муральтъ замѣчаетъ въ правописаніи Р—го Ев—я большое непостоянство (grosse Inconsequenz) и порчу (Verderbniss), и потому не рѣшается принять послѣсловія, не объяснивъ возможности такого правописанія въ XI вѣкѣ въ Богеміи. Мы видѣли, какъ онъ это исполнилъ. По его мнѣнію, порча правописанія такъ рано могла явиться только въ Римско-католическихъ странахъ, отъ введенія латинскаго богослуженія вмѣсто славянскаго, и только въ Богеміи могла дойдти въ XI вѣка до той степени, въ какой видимъ ее въ Р. Е. Но мы знаемъ, напротивъ, довольно положительно, что нарушеніе органической формы церковно-славянскаго правописанія началось прежде, чѣмъ славянскій языкъ замѣненъ былъ въ католическихъ странахъ латинскимъ, и въ свойствахъ самыхъ нарушеній видимъ, что онѣ происхо-

дили не отъ господства латинскаго языка, а отъ разности нарѣчія писцовъ отъ церковно-славянскаго. Итакъ, чтобы судить о возможной степени поврежденія церковнаго правописанія въ XI вѣкѣ въ Богеміи, надобно бы было разсмотрѣть, сколько и чѣмъ разшлось чешское нарѣчіе отъ церковнаго, но оставить въ покоѣ угнѣтающее вліяніе латинскаго богослуженія: оно тутъ нисколько не виновато, какъ можно судить по судьбамъ церковнаго правописанія у православныхъ Сербовъ и Русскихъ, гдѣ оно подвергалось преобразованіямъ не менѣе, чѣмъ въ любой католической странѣ. Что Славяне, отправлявшіе богослуженіе по-латыни, съ теченіемъ времени болѣе и болѣе отвыкали отъ церковно-славянскихъ формъ, это естественно и понятно; но отъ этого въ ихъ кирилловскихъ рукописяхъ тѣмъ рѣшительнѣе только долженъ бы былъ обнаруживаться ихъ народный выговоръ, если только они копировали ихъ не механически, а понимая смыслъ текста при помощи своего нарѣчія, какъ допускаетъ и г. Муральтъ. Но разсуждая о степени этого вліянія латинскаго богослуженія въ XI вѣкѣ въ Богеміи, не надобно бы было забывать собранныхъ г. Ганкою преданій о процвѣтавшей въ то время славянской школѣ въ Вышеградѣ и о литературномъ образованіи Прокопія по кирилловскимъ книгамъ, какое получилъ онъ въ этой школѣ. Нельзя, конечно, ожидать, чтобы тогдашнее изученіе церковно-славянской литературы предупредило нарушенія правильнаго правописанія вліяніемъ природнаго нарѣчія писцовъ, и потому искать ихъ въ Р. Е. было бы естественно; но искаженія текста въ томъ смыслѣ, какой даетъ имъ г. Муральтъ, оказываются несовмѣстными съ означенными преданіями. Судя по собственнымъ его выраженіямъ, г. М. видитъ въ уклоненіяхъ писцовъ отъ правильнаго правопи-

*

санія только порчу, непостоянство, одпѣ ошпбки, случайныя и разнообразныя, безъ всякой нормы, какою могъ быть напр. народный выговоръ; точно такъ онъ смотритъ и на правописаніе Р. Е., и, приписывая рукопись Прокопію Чешскому, не думаетъ искать въ ней чехизмовъ. Такого правописанія нельзя приписывать ни Прокопію Чешскому, ни доказать въ Р. Е., въ которомъ славянисты, при всемъ разногласіи между собою, видѣли однако или русизмы, или чехизмы, то есть вліяніе того или другаго нарѣчія, а не отсутствіе нормы. Впрочемъ, такъ какъ у нѣкоторыхъ славянистовъ есть и нѣчто похожее на взглядъ г. Мураліта, то мы, объявляя этотъ взглядъ поверхностнымъ и ложнымъ, не считаемъ себя въ-правѣ строго требовать отвѣтственности за него отъ г. Мураліта. Одна только мысль остается вполнѣ на его отвѣтственности: онъ увѣряетъ, какъ мы видѣли, «что въ XIV вѣкѣ вовсе нельзя указать такого правописанія, какъ въ Р. Е.,» — совершенно вопреки славянистамъ, изъ которыхъ даже и тѣ подозрѣвали въ Р. Е. слѣды позднѣйшаго правописанія и выговора, которые всего менѣе расположены были наводить сомнѣніе на его древность. Не говоримъ о многихъ другихъ, которые относили Р. Е. именно къ XIV вѣку. Мы желали бы знать, по какимъ даннымъ, то есть по какимъ церковно-славянскимъ памятникамъ, или изслѣдованіямъ ихъ, судитъ г. Муральтъ о правописаніи XIV вѣка?

Что касается другой стороны взгляда г. Мураліта — о греческомъ оригиналѣ, наиболѣе сходномъ съ Остромировскимъ и Реймскимъ текстами, то открытіе это важно само по себѣ, и въ настоящее время тѣмъ болѣе драгоцѣнно для славянистовъ, что ученыя пособія этого рода необыкновенно скудны въ литературѣ. Сколько намъ из-

вѣстно, это первый опытъ обширнаго сравненія славянскаго перевода съ греческими текстами. Онъ открываетъ обширное поле изслѣдованіямъ славянистовъ, и настоящимъ результатомъ своимъ подстрекаетъ любопытство. Но въ-разсужденіи древности Реймскаго списка результатъ этотъ ничего не рѣшаетъ, и своимъ появленіемъ въ ряду изслѣдованій объ этомъ вопросѣ имъ не обязанъ: потому-что въ нихъ ничто не вызывало этого рода изслѣдованія, ничто не предвѣщало этого открытія, которое потому, вѣроятно, и прошло незамѣченнымъ. Даже въ цѣломъ объемѣ современнаго движенія славянской филологіи изслѣдованіе г. Мультa стоитъ одиноко, безъ связи съ предъидущими литературными явленіями, безъ участія современниковъ, безъ плодовъ въ настоящемъ и скромно ожидаетъ справедливой оцѣнки въ будущемъ (*).

§ 31.

Въ изслѣдованіяхъ г. Мультa исторія Реймскаго Евангелія пріобрѣла новую стихію: стало быть, она, по прежнему, eundo crescit, захватывая въ свою область болѣе

(*) Г. Мультъ ссылается однако, въ своемъ изданіи Новаго Завѣта по Ватиканскому списку, на вызовъ г. Іордана въ Slaw. Jahrb. (1846 № 31), и остается въ увѣренности, что своимъ сравненіемъ Остромирова и Реймскаго текстовъ съ греческими онъ исполнилъ желаніе славянистовъ. Дѣйствительно, желаніе это высказано въ означенномъ журналѣ, по поводу Остромирова Евангелія и встрѣчающихся въ немъ особенныхъ чтеній текста но указана ли въ этомъ желаніи истинная потребность славянской филологіи въ сравненіи славянскихъ текстовъ съ греческими? Это мы разсмотримъ въ другомъ мѣстѣ; а теперь, не смотря на этотъ вызовъ, принимаемъ смѣлость остаться при томъ мнѣніи объ отношеніи труда Мультa къ изслѣдованіямъ славянистовъ, какое высказали выше.

и болѣе историко-филологическихъ вопросовъ, но не достигая ихъ рѣшенія. Гдѣ же конецъ этому приращенію? Когда настанетъ время рѣшать заданные вопросы? Отвѣтъ на это въ будущемъ; но такъ какъ эта исторія, хотя и не оконченная, теперь остановилась: то мы можемъ и должны обозрѣть результаты ея движенія. Что же? Должны ли мы заключить наше обозрѣніе повтореніемъ того, что сказали въ началѣ (§ 2)? Такъ ли въ самомъ дѣлѣ бесплодна и безотрадна вся эта исторія? ... Здѣсь особенно призываемъ мы самостоятельный и строгій судъ читателя,— и если онъ, припомнивъ нашъ вступительный взглядъ, останется неудовлетвореннымъ, если его чувство найдетъ въ самой исторіи болѣе содержанія, чѣмъ въ нашемъ взглядѣ: мы искренно порадуемся этому впечатлѣнію: оно будетъ служить намъ доказательствомъ, что мы не напрасно трудились надъ разборомъ въ частностяхъ и оцѣнкою во внутреннемъ значеніи явленій этой исторіи, которыя, будучи взяты порознь, такъ мало обѣщаютъ лестнаго изыскателю. Въ такомъ именно разрозненномъ состояніи были намъ извѣстны эти явленія, прежде нежели мы взялись за *историческое* ихъ обозрѣніе; мы ознакомились съ ними по поводу вопроса о древности Реймскаго списка, и отношеніемъ ихъ къ этому, спеціально-ученому вопросу измѣряли ихъ значеніе: такова наша оцѣнка этой исторіи во взглядѣ, изложенномъ во вступленіи. И теперь мы остаемся въ убѣжденіи, что взглядъ этотъ, во-первыхъ, непзбѣженъ для всякаго, кто взялся бы за это обозрѣніе; что, во-вторыхъ, онъ не побочный или второстепенный, но направленъ на существенную сторону содержанія всей исторіи, и что, наконецъ, онъ не несправедливъ; потому-что послѣ всего, что нашли мы въ доселѣ сдѣланныхъ изысканіяхъ, мы почитаемъ себя въ-

правѣ причислить вопросъ о древности памятника къ нерѣшеннымъ. Мнѣніе, объявлявшее претензіи на окончательное рѣшеніе вопроса, оказалось неудовлетворительнымъ какъ по собственному нашему убѣжденію, котораго основанія мы представили уже въ вышеупомянаемой рецензіи (въ Ж. М. Н. Пр.), такъ и по суду другихъ критиковъ, которые, чѣмъ болѣе обнаруживали самостоятельности въ сужденіяхъ, тѣмъ менѣе оказывались готовыми принять разсматриваемое мнѣніе. Самые преданные почитатели автора этого мнѣнія стараются избѣгать за него отвѣтственности. Противоположная сторона сильна своею отрицательною критикой; она основательно указала какъ тѣ стороны и отношенія памятника, которыхъ важность и значеніе преувеличены вышеупомянутымъ мнѣніемъ, такъ и тѣ, которыя оставлены имъ безъ надлежащаго вниманія; она мѣтко указала самый способъ изслѣдованія для рѣшенія вопроса и высказала свое мнѣніе о древности памятника, къ которому, какъ она не безъ основанія надѣется, должно привести изслѣдованіе по указанной ею методѣ. Этихъ, *положительныхъ* указаній для *отрицательной* стороны достаточно для того, чтобы пріобрѣсть довѣріе къ своимъ отрицаніямъ и считать за собою дѣйствительную услугу ученому вопросу; но все-же это только указанія, не больше: для исполненія указаннаго и обѣщаннаго требуется новый и самостоятельный трудъ. Итакъ вопросъ не рѣшенъ, и первоначальный взглядъ нашъ остается во всей своей силѣ; только онъ не рѣшаетъ окончательно значенія этой исторіи. Значеніе это не ограничивается отношеніемъ отдѣльныхъ явленій къ спеціальноученому вопросу, которымъ онѣ были вызваны: въ движеніи ихъ мы видѣли дѣйствіе общаго духа славянскаго образованія. Въ нѣкоторыхъ явленіяхъ оно обнаруживается

сь перваго взгляда, и мы не пропустили этой стороны изслѣдованій о Реймскомъ Евангеліи уже и въ вышеупомянутой нашей рецензіи. Но нѣкоторые отдѣльные признаки этого высшаго историческаго интереса не могли еще служить намъ порукою въ томъ, что интересъ этотъ поддержится во всѣхъ явленіяхъ и ихъ движеніи, и вознаградитъ недостатокъ спеціально-ученаго результата. Поэтому, предпринимая настоящее обозрѣніе, мы рѣшились на это не безъ опасенія — потерять время и трудъ на предметъ неблагодарный; мы готовы были назвать предстоявшій намъ трудъ самопожертвованіемъ, разсуждая, что для науки и отрицательный результатъ, лишь-бы онъ былъ твердъ и вѣренъ, бываетъ иногда драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ, и что для нея будетъ, можетъ быть, не безполезно, и во всякомъ случаѣ нужно-же когда-нибудь подвергнуть критическому пересмотру столь продолжительныя и жаркія объясненія. Не ограничиваются результаты нашего обозрѣнія подобною заслугой? Дѣйствительно ли есть въ этой массѣ литературныхъ явленій, не достигшихъ рѣшенія безпрестанно возобновлявшагося вопроса, какое-нибудь дѣйствіе мысли, кромѣ самаго вопроса, какъ мы старались показать это? Есть ли въ этомъ дѣйствіи мысли движеніе ея впередъ, какой-нибудь успѣхъ умственнаго развитія? Вотъ вопросы, рѣшеніе которыхъ, кромѣ спеціально-ученой стороны, составляетъ содержаніе настоящаго труда, хотя вопросы эти не столько предшествовали нашему труду, сколько пріобрѣтены самымъ продолженіемъ его. Рѣшеніе этихъ вопросовъ въ короткихъ словахъ можно извлечь изъ всего предъидущаго изложенія въ слѣдующемъ видѣ.

1 Вниманіе и участіе къ памятнику было внушено и поддержано любовію къ народному, *родному*. Религіозное

значеніе памятника и славная судьба его уже съ самаго начала могли питать и самознаніе духа и народную гордость. Стало быть, это патріотическое участіе, само по себѣ, было не только естественно, но и небыло легкомысленно, потому-что не лишено духовнаго содержанія. Въ-отношеніи къ наукѣ, это участіе къ древности есть такъ-же заслуга патріотическаго чувства: безъ этого побужденія Реймское Евангеліе, вѣрно, не скоро бы дождалось вниманія, подобно многимъ другимъ, мало-извѣстнымъ или вовсе неизвѣстнымъ, церковно-славянскимъ памятникамъ, которые доселѣ лежатъ подъ спудомъ въ разныхъ библіотекахъ.

2. Это *родное* сначало было понято въ самомъ обширномъ смыслѣ, подъ именемъ *Славянскаго* Вскорѣ однакожъ это *обще-славянское* участіе къ памятнику получило разные оттѣнки. Весьма естественно: потому-что въ наличности нѣтъ *славянской народности*, а есть *славянскіе народы и народности*, и интересы ихъ не одинаковы. Самое образованіе особенныхъ направленій во взглядѣ на памятникъ есть признакъ того, что отвлеченность *обще-славянскаго* интереса не удовлетворяла отдѣльныхъ частей славянскаго міра. По мѣрѣ развитія особенныхъ *частно-славянскихъ* направленій усиливался и раздоръ между ними за памятникъ; то есть, по мѣрѣ сказаннаго развитія возрасталъ интересъ памятника въ глазахъ Славянъ. Слѣд. *патріотическое* участіе, ставъ двигателемъ ученыхъ изслѣдованій и увеличивая интересъ ихъ, въ тоже время ведетъ изслѣдованія къ раздору между славянскими народностями. Гдѣ *средства къ примиренію* этого раздора? Въ свойствѣ самаго патріотическаго чувства мы ихъ не видимъ: напротивъ, само по себѣ, оно, кажется, исключаетъ даже возможность примиренія, какъ

можно судить по ходу изысканій о нашемъ памятникѣ и какъ увидимъ ниже.

3. Какимъ образомъ явились народные интересы въ сухомъ палеографическомъ изысканіи, и какое дѣйствіе оказали они на его успѣхи? — Такъ какъ памятникомъ было заинтересовано народное чувство, то отъ изыскателей, для пріобрѣтенія вниманія и сочувствія къ своему голосу, требовалось прежде всего вниманіе къ требованіямъ этого чувства и полнота сочувствія къ нему. Это было основаніемъ, и притомъ самымъ надежнымъ основаніемъ авторитета. Ученой основательности могло и не быть при этомъ — безъ вреда для авторитета. Строго-ученое изслѣдованіе, но чуждое патріотическихъ вилъ, не нашло бы себѣ участія, а, можетъ быть, и вниманія: такова, дѣйствительно, была участь отзыва г. Востокова. Изыскатели, пріобрѣтшіе наибольшую извѣстность, поступали иначе: мы видѣли, что они не только не пренебрегали общественнымъ мнѣніемъ, но иногда сознательно расчитывали средства для пріобрѣтенія его сочувствія Во всякомъ случаѣ, сознательно или безсознательно, они старались исчерпывать патріотическую сторону памятника, ставили ее на первомъ планѣ, модифицируя идеи, съ нею соприкосновенныя, сообразно съ духомъ той или другой славянской народности. Главнаго же труда — палеографическаго и филологическаго разбора памятника — они едва касались. Нѣтъ нужды, что вопросъ о древности памятника рѣшался при этомъ легкомысленно, оставаясь въ сущности нерѣшеннымъ: изыскатели-патріоты, встрѣчая обильную дань сочувствія, оставались вполнѣ довольны своимъ дѣломъ. Съ другой стороны, массы читателей, поощряемыя въ своемъ патріотическомъ настроеніи изыскателями, не находили поводовъ къ другимъ требова-

ніямъ, кромѣ тѣхъ, къ которымъ были расположены, и, естественно, искали въ томъ или въ другомъ взглядѣ удовлетворенія своему чувству, руководясь при выборѣ ихъ своими любимыми идеями. Легко понять, какое можетъ оказать вліяніе этого рода критика на успѣхи ученаго изысканія, если оно будетъ допущено. Такимъ образомъ, взаимными отношеніями между изыскателями и массами славянской публики, между разными взглядами на памятникъ и славянскими народностями и взаимнымъ дѣйствіемъ ихъ другъ на друга удовлетворительно объясняется, какимъ образомъ ходъ изысканій, столь неправильный и безплодный, могъ пользоваться постояннымъ сочувствіемъ, и какъ, наоборотъ, столь продолжительныя изысканія, поддерживаемыя общимъ вниманіемъ, могли быть такъ безплодны для ученаго вопроса. Патріотическое чувство, можетъ, стало быть, задать ученый вопросъ, вызвавъ къ нему участіе; но оно не приведетъ его къ желаемому концу, а развѣ испортитъ ходъ дѣла, если онъ подчиненъ будетъ его руководству. Опытъ, думаемъ, не безполезный для рѣшенія вопроса о *національности въ наукѣ*.

4. Увлеченіе патріотическою стороною дѣйствовало во вредъ успѣхамъ ученаго вопроса: оно отвлекало изыскателей отъ главнаго предмета и наполняло изысканія посторонними идеями; но само по себѣ это движеніе патріотическихъ интересовъ не безъ значенія. Оно вызвало наружу народныя идеи, заставило привести ихъ въ ясность и выразить въ отчетливыхъ выраженіяхъ, почти въ формулахъ. По отношенію къ народной жизни Славянъ это заслуга патріотическаго чувства. Ихъ умственные интересы чрезъ это оживились, сознаніе ихъ стало тверже. Воспоминаніе о временахъ Прокопія у Чеховъ, конечно,

стало живѣе при видѣ подлиннаго остатка тѣхъ временъ, какимъ почиталось Р. Ев.. Русскій взглядъ достигъ въ этой исторіи опредѣленности формулы и въ предметѣ изысканія находилъ себѣ новое подтвержденіе (см. стр. 57). Этими двумя взглядами вызвана была и система Коппитара, которая поэтому нашла здѣсь новый случай представиться общему вниманію. И наука здѣсь можетъ быть благодарна патріотическому чувству за то, что оно своимъ участіемъ по крайней мѣрѣ возобновило и поддержало интересъ этихъ историческихъ вопросовъ, если не вызвало новыхъ. Но тѣмъ и ограничивается заслуга патріотическаго чувства: дальнѣйшее участіе его въ ученомъ развитіи духовныхъ стихій народной жизни, можетъ быть только вредно. Не надобно забывать, что означенные взгляды, касаясь самаго важнаго пункта славянской исторіи, между собою несогласны. Первые два прямо противоположны третьему; между собою же они сходятся въ нѣкоторыхъ главныхъ пунктахъ, и потому могутъ похвалиться согласіемъ; но при дальнѣйшемъ развитіи ихъ нельзя ручаться, чтобы не встрѣтилось какого-нибудь повода къ разногласію Надобно было рѣшить это противорѣчіе, установивъ истинный взглядъ на исторію христіанства и литературнаго образованія Славянъ: что же сдѣлали патріотическія направленія для этого рѣшенія? Мы видѣли, что изыскатели оказывали довольно энергіи и ловкости въ соображеніяхъ для развитія и распространенія *своего* взгляда; но своимъ соперникамъ они противопоставляли большею частію только самоувѣренность, настойчивость на своемъ, рѣзкія полемическія выходки, отзывающіяся нетерпимостью, или равнодушное молчаніе, похожее на презрѣніе. О великодушномъ и нестѣсненномъ вниманіи ихъ другъ къ другу и безпристрастной оцѣнкѣ говорить не-

чего: чувство — эгоистъ и фанатикъ, и движимые имъ высшіе взгляды могли только стать другъ подлѣ друга въ непримиримо-враждебныхъ отношеніяхъ.

5. Такъ и остались они въ этомъ противорѣчіи, не сдѣлавъ ни шагу къ примиренію посредствомъ безпристрастнаго объясненія дѣла. Какой исходъ могло бы имѣть это противорѣчіе подъ вліяніемъ патріотическаго участія, показываетъ дальнѣйшая судьба спеціальныхъ изслѣдованій о самомъ памятникѣ подъ тѣмъ-же вліяніемъ. Мы разумѣемъ *послѣднюю* встрѣчу мнѣній, самый критическій моментъ въ ходѣ изысканій о Р. Е. Мы видѣли, что возраженіе г. Куника подало поводъ подозрѣвать въ немъ нѣмецкое предубѣжденіе и недоброжелательство къ Славянамъ: подозрѣніе этого *чувства* позади ученыхъ мнѣній, вмѣсто разбора самихъ мнѣній, показываетъ, что возраженіе принято было такъ-же *чувствомъ*. Но чувство не терпитъ противорѣчія и, оскорбляясь имъ, ищетъ не примиренія противорѣчій, а угнѣтенія одного изъ нихъ, въ удовлетвореніе за свое оскорбленіе. Такъ и обнаружилось себя патріотическое чувство въ настоящемъ случаѣ: мы видѣли, что ученый споръ готовъ былъ превратиться въ борьбу не-литературную. Нечего прибавлять къ этому *о судьбѣ ученыхъ изслѣдованій подъ вліяніемъ патріотизма*.

6. Къ счастію, борьба эта снова вызвана была г. Куникомъ въ литературу. Теперь предметомъ объясненія были уже не ученыя мнѣнія сами по себѣ, а личныя побужденія къ тому или другому мнѣнію. Духъ патріотизма и духъ науки, можно сказать, явились здѣсь лично и вступили въ открытую борьбу. Замѣтимъ, что борьба эта опасна была для свободы ученыхъ изысканій. Что бы ни говорили о необходимости и пользѣ возраженій и сомнѣ-

ній въ такихъ спорныхъ случаяхъ, какъ настоящій; какъ бы ни доказывали, что въ настоящемъ случаѣ противорѣчіе — и даже неосновательное противорѣчіе — могло явиться и безъ вліянія какихъ-либо предубѣжденій: опроверженіе протеста г. Куника, очевидно, было бы принято за оправданіе взведеннаго на него подозрѣнія, и духъ патріотическаго пристрастія, принявъ въ этомъ случаѣ роль защитника истины, не зналъ бы болѣе границъ своей нетерпимости. Надобно полагать, что г. Куникъ твердо и положительно былъ убѣжденъ въ своемъ мнѣніи, если рѣшился на эту опасную, но не непзбѣжную для него борьбу, которая, при необходимости сдѣлать какую-либо уступку своему противнику, обратилась бы во вредъ и ему самому и ученому изслѣдованію. Мы видѣли, что не ему привелось дѣлать подобныя уступки. Напрасно вызывалъ онъ своего противника на ученое объясненіе, напрасно упрекалъ его за противодѣйствіе этому вызову не-ученымп и не-литературными средствами, — упрекъ, отъ котораго можно было защитить себя, конечно, не молчаніемъ Напрасно наконецъ указывалъ онъ новый интересъ разсматриваемаго предмета, сообщивъ взглядъ г. Муральта, въ которомъ, дѣйствительно, есть отъ-чего разъиграться патріотической фантазіи. Не только полемика не возобновлялась болѣе, но и самъ памятникъ, лишенный патріотическаго значенія, какъ-будто потерялъ всякій интересъ въ глазахъ своихъ защитниковъ. Патріотическое чувство, бывъ парализировано въ своемъ участіи, предоставило судьбу его, вѣроятно, заботамъ тѣхъ, кто найдетъ въ немъ какой-нибудь интересъ, кромѣ патріотическаго. Безпристрастные любители науки древностей, конечно, не будутъ сожалѣть о такомъ оборотѣ дѣла: напротивъ, они не могли бы пожелать лучшаго. Продолжавшійся доселѣ ходъ

изъисканій не много представлялъ имъ отраднаго; а главное, онъ не могъ внушать имъ охоты вмѣшиваться въ него, а развѣ — отвращеніе. Такъ, можетъ быть, отстранены отъ него ученые, которымъ въ подобныхъ вещахъ принадлежитъ первый голосъ. Замѣчательно, что Шафарикъ (*) и Востоковъ высказали свои мнѣнія о памятникѣ только мимоходомъ, при случаѣ, гдѣ было кстати и о немъ бросить нѣсколько словъ. Покойный Прейсъ, конечно, не могъ быть равнодушенъ къ этимъ изъисканіямъ, какъ ради интереса науки, такъ и по личнымъ отношеніямъ къ изъискателямъ, — и однако онъ предпочелъ сохранить, въ продолженіе всей этой исторіи, ненарушимое молчаніе....(**) Теперь, кажется, нѣтъ причинъ опасаться новаго вторженія патріотическихъ интересовъ въ настоящія изъисканія: не принимая роли предсказателя, можно ручаться, что впредь вопросъ будетъ въ рукахъ людей, которые дорожатъ прежде всего интересомъ науки. И вотъ пріобрѣтеніе славянскаго образованія и литературы во всей этой исторіи:

(*) Замѣчательно, что г. Шафарикъ въ новомъ сочиненіи своемъ: «Разсвѣтъ Болгарской Литературы», изчисляя древнѣйшіе списки евангелій, начиная съ Остромирова, вовсе неупоминаетъ о Р. Е.: это достаточно подтверждаетъ нашу догадку насчетъ его мнѣнія о древности Р. Е., помѣщенную выше (стр. въ 94, въ примѣчаніи).

(**) Выше мы уже сказали, что мнѣніе Прейса о Р. Е., къ сожалѣнію осталось неизвѣстнымъ. До насъ дошло только одно и, можетъ быть, единственное изъ всѣхъ кому-либо извѣстныхъ впечатлѣній, какія производили на покойнаго славяниста споры о Р. Е. и самъ этотъ памятникъ. «Das ist eine feine Sache!» сказалъ онъ однажды на-счетъ основательнаго разбора Р. Е. и окончательнаго рѣшенія вопроса о его происхожденіи. Этимъ, или почти этимъ ограничился его отзывъ Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ права обстоятельнѣе изложить случай и обстоятельства, при которыхъ это сказано. Прибавимъ только, что это было въ послѣднее время жизни покойнаго. Изданіе г. Ганки тогда уже вышло и получено было въ Петербургѣ; но Прейсъ еще не видалъ его — и не видалъ до самой смерти.

свобода, независимость, неприкосновенность *ученаго изслѣдованія* и опытное убѣжденіе въ необходимости этого освобожденія для успѣховъ науки.

§ 32

Мы не ошиблись, предсказывая судьбу нашего вопроса: новое изслѣдованіе о Р. Е. не обнаруживаетъ никакого участія къ патріотическому значенію памятника, не заинтересовано ни подтвержденіемъ этого значенія, ни отрицаніемъ его. Весь интересъ изслѣдованія сосредоточенъ на рѣшеніи ученаго вопроса, каково бы оно ни было, лишь бы было вѣрно. Такое независимое направленіе даетъ изслѣдованію полное право на вниманіе, тѣмъ болѣе, что изслѣдованіе это принадлежитъ филологу, который въ первый разъ является въ литературѣ (*).

Ни въ какой другой области знанія первый опытъ новичка не можетъ у насъ отражать въ такой мѣрѣ общее состояніе науки, какъ въ филологіи, и особенно въ области положительныхъ церковно-славянскихъ изслѣдованій. Здѣсь самое появленіе новаго дѣятеля есть фактъ не только любопытный, но и знаменательный. Спрашивается: какимъ образомъ нашелъ онъ доступъ въ эту исключительную, уединенную сферу? Вѣдь извѣстно, что она недостижима обыкновенными путями общаго образованія Литература, это вѣрнѣйшее орудіе обобщенія идей, посредница между спеціальною ученостью и общимъ образованіемъ, на этотъ разъ не оказываетъ подобной услуги, можетъ быть, потому, что слишкомъ вѣрно сохраняетъ въ этой отрасли ха-

(*) Разсужденіе г. Папмонскаго, о которомъ здѣсь говорится, не вошло въ предъидущее обозрѣніе потому, что мое сочиненіе написано съ нимъ въ одно время. Впрочемъ, по отмѣченному нами характеру своему, оно во всякомъ случаѣ могло бы быть поставлено отдѣльно отъ предъидущаго хода изслѣдованій о Р. Е., который, какъ намъ кажется, составляетъ оконченное цѣлое.

рактеръ происхожденія своего отъ спеціалистовъ, которые предпочитаютъ служеніе наукѣ услугамъ большинству читателей. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что большинство это остается къ ней равнодушнымъ, не постигая, какой интересъ могутъ имѣть филологическія и палеографическія сухости?! Даже ученые обработыватели пограничныхъ сферъ, но не спеціальные знатоки филологіи и палеографіи, отваживаясь коснуться послѣднихъ, обнаруживаютъ поверхностныя и шаткія познанія, иногда вовсе ложныя, даже дикія понятія тамъ, гдѣ воображаютъ себя на сторонѣ простаго здраваго смысла. Всего лучше поступаютъ тѣ, которые усвоиваютъ себѣ одни результаты изслѣдованій спеціалистовъ и безъ дальнѣйшихъ разсужденій опираются на ихъ авторитеты. Такимъ образомъ сама наука съ ея знаніями и незнаніемъ, съ ея современными успѣхами и потребностями, съ ея матеріальнымъ запасомъ и методой изслѣдованія, остается тайною немногихъ, которые введены въ святилище ея своимъ положеніемъ, обязанностями или другими обстоятельствами, благопріятствующими этому исключительному роду занятій; но и самимъ спеціалистамъ тайна эта доступна не въ одинаковой мѣрѣ или не въ одинаковомъ видѣ. За исключеніемъ немногихъ, почти каждый изъ главныхъ дѣятелей понимаетъ главную задачу и главный интересъ науки по своему, иначе, и въ своихъ занятіяхъ идетъ своимъ особеннымъ путемъ, иногда вовсе не заботясь ни о направленіи другихъ, ни о ихъ мнѣніи о своемъ направленіи. Такимъ образомъ, разныя направленія и способы изслѣдованія идутъ другъ возлѣ друга равнодушно, нерѣдко не сознавая своего разногласія и не объясняя своихъ отношеній другъ къ другу, иногда же обнаруживаютъ только рѣшительное недовѣріе другъ къ другу и равнодушное пренебреженіе. Непріязненныя встрѣчи ихъ въ литературѣ, которыхъ можно бы пожелать для успѣховъ науки, къ сожалѣнію, весьма рѣдки. Такая изолированность между спеціалистами происходитъ отъ того, что до сихъ поръ они должны были пріобрѣ-

тать свой взглядъ на науку и направленіе своихъ занятій не столько посредствомъ изученія общаго состоянія науки въ литературѣ, сколько посредствомъ своихъ личныхъ опытовъ и изъ тѣхъ не-литературныхъ пособій, какія имъ были доступны.

Теперь, принадлежитъ ли г. Паплонскій къ числу избранныхъ, въ рукахъ которыхъ ключи къ таинствамъ палеографіи? (*) Изъ литературы извѣстно (**), что онъ былъ помощникомъ Линде въ приготовленіи матеріаловъ для русскаго словаря и постоянно пользовался его бесѣдами, которыя стоили, какъ говоритъ онъ, профессорскихъ лекцій; но для спеціальныхъ церковно-славянскихъ занятій, по самому положенію своему въ Варшавѣ, онъ, естественно, не имѣлъ ни поводовъ, ни пособій. Въ своемъ Разсужденіи о Р. Е. онъ прямо говоритъ, что трудъ историко-филологическаго анализа памятниковъ «удобоисполнимъ, но только въ столицахъ, гдѣ собраны древніе памятники, и притомъ для людей ex professo посвящающихъ себя исключительно славянской филологіи: такой трудъ», прибавляетъ онъ весьма основательно, «не можетъ быть занятіемъ между дѣлъ». Откуда же пріобрѣлъ онъ ту самостоятельность, съ какою судитъ о спеціальномъ палеографическомъ вопросѣ и подвергаетъ критикѣ мнѣнія спеціалистовъ! И можетъ ли читатель безопасно оказать довѣріе къ его независимому мнѣнію?... Во всякой другой области знанія подобные вопросы были бы признаны неприличными, какъ обидные для автора и бесполезные для читателей; но въ церковно-славянскихъ изслѣдованіяхъ это иначе Надобно только вникнуть въ вышеозначенное отношеніе палеографической литературы къ общему образованію, и оцѣ-

(*) Для избѣжанія недоразумѣній замѣтимъ, что въ этомъ § мы будемъ употреблять имя палеографіи въ самомъ обширномъ смыслѣ, разумѣя подъ этимъ словомъ и филологическій анализъ памятниковъ, и даже преимущественно эту сторону палеографическихъ занятій.

(**) См. Біографію *С. Б. Линде*, въ Москвитянинѣ 1842, томъ VI, стр. 112.

нить значеніе авторитета въ этой области и готовность нѣкоторыхъ авторитетовъ поддерживать это значеніе,—то есть, надобно только судить о состояніи науки объективно и положительно, чтобы убѣдиться, какъ легко можетъ вызывать противъ себя предубѣжденіе свободный трудъ непризваннаго филолога, или палеографа «безъ приглашенія». Предубѣжденіе это не только возможно, но въ нѣкоторомъ смыслѣ и не безъ основанія.

Мы съ своей стороны упоминаемъ объ этомъ предубѣжденіи вовсе не для того, чтобы вызвать его противъ г. Паплонскаго: нѣтъ, мы хотѣли бы, напротивъ, сочиненіемъ г. Паплонскаго навсегда отстранить дѣйствіе подобныхъ предубѣжденій въ будущемъ. Мы позволяемъ себѣ выводить изъ этого явленія совсѣмъ обратныя заключенія, которыя, какъ сейчасъ увидимъ, служатъ къ чести нынѣшняго состоянія науки и открываютъ лестную перспективу въ будущемъ. Мы разсуждаемъ такимъ образомъ. Если г. Паплонскій самостоятельно судитъ о спеціальномъ вопросѣ не бывъ спеціалистомъ, значитъ, есть возможность быть самостоятельнымъ въ этой области для всякаго. Если г. Паплонскій пріобрѣлъ эту самостоятельность изученіемъ литературы, безъ особенныхъ пособій, доступныхъ только избраннымъ, значитъ, палеографическая литература достигла уже этой зрѣлости и богатства: честь и слава литературѣ, созданной спеціалистами! Мы желали бы, чтобы сочиненіе г. Паплонскаго было замѣчено въ этомъ значеніи, и послужило во благо нашей литературѣ. Пусть оно напоминаетъ каждому, кто въ своихъ литературныхъ трудахъ встрѣтится съ вопросами палеографіи и филологіи, что недостатокъ отчетливаго сознанія и повтореніе чужихъ мнѣній, заимствованныхъ механически, уже не могутъ найдти извиненія, точно также, какъ и претензіи на самостоятельность безъ вниманія къ мнѣніямъ другихъ. Обѣ эти крайности встрѣчаются въ нашей литературѣ и внушаютъ къ себѣ справедливое презрѣніе, спеціалистамъ, тогда какъ при отчетливомъ усвоеніи мнѣній изъ

спеціальной литературы, свободные любители науки оказывали бы ей значительную услугу распространеніемъ ея познаній, но были бы въ тоже время свободны отъ всякой отвѣтственности за свои мнѣнія, какъ скоро онѣ имѣли бы опору въ современномъ состояніи науки. Этого мало: распространеніе познаній изъ тѣснаго круга спеціалистовъ можетъ произвесть важную перемѣну въ самой филологической литературѣ. Естественно, что мнѣнія спеціалистовъ, при всемъ уваженіи къ ихъ авторитетамъ, не могутъ удовлетворить истинной любознательности, если онѣ основаны только на личныхъ опытахъ и опытности спеціалистовъ, или высказаны въ формѣ или объемѣ, доступномъ для разумѣнія однихъ спеціалистовъ, какъ это бывало, и бываетъ донынѣ; но спеціалистамъ не было бы надобности держаться въ прежней недоступности, какъ скоро труды ихъ могли бы находить между свободными почитателями науки не только любознательное вниманіе, но и *практическую оцѣнку*—въ опытахъ идти по слѣдамъ ихъ состоятельно. Чтобы объяснить значеніе и преимущество названной нами *практической* оцѣнки въ отличіе отъ критической, припомнимъ, что достоинство какой-либо системы или методы, или отдѣльной мысли и частнаго ученаго открытія, всего вѣрнѣе испытывается ихъ дальнѣйшимъ развитіемъ и приложеніемъ, ихъ дѣйствіемъ и послѣдствіями: опытъ времени, судъ исторіи, неминуемо произноситъ свой безстрастный приговоръ тому, что не находитъ справедливости предъ судомъ современныхъ критиковъ. Въ этомъ смыслѣ каждый послѣдователь извѣстнаго ученія становится вмѣстѣ его критикомъ. Опытъ г. Паплонскаго является предвѣстникомъ такой эпохи для нашей палеографіи. Нашимъ спеціалистамъ-ветеранамъ предстоитъ удовольствіе видѣть подобную практическую оцѣнку своимъ ученымъ успѣхамъ и заслугамъ. Они могутъ наблюдать, и, думаемъ, не безъ пользы, что̀ и какъ принимается другими изъ ихъ спеціальныхъ трудовъ, что оказывается особенно удобопонятнымъ въ своемъ правильномъ видѣ и, при

этомъ условіи, удобоприложимымъ и плодоноснымъ, или остается безплоднымъ, неприложимымъ и забытымъ. Не будемъ столько несправедливы, чтобы вину ошибокъ полузнанія и полуученности послѣдователей и продолжателей ученыхъ трудовъ взводить прямо на свойство самыхъ идей, которымъ они слѣдуютъ; но всякій согласится, что судьба идеи или направленія въ-продолженіе времени не безъ значенія къ достоинству ихъ самихъ или къ положенію ихъ въ литературѣ.

Къ этому *историческому* взгляду на сочиненіе г. Паплонскаго обязываетъ насъ характеръ нашего обозрѣнія и значеніе разсматриваемаго сочиненія. Мы принимаемъ Разсужденіе г. Паплонскаго о Р. Е. за указаніе мѣры, въ какой доступна палеографическая литература для большинства образованныхъ и въ какой распространены въ немъ этого рода знанія; съ другой стороны, мы расположены принять сочиненіе за опытъ практической оцѣнки успѣховъ самой науки, разумѣется, въ той мѣрѣ, въ какой сочиненіе это соотвѣтствуетъ современному состоянію понятій въ спеціальной литературѣ.

Разсматривая сочиненіе г. Паплонскаго въ этомъ значеніи, очевидно, прежде всего надобно опредѣлить его отношеніе къ палеографической литературѣ. Что почитаетъ онъ существенно важнымъ въ современномъ ея состояніи и въ историческомъ ея движеніи? Кого признаетъ истинными двигателями и виновниками ея успѣховъ? На это мы имѣемъ у него ясныя выраженія въ отзывѣ о состояніи славянской филологіи вообще. «Въ славянской филологіи», говоритъ онъ, «мы уже выходимъ изъ младенчества.... Труды Добровскаго, Востокова, Копитара, Шафарика, самого г. Ганки, Калайдовича, Прейса и многихъ другихъ, разлили яркій свѣтъ на славянскую филологію». Послѣ этого перечня, въ которомъ поставлены рядомъ ученые разныхъ временъ и разныхъ направленій, конечно, нельзя ожидать въ новомъ палеографѣ какого-нибудь сектанта, безусловно преданнаго своему гросмейстеру и рав-

нодушнаго къ другимъ ученіямъ, или закоснѣлаго въ предубѣжденіи противъ ихъ толковъ; онъ обѣщаетъ въ себѣ не рутиниста, который, усвоивъ себѣ въ строгой школѣ своего мастера его пріемы и манеру, будетъ неизмѣнно повторять ихъ въ своихъ издѣліяхъ; нѣтъ, онъ обнаруживаетъ съ перваго шагу желаніе овладѣть тайною искусства, посредствомъ изученія его у разныхъ мастеровъ, къ которымъ онъ приноситъ съ самыхъ первыхъ уроковъ, вмѣстѣ съ уваженіемъ, свою долю критическаго недовѣрія. Чтобы оцѣнить успѣхи его въ этомъ изученіи и замѣтить въ нихъ характеристическія черты его направленія, должно всмотрѣться въ представленную имъ классификацію. Изъ нея мы усматриваемъ во-первыхъ, что дѣятели науки раздѣлены у него на два разряда: одни названы по имени, другіе же обозначены *общимъ* именемъ *многихъ другихъ*. Есть, стало быть, судя по выраженіямъ г. Паплонскаго, разрядъ *именитыхъ* и, такъ сказать, *безыменныхъ* филологовъ. Изъ послѣднихъ нѣкоторые являются у него и подъ своимъ собственнымъ именемъ, но по поводу частныхъ филологическихъ вопросовъ, а не общаго состоянія науки. Во-вторыхъ, разсматривая то, что есть въ классификаціи г. Паплонскаго, можно обратить вниманіе и на то, чего нѣтъ въ ней: и это не безполезно для опредѣленія отношеній г. Паплонскаго къ состоянію науки въ обѣихъ вышеозначенныхъ значеніяхъ.

Спрашивается далѣе: одинаковое ли значеніе въ-отношеніи къ нынѣшнему состоянію науки признаетъ г. Паплонскій за всѣми *названными* дѣятелями науки? О грамматикѣ Добровскаго, главномъ филологическомъ произведеніи его, онъ отзывается слѣдующимъ образомъ: «Все, сказанное въ ней, основано на глубокомъ изученіи памятниковъ, рукописныхъ и печатныхъ». И въ тоже время г. Ганка подвергается упрекамъ за то, что слишкомъ часто держался грамматики Добровскаго! И въ тоже время указываются въ заимствованныхъ изъ нея мѣстахъ ошибки, съ прибавленіемъ объясненія ихъ тѣмъ, что г. Ганка ошибается пото-

му, что и magister ejus peccavit!..» Это значитъ, что г. Паплонскій признаетъ только историческую важность грамматики Добровскаго, а претензіи ея на современное значеніе, поддерживаемыя грамматикою г Ганки, считаетъ анахронизмомъ. О Калайдовичѣ нѣтъ у него ничего, кромѣ страннаго помѣщенія его имени, вопреки хронологіи, между Ганкою и Прейсомъ. Принимая это какъ фактъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, которыя были бы слишкомъ мелки, хотя и справедливы, мы находимъ въ этомъ фактѣ непосредственно, что г. Паплонскій почитаетъ имя Калайдовича въ порядкѣ *филологическихъ* дѣятелей по ихъ значенію для науки, неумѣстнымъ между именами Добровскаго и Востокова. Авторитетъ Копитара въ церковно-славянскихъ изслѣдованіяхъ подвергается разнымъ ограниченіямъ. Такъ, сообщая въ переводѣ пролегомены его къ Р. Е., г Паплонскимъ почелъ за нужное предупредить читателя, что онъ не раздѣляетъ его мнѣній. Есть и въ другихъ мѣстахъ подобныя замѣтки противъ Копитара по поводу главныхъ филологическихъ вопросовъ; нѣкоторыя изъ нихъ мы приведемъ ниже. — За тѣмъ безусловными авторитетами, двигателями науки и представителями ея современнаго состоянія остаются у г. Паплонскаго: *Востоковъ*, *Шафарикъ* и *Прейсъ!* Востоковъ прямо называется «лучшимъ знатокомъ славянской филологіи» (*); Шафарикъ приводится, какъ основа-

(*) Съ намѣреніемъ или безъ намѣренія допустилъ г. Паплонскій эту неловкую фразу, но она своею неловкостью, какъ выше такоеже помѣщеніе имени Калайдовича, весьма кстати останавливаетъ вниманіе читателя на своемъ значеніи Г. Паплонскій назвалъ А. Х. Востокова «лучшимъ знатокомъ *славянской филологіи*», а не церковнаго только языка; это сказано у него по поводу вопроса о народномъ происхожденіи церковнаго языка, безъ сомнѣнія, въ-слѣдствіе сознанія того, что объ этомъ вопросѣ нельзя разсуждать основательно безъ филологическаго изученія другихъ славянскихъ нарѣчій. Изъ этого видно, что г. П. имѣетъ ясное понятіе о *филологическомъ* изученіи славянскихъ нарѣчій и о примѣненіи ихъ къ церковно-славянскимъ изслѣдованіямъ. Выставляемъ это на видъ для того, чтобы отстранить нелѣпые толки, образчикъ которыхъ мы

тель и представитель того взгляда на происхожденіе церковнаго языка, за которымъ г. Паплонскій оставляетъ преимущество Но всего замѣчательнѣе здѣсь имя Прейса. Извѣстно, что покойный славянистъ, въ продолженіе всего ученаго поприща, напечаталъ въ разныя времена нѣсколько статеекъ, какихъ найдется у многихъ другихъ столько-же, если еще не больше, и однако г Паплонскій только Прейса ставитъ на ряду съ Востоковымъ и Шафарикомъ. Такая честь воздана, конечно, не случайно.

Вѣрно ли избраны г. Паплонскимъ главные представители современнаго состоянія науки? Не знаемъ, встрѣтитъ ли онъ возраженія; мы же съ своей стороны не разъ ставили тѣже самыя имена въ главѣ движенія церковно-славянскихъ изслѣдованій, и, встрѣтивъ ихъ у г. Паплонскаго въ томъ-же значеніи безъ всякой двусмысленности и оговорокъ, могли только порадоваться — какъ за себя, потому что встрѣтили неожиданное, ничѣмъ не подготовленное и слѣд. совершенно свободное сочувствіе къ своему убѣжденію,—такъ и за самого г Паплонскаго, потому-что такой мѣткій выборъ руководителей въ филологическихъ занятіяхъ—вѣрное ручательство за успѣхи.

помнимъ въ Разсужденіи г Вышнеградскаго, гдѣ познанія г. Востокова въ славянскихъ нарѣчіяхъ сравниваются съ познаніями Добровскаго и Копитара. Подобные толки, безъ нужды и безъ пользы, могутъ происходить только отъ недостатка настоящаго ученаго понятія о языкознаніи и отъ недостатка изученія церковно славянскихъ изслѣдованій г. Востокова Гдѣ же, спрашивается, обнаружился у него недостатокъ знанія славянскихъ нарѣчій неправильнымъ или неточнымъ объясненіемъ чего-нибудь? Или гдѣ знаніе славянскихъ нарѣчій оказало церковно-славянскимъ изслѣдованіямъ такія услуги, которыя заставили бы пожалѣть, что г. Востоковъ знаетъ ихъ не болѣе, чѣмъ сколько показалъ онъ это въ своихъ церковно-славянскихъ изслѣдованіяхъ? Эти вопросы не приходятъ на мысли подобнымъ цѣнителямъ, потому-что они напередъ забрали въ голову, что Копитаръ *долженъ* знать лучше Востокова слав. нарѣчія, не замѣчая того, что, по *этому способу* оцѣнки, натуральное знаніе рядоваго Черногорца или Болгарскаго пастуха можно поставить выше филологическихъ познаній и Добровскаго и Копитара.

Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ непосредственно, что г. Паплонскій въ своихъ фил. понятіяхъ стоитъ въ уровень съ тою степенью ихъ развитія, какой онѣ достигли у названныхъ филологовъ; нѣтъ, это еще вопросъ, который надобно разсмотрѣть. Въ сочиненіи г. П. довольно данныхъ, чтобы судить какъ о содержаніи и направленіи его фил. понятій, такъ и о методѣ изслѣдованія. Подобно прежнимъ изслѣдователямъ Р. Е., онъ касается вопроса о происхожденіи церковнаго языка и бросаетъ общій взглядъ на всю исторію церковной литературы во всѣхъ вѣтвяхъ ея. Вопросъ о происхожденіи церковнаго языка онъ почитаетъ почти рѣшеннымъ, но находитъ это рѣшеніе не для всѣхъ еще убѣдительнымъ. «Даже лучшій знатокъ славянской филологіи, А. Х. Востоковъ, колеблется», говоритъ г. Паплонскій, «между Болгарскимъ и Паннонскимъ происхожденіемъ этого языка»; это заключаетъ онъ изъ словъ г. Востокова, сказанныхъ по случаю окончанія род. п. *га* вм *го* въ Супрасльской рукописи (Библ. Листы № 36), и въ предисловіи къ О. Е., о церковномъ языкѣ: «какому бы племени ни принадлежалъ онъ, Болгарскому или Паннонскому». Такимъ образомъ, главнымъ защитникомъ Болгарскаго происхожденія ц. я. остается у г. П. Шафарикъ. Г. Бодянскій *почти* окончательно рѣшаетъ этотъ вопросъ. Это *почти* показываетъ, что г. Папл. принимаетъ приведенное г. Бодянскимъ свидѣтельство вовсе не въ такомъ безусловномъ значеніи, въ какомъ оно предложено. По словамъ г. Бодянскаго, для окончательнаго рѣшенія вопроса до тѣхъ поръ не доставало *только* прямаго историческаго свидѣтельства, какое онъ и представляетъ: по смыслу г. Паплонскаго, къ этой фразѣ должно бы прибавить: *почти только*. Употребленіе нѣмецкихъ и латинскихъ словъ, которыми Копитаръ доказывалъ Паннонское происхожденіе церковнаго языка, г. Паплонскій признаетъ въ древнѣйшихъ памятникахъ, но старается объяснить ихъ, не допуская мнѣнія Копитара. Онъ полагаетъ, что Кириллъ и Меѳодій перевели св. писаніе на языкъ Болгарскій, имъ уже знакомый

но для Славянъ, которые были обращены въ христіанство западными миссіонерами, и у которыхъ означенныя слова уже укоренились, такъ-что замѣнять ихъ чисто-славянскими было и безполезно и не безопасно. Онъ видитъ, правда, нѣкоторыя затрудненія при этомъ объясненіи, но, не останавливаясь болѣе для ихъ отстраненія, отдаетъ преимущество мнѣнію Шафарика, и тѣмъ заключаетъ свое примѣчаніе о произхожденіи церковнаго языка. Въ другомъ примѣчаніи онъ говоритъ объ исторіи церковно-славянскаго языка, и въ главѣ ея ставитъ вопросъ о происхожденіи церковнаго языка; но въ какой мѣрѣ связанъ этотъ вопросъ съ изученіемъ исторіи въ ея продолженіи, предоставляемъ судить по начертанной г. Паплонскимъ программѣ этого изученія и по раздѣленію церковной литературы на разряды. «Въ исторіи ц.-сл. языка, рѣшая вопросъ о языкѣ перевода священнаго писанія, слѣдуетъ 1) показать отличительные признаки Болгарскаго нарѣчія, основываясь на древнѣйшемъ памятникѣ этого разряда—Остромировомъ Евангеліи, что уже и сдѣлано Востоковымъ». Остромирово Евангеліе, говоритъ въ другомъ мѣстѣ г. Паплонскій, «происходитъ по прямой линіи отъ святыхъ братьевъ Кирилла и Меѳодія; оно не испорчено ни позднѣйшими вставками, ни поправками, написано съ соблюденіемъ подлиннаго правописанія, такъ-что маловажныя описки проходятъ незамѣтно». Стало быть, текстъ О. Е. вылитъ, такъ сказать, изъ чистой, однородной массы Болгарскаго языка и сохранился въ этой чистотѣ до послѣдняго списка. 2) Изслѣдовать, съ котораго именно времени начинается раздѣленіе рукописей на разряды, и пройдти исторію каждаго изъ нихъ отдѣльно, *съ разборомъ памятниковъ*, къ нимъ относящихся. Каждый разрядъ слѣдуетъ разсмотрѣть: а) со стороны лексикографической и б) со стороны грамматической. Такой трудъ», прибавляетъ г. Паплонскій, «удобоисполнимъ, но только въ столицахъ и для славянистовъ ex professo». Стало быть, исторія церковнаго языка до сихъ поръ обработана по

меньшей мѣрѣ столько, что можно уже составить довольно подробную программу ея, съ обозначеніемъ главныхъ пунктовъ для общихъ соображеній и съ раздѣленіемъ всего матеріала на разряды. Безъ сомнѣнія, на основаніи этого состоянія критической обработки церковно-славянскихъ памятниковъ, г. Паплонскій дѣлитъ ихъ на пять разрядовъ слѣдующимъ образомъ. 1) разрядъ древне-Болгарскій, 2) Сербскій, 3) Русскій произвольный, 4) Русскій условный и 5) смѣшанный. Но ни Паннонo-Карантанскаго разряда Копитара, ни Паннонo-Моравскаго въ смыслѣ г. Ганки, г. Паплонскій не допускаетъ.

Теперь надобно бы разсмотрѣть: соотвѣтствуютъ ли всѣ эти понятія нынѣшнему состоянію науки, сколько оно выразилось въ литературѣ? Но литература, которую выше мы нашли до нѣкоторой степени зрѣлою, на этотъ разъ оказывается несостоятельною. Всѣ эти идеи, о которыхъ вкратцѣ упомянулъ г. Паплонскій, лежатъ въ ней большею частію въ фактахъ и притомъ по разнымъ мѣстамъ, въ томъ первобытномъ порядкѣ, въ какомъ они были открываемы и изслѣдованы палеографами въ первоначальныхъ источникахъ. Опыты совокупить ихъ, сообразить между собою и вывести результаты, были до сихъ поръ и рѣдки, и вовсе не таковы, чтобы на основаніи ихъ можно было произнести рѣшительный приговоръ о понятіяхъ г Паплонскаго. За отсутствіемъ сознанія современнаго состоянія науки, вопросъ о происхожденіи церковнаго языка не только подверженъ разногласію, но и объявляется иными еще вовсе неимѣющимъ основанія для какого-нибудь опредѣленнаго мнѣнія. Разногласіе въ дѣленіи церковныхъ памятниковъ на разряды довольно обнаружилось по поводу Реймскаго Евангелія, какъ можно видѣть и изъ сочиненія г. Паплонскаго. Свойства древняго церковнаго языка опредѣлены уже довольно точно и подробно, и потому взглядъ г. Паплонскаго на филологическое значеніе Остромирова Евангелія, по видимому, не долженъ бы былъ встрѣтить противорѣчій, и, сколько мы можемъ судить, вѣ-

роятно, не встрѣтитъ между Русскими; но прочтите недавно явившуюся рецензію на этотъ памятникъ г. Миклошича (въ Wien. Jahrb. CXIX Band), и потомъ попробуйте тотчасъ рѣшить разногласіе между нимъ и г. Паплонскимъ. Чтобы вѣрно, объективно оцѣнить отношеніе понятій г. Паплонскаго къ состоянію науки, надобно бы прежде пересмотрѣть всѣ положительныя церковно-славянскія изслѣдованія, результатами этого обозрѣнія повѣрить все разгласіе мнѣній у филологовъ, и вывести отсюда понятія, основанныя на цѣломъ историческомъ ходѣ филологическихъ изысканій; но и такой трудъ все-же выражалъ бы только личныя понятія обозрѣвателя и не доставлялъ бы объективнаго масштаба, покуда не былъ бы признанъ критикой вполнѣ удовлетворительнымъ и утвержденъ въ этомъ значеніи общимъ согласіемъ филологовъ. И такъ, за несостоятельностью филологической литературы, въ сторону — сравненіе главныхъ филологическихъ понятій г. Паплонскаго съ нынѣшнимъ состояніемъ ихъ въ наукѣ. Пусть тѣ филологи, которые рѣшатся на-слово требовать довѣрія къ своему отчетливому знанію современнаго состоянія науки, возмутъ на себя трудъ указать въ вышеозначенныхъ взглядахъ г. Паплонскаго какіе-либо недостатки: мы же съ своей стороны не откажемся доказать, что ощутительнѣйшіе изъ нихъ имѣютъ удовлетворительное объясненіе въ состояніи филологической литературы, и такое-же оправданіе въ мѣрѣ распространенія успѣховъ славянской филологіи въ ученой публикѣ До сихъ поръ можно отмѣтить въ этихъ взглядахъ только признакъ смѣлой, но добросовѣстной попытки добиться чего-нибудь яснаго въ разсужденіи главныхъ филологическихъ вопросовъ, и что особенно важно, посредствомъ разбора мнѣній первыхъ славянистовъ, безъ претензій на мнимую самостоятельность, которая пренебрегаетъ существующія мнѣнія, какъ-бы ничѣмъ не доказанныя положительно.

Другое дѣло — отношеніе г. Паплонскаго къ прежнимъ изслѣдованіямъ о самомъ Реймскомъ Евангеліи: здѣсь

мы имѣемъ достаточныя средства судить положительно и точно

Г. Паплонскій предпринялъ новое изслѣдованіе Реймскаго Евангелія не для того, чтобы отъискать новыя интересныя стороны памятника и пустить въ ходъ новые вопросы, но для рѣшенія стараго, престараго вопроса — о времени списка. Стало быть, всѣ прежнія изслѣдованія объ этомъ онъ нашелъ — неудовлетворительными: вотъ, если угодно, подтвержденіе нашего втораго параграфа! Какъ-бы ни увѣрялъ потомъ авторъ въ своемъ уваженіи къ тому или другому изслѣдованію, приговоръ его произнесенъ невозвратно, на самомъ дѣлѣ, предпріятіемъ новаго изслѣдованія. Но вмѣстѣ съ самостоятельнымъ взглядомъ, который даетъ критику господство надъ предъидущимъ ходомъ изъисканій, предпріятіе это едвали не есть признакъ такого-же обратнаго вліянія самого хода на критика. Спрашивается: по какому побужденію могъ г. Паплонскій предпочесть Реймское Евангеліе *для своего первaго* филологическаго труда въ литературѣ? Мы видѣли, что онъ, для основательной обработки исторіи церковно-славянскаго языка, признаетъ необходимымъ *подробно разбирать* древніе памятники, *каждый отдѣльно*: это убѣжденіе мы встрѣтили съ большимъ удовольствіемъ, какъ признакъ самостоятельнаго изученія потребностей славянской филологіи и способа ея обработки; мы радовались, что понятіе, поддерживаемое нами, не только можетъ надѣяться на сочувствіе, но и является въ сознаніи другихъ независимо и самостоятельно, вопреки легкомыслію полуученыхъ диллетантовъ филологіи, которые желали бы видѣть общіе выводы, обширныя обозрѣнія, вообще крупныя черты, минуя подробный и мелкій анализъ фактовъ,—легкомысліе, противъ котораго не стоитъ здѣсь вооружаться критикой. При нынѣшней шаткости филологическихъ понятій, запутываемыхъ произволомъ и суемудріемъ теоретическихъ филологовъ, нельзя не оцѣнить этого мѣткаго взгляда, и мы охотно выставляемъ его на видъ, какъ достоинство, желая поддер-

жать сознаніе его важности, чтобы это счастливое вдохновеніе положительнаго труда не погасло, какъ гаснутъ, можетъ быть, многія другія, не замѣченныя, не оцѣненныя, не поддержанныя вниманіемъ и сочувствіемъ. Въ-слѣдствіе *этою* убѣжденія г. Паплонскій могъ быть расположенъ къ такому труду, какой мы видимъ въ его Разсужденіи: но что̀ могло обѣщать ему и́менно въ Реймскомъ Евангеліи такой памятникъ, отъ котораго должны произойти результаты, важные для исторіи церковнаго языка, особенно при нынѣшнемъ состояніи ея обработки? Правда, судя по ходу прежнихъ изслѣдованій, можно было подумать, что съ вопросомъ о древности памятника рѣшалось быть или не быть славянской филологіи; но самая продолжительность этого хода безъ окончательнаго результата невольно заставляетъ подозрѣвать, не преувеличена ли важность памятника по причинѣ знаменитой судьбы его, не навязаны ли ему чужіе, посторонніе интересы, которыхъ онъ не можетъ поддержать своимъ содержаніемъ, не смотря на усилія защитниковъ? Спору нѣтъ, что вопросъ о его древности во всякомъ случаѣ заслуживаетъ изслѣдованія, особенно послѣ того, какъ онъ столько времени занималъ извѣстнѣйшихъ славянистовъ; спору нѣтъ, что при этомъ заслуживаютъ вниманія мнѣнія прежнихъ изслѣдователей, даже и по причинѣ значенія ихъ для своего времени; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать, что изслѣдованіе о памятникѣ, вмѣстѣ съ критикою прежнихъ мнѣній, должно быть подчинено въ своемъ ходѣ сознанію интереса его для науки; условіе это во всякомъ случаѣ непремѣнно въ строго-ученомъ сочиненіи; но какъ скоро прежнія изслѣдованія способны вызывать недовѣрчивость критика, то тѣмъ болѣе нужно напередъ зрѣло обдумать задачу и ходъ изслѣдованія, чтобы не увлекаться мнимыми или несвоевременными интересами изслѣдованія, потому только, что они были поддерживаемы филологическими авторитетами, и чтобы не потратить такимъ образомъ трудовъ безъ существеннаго пріобрѣтенія для науки. Слѣдуетъ разсмотрѣть:

въ какой мѣрѣ оказалъ новый изслѣдователь подобную самостоятельность критическаго взгляда своимъ предшественникамъ? Вѣрно ли оцѣнилъ ихъ существенныя услуги ученому вопросу, предпринимая продолженіе труда ихъ? И не увлекался ли въ своемъ изслѣдованіи прежнимъ ходомъ ихъ, во вредъ самостоятельному сознанію требованій науки? Это ведетъ къ разсмотрѣнію отношеній г. Паплонскаго къ прежнимъ изслѣдователямъ Р. Е.

«Первые, сообщившіе ученому свѣту объ этой рукописи», пишетъ г. Паплонскій, «были Альтеръ и Дурихъ. Потомъ писали объ ней: Добровскій, Копитаръ, Е. Строевъ, Ястржембскій, Ганка и другіе. Важнѣе прочихъ Копитаръ и Ганка, и потому имп займемся въ особенности»,— и г. Паплонскій, дѣйствительно, занимается ими исключительно Мы видѣли также, что большая и важнѣйшая часть изслѣдованій въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ Копитару и Ганкѣ, и думаемъ, что при недостаточномъ вниманіи къ ихъ изслѣдованіямъ нельзя бы было правильно понять общаго хода этой исторіи; но мы видѣли такъ-же, что и наоборотъ, мнѣнія Копитара и Ганки находятся въ связи съ общимъ ходомъ всѣхъ изслѣдованій, и если намъ удалось предъидущее наше историческое изложеніе, то мы смѣемъ думать, что мнѣнія Копитара и Ганки не могутъ быть оцѣнены въ своемъ истинномъ достоинствѣ и значеніи, если будутъ взяты отдѣльно. Но чтобы не позволить себѣ требованій, исполненіе которыхъ не входило въ намѣренія г. Паплонскаго, мы предполагаемъ, что онъ смотритъ на мнѣнія Копитара и Ганки не съ *исторической* точки зрѣнія, а съ чисто-*критической*, что онъ оцѣниваетъ ихъ важностью для рѣшенія самаго вопроса о памятникѣ, а не по степени значенія, какой достигли въ свое время изслѣдованія о Р. Е. въ мнѣніи большинства ученаго свѣта. Если одинъ изъ этихъ взглядовъ можетъ имѣть свои преимущества, то и другому основательно можетъ быть дано мѣсто, сообразно съ цѣлью сочиненія. Но въ такомъ случаѣ мы позволяемъ себѣ замѣтить, что мнѣнія Копитара и Ганки не

были послѣдними въ ряду критическихъ изслѣдованій о Р. Е., и что изъ позднѣйшихъ опытовъ критики по крайней мѣрѣ два могли быть извѣстны г. Паплонскому: одинъ изъ нихъ моя рецензія) и упоминается въ его сочиненіи. Стало быть, по мнѣнію г. Паплонскаго, послѣ Копитара и Ганки критика Р. Е. не сдѣлала ни шагу впередъ? Удерживаемся отъ собственнаго сужденія объ этомъ, но почитаемъ себя въ-правѣ ожидать, что г. Паплонскій оправдаетъ чѣмъ-нибудь свое не только предпочтительное, но даже исключительное вниманіе къ мнѣніямъ К. и Г., какъ самымъ важнымъ съ *критической* точки зрѣнія, то-есть для рѣшенія вопроса о древности Реймскаго списка. Замѣтимъ что вопросъ этотъ какъ у прежнихъ изыскателей, такъ и у г. Паплонскаго составляетъ главную задачу изслѣдованія,—и справедливо: до рѣшенія этого *перваго* вопроса всѣ другіе были бы преждевременны.

Взглядъ Копитара, какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ въ ряду изслѣдованій о Р. Е., г. Паплонскій сообщаетъ въ собственныхъ выраженіяхъ автора, въ полномъ переводѣ его пролегоменъ къ Р. Е. Что же оказалось въ нихъ, по собственному сознанію критика? «Не отказывая имъ въ важности содержанія», онъ находитъ, что Копитаръ, «пренебрегая мнѣнія противниковъ, свои собственныя часто оставлялъ безъ доказательствъ Чѣмъ напр. подтверждаетъ онъ свое мнѣніе, что кирилловская часть Р. Е не старѣе XIV вѣка? Рѣшительно ничѣмъ. Достаточно ли опровергаетъ мнѣніе Ганки? Нѣтъ». Прекрасно! Этотъ прямодушный отзывъ обнаруживаетъ въ критикѣ значительную самостоятельность, которая не падаетъ предъ громкимъ авторитетомъ Копитара, когда онъ выставлялъ его вмѣсто доказательствъ. Но въ такомъ случаѣ, гдѣ же важность Копитарова мнѣнія, которая заслуживала бы предпочтительнаго вниманія? Не справедливѣе ли было бы, напротивъ, вовсе отстранить пролегомены, если въ нихъ ничего нѣтъ важнаго въ разсужденіи вопроса о древности памятника? Мы съ своей стороны въ предъидущемъ обозрѣ-

ніи предпочли вкратцѣ изложить ихъ содержаніе, чтобы только ознакомить съ ихъ направленіемъ; но мы увѣрены, что имъ нельзя вовсе отказать во вниманіи, по причинѣ *историческаго* ихъ значенія въ ходѣ изслѣдованій. Но г. Паплонскій, сообщивъ ихъ, какъ нѣчто важное, вопреки своему-же критическому приговору, и слѣдов. не удержавшись въ границахъ чисто-*критической* оцѣнки, не достигъ и *историческаго* взгляда: въ оправданіе своего вниманія къ пролегоменамъ онъ указываетъ только на важность собственнаго ихъ содержанія, безъ отношенія къ вопросу о памятникѣ, какъ-будто о важныхъ вещахъ позволительно говорить гдѣ-бы то ни было, и кстати и не кстати. Эта ссылка г Паплонскаго значитъ только то, что онъ не выдержалъ своей самостоятельности противъ импонирующаго вліянія авторитета и употребленныхъ имъ для своей опоры идей. Безотчетность этого увлеченія обнаруживается тѣмъ, что оно ведетъ читателя вовсе не туда, куда расчитывалъ г. Паплонскій. Могъ ли онъ ожидать, что своимъ вниманіемъ къ Копитаровымъ пролегаменамъ онъ только компрометтируетъ ихъ въ глазахъ читателя? А между тѣмъ это такъ, потому что читатель имѣетъ полное право считать ихъ какою-то безполезною роскошью учености, словохотливостью безъ цѣли, пожалуй, пустословіемъ, какъ скоро найдетъ ихъ вмѣстѣ съ г. Паплонскимъ вовсе безъ значенія для спеціальнаго вопроса о памятникѣ непосредственно. Но такая оцѣнка сколько не выгодна для Копитара, столько-же была бы неправильна и несправедлива, потому что она видитъ въ Копитарѣ только филолога тамъ, гдѣ онъ былъ представителемъ и двигателемъ общаго духа славянскаго образованія, и гдѣ онъ имѣетъ значеніе и оказываетъ услугу именно въ этомъ отношеніи. Отсюда открывается, что, выставляя Копитарово мнѣніе, какъ нѣчто важное, нельзя было миновать *историческаго* взгляда безъ нарушенія истины. Кажется, у г. Паплонскаго было темное чувство историческаго значенія Копитарова взгляда: такъ объясняемъ мы себѣ возможность двухъ

противурѣчащихъ отзывовъ его о пролегоменахъ. Вопреки отчетливому сознанію *критика*, чувство, непосредственно основываясь на впечатлѣніи прямодушнаго *читателя*, не переставало говорить въ немъ, что при недостаткѣ прямой связи пролегоменъ съ вопросомъ о памятникѣ, есть другое отношеніе между ними, хотя не прямое, но тѣмъ не менѣе ощутительное, и что пролегомены, не убѣждая читателя въ мнѣніи автора о памятникѣ, тѣмъ не менѣе располагаютъ его въ пользу этого мнѣнія. Еслибы г. Паплонскій остановился на этомъ противорѣчіи и отдалъ себѣ отчетъ о взаимныхъ отношеніяхъ между этими двумя взглядами на Копитара, изъ которыхъ каждый справедливъ въ своемъ особенномъ значеніи, онъ долженъ бы былъ попасть на историческую точку зрѣнія. И тогда эта часть сочиненія получила бы совсѣмъ другой вѣсъ въ глазахъ читателей: она не была бы лишена результатовъ, какіе обыкновенно пріобрѣтаются историческимъ изученіемъ и какіе мы старались извлечь для распространенія ученаго духа и для освобожденія его отъ увлеченій. Безъ историческаго же взгляда пролегомены, какъ и все сказанное по поводу ихъ, составляютъ нѣкоторое пріобрѣтеніе какъ для нашей литературы, такъ и для сочиненія г. Паплонскаго, — но приращеніе неорганическое, которое не развилось изъ самостоятельнаго сознанія связи всего этого съ заданнымъ вопросомъ. Слѣдуя собственному убѣжденію, г. Паплонскій помѣстилъ свои мысли по поводу пролегоменъ на концѣ сочиненія, въ примѣчаніяхъ, а не на первомъ планѣ сочиненія, какъ у Копитара, для того, какъ говоритъ онъ, «чтобы не удаляться отъ главнаго предмета». Вотъ это черта самостоятельности критика. Еще одинъ самостоятельный шагъ — и мысли по поводу пролегоменъ, какъ и сами они, были бы вовсе исключены изъ сочиненія, какъ предметъ, для котораго не довольна помѣстительна рама палеографическаго изслѣдованія о памятникѣ.

Въ отношеніяхъ г. Паплонскаго ко взгляду Ганки не

могло произойдти такихъ затрудненій, какъ въ отношеніи къ Копитару; потому что во взглядѣ Ганки все направлено къ рѣшенію вопроса о древности памятника. Г. Ганка доказываетъ свое мнѣніе, какъ мы видѣли, исторически—послѣсловіемъ и сличеніемъ его съ преданіями и фактами исторіи, и филологически—употребленіемъ словъ, грамматическими формами и правописаніемъ. Тутъ критикъ, по-видимому, скорѣе могъ бы опасаться упрековъ за недостатокъ вниманія, чѣмъ за излишекъ его по причинѣ увлеченія авторитетомъ, — и все-таки, смотря на добросовѣстность, съ какою г. Паплонскій входитъ въ разборъ Р. Е. для повѣрки взгляда Ганки, мы готовы сказать, что онъ трудится не столько по строгому сознанію необходимости этого разбора, сколько потому, что вызванъ былъ на это мнѣніями г. Ганки, которымъ не хотѣлъ отказать во вниманіи по причинѣ уваженія, какимъ онѣ пользовались. По нашему мнѣнію, чтобы не взять на себя лишняго труда, надобно бы прежде спросить: въ какой мѣрѣ годятся тѣ или другіе факты для рѣшенія вопроса о времени и мѣстности рукописи? И не нужно ли нѣкоторые изъ нихъ прямо отстранить, какъ не ведущіе къ цѣли, безъ дальнѣйшаго разбора?

Разборъ г. Паплонскаго начинается выпискою мѣсяцослова Р. Е.: объ этой части сочиненія скажемъ послѣ. За тѣмъ слѣдуютъ выписки изъ Кирилловской части Р. Е. параллельно съ Остромировскимъ текстомъ: изъ этого сравненія выводится заключеніе, что въ обоихъ спискахъ одинъ и тотъ-же переводъ, но съ нѣкоторыми отмѣнами въ чтеніяхъ. Теперь спрашивается: какъ произошли эти отмѣны? И которыя чтенія древнѣе — Остромировскія или Реймскія? Держась строго главной задачи — вопроса о древности списка, этотъ вопросъ можно бы и миновать; но г. Паплонскій подробно входитъ въ разборъ разнословій между обоими списками. Здѣсь встрѣчается съ чехизмами г. Ганки, и опровергаетъ ихъ всѣ безъ исключенія. Обыкновенно онъ раздѣлывается съ ними коротко,

такъ какъ они выставлены г. Ганкою безъ доказательствъ; но надобно отдать справедливость критику: въ его отрицаніяхъ нерѣдко несравненно болѣе положительнаго, чѣмъ въ отрицаемыхъ имъ мнѣніяхъ. Безъ отношенія къ мнѣніямъ г. Ганки, результаты сравненія разныхъ чтеній у г. Паплонскаго также большею частію или отрицательные, или весьма нерѣшительные. Такъ онъ нерѣдко оканчиваетъ сравненіе тѣмъ, что не находитъ никакого основанія считать одно чтеніе древнѣе другаго, или утверждаетъ, что оба чтенія одинаково древни, потому что оба встрѣчаются въ древнихъ памятникахъ или даже въ одномъ и томъ-же древнемъ памятникѣ. Такіе результаты, конечно, не богаты содержаніемъ; но за то имѣютъ въ свою пользу умѣренность, и едвали не болѣе оправдываются тѣми данными, на которыхъ основываются, чѣмъ въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ авторъ отваживается на выводы болѣе рѣшительные. Такъ, находя нѣкоторыя чтенія Реймскаго Евангелія у Нестора, г. Паплонскій воображаетъ, что это сильно говоритъ въ пользу древности памятника, какъ-будто древнія чтенія не могли сохраниться и не сохранились дѣйствительно въ позднихъ спискахъ, напр. XIV вѣка и даже позднѣе. Въ объясненіи происхожденія разныхъ чтеній изъ народныхъ нарѣчій писцовъ — таже шаткость: по большой части авторъ объявляетъ нерѣшеннымъ и даже нерѣшимымъ, должно ли приписать извѣстное чтеніе текста какому-нибудь нарѣчію исключительно? потому-что употребленное въ этомъ чтеніи слово ныиѣ принадлежитъ, или могло принадлежать въ древности, многимъ или даже всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ. Если г. Паплонскій въ заключеніе этого трактата, будто бы на основаніи его, заключаетъ, что въ переписке Реймскаго Евангелія участвовали Сербъ и Русскій, то, кажется, это основано на видоизмѣненіяхъ словъ въ грамматическихъ формахъ и въ правописаніи, на которыя въ этомъ трактатѣ обращено вниманіе мимоходомъ, а не на лексикографической замѣнѣ выраженій подлинника сло-

вами изъ народнаго нарѣчія писцовъ. Послѣ трактата г. Паплонскаго можно даже усомниться, есть ли возможность доказать въ варіантахъ текста примѣсь стихій народныхъ славянскихъ нарѣчій? Не должно ли, напротивъ, ограничить задачу лексикографическаго разбора текстовъ только отыскиваніемъ «тождества основы», какъ это показано въ статьѣ г. Бередникова (въ Ж. М. Н. Пр. Ч. LV Отд. II. стр. 224)?

Слѣдуетъ разсмотрѣть анализъ грамматическихъ формъ. Онъ сдѣланъ по образцу Остромировской грамматики и весьма подробно. Такой чести Реймское Евангеліе заслуживало развѣ потому только, что считалось древнѣе Остромирова Евангелія. Дѣйствительно, значеніе грамматическаго анализа указано только въ отношеніи къ этому преувеличенному мнѣнію: онъ показываетъ, какъ далеки отъ Остромировской правильности формы Реймскаго Евангелія, и г. Паплонскій довольно снисходительно заключаетъ, что онѣ никакъ не древнѣе XI вѣка. Впрочемъ, это мнѣніе о формахъ относится не къ нимъ собственно, а къ ихъ правописанію, и потому ихъ относительная древность можетъ быть опредѣлена только въ связи съ остальнымъ правописаніемъ. Что же касается немногихъ особенныхъ формъ, независящихъ отъ правописанія, то древность ихъ разсматривается только въ отношеніи къ нимъ самимъ, а не для опредѣленія древности списка. Въ такомъ смыслѣ разсмотрѣны формы: *отидоу*, *обрѣтоу* и под., сколько это требовалось для отрицанія мнѣнія г. Ганки. Другія же замѣчательныя уклоненія отъ чистыхъ церковно-славянскихъ формъ, каковы весьма немногія: *оуптахоуть*, *родивыся*, поставлены на своемъ мѣстѣ безъ всякихъ замѣчаній. Въ разсужденіи правильности грамматическаго анализа, мы встрѣтили только одинъ промахъ, замѣчательный по своему происхожденію: форму *идоша* г. Паплонскій принялъ за форму несовершеннаго времени, вмѣстѣ съ *идяахоу*. Въ этомъ виновато, кажется, натуральное знаніе церковнаго языка, для котораго (знанія) окон-

чаніе совершеннаго времени не довольно уже ощутительно, потому что оно въ Русскомъ языкѣ весьма давно уже замѣнено (не совсѣмъ грамматически) предлогами: *пошли, ушли.* Такой-же образчикъ натуральнаго знанія представляетъ форма: *присягаша* въ заглавіи Р. Е., сочиненномъ г. Ганкой.

До сихъ поръ мы разсматривали тѣ части сочиненія г. Паплонскаго, гдѣ онъ шелъ по слѣдамъ своихъ предшественниковъ: теперь возвратимся къ пропущенной нами части, гдѣ онъ беретъ въ разсмотрѣніе новую сторону памятника, доселѣ еще нетронутую. Мы разумѣемъ мѣсяцословъ Реймскаго Евангелія, которымъ начинается собственное изслѣдованіе г. Паплонскаго, вслѣдъ за изложеніемъ мнѣнія Копитара и Ганки. Предметъ этотъ обработанъ, какъ извѣстно, весьма мало; поэтому не должно удивляться бѣдности результата. Вѣрнымъ пріобрѣтеніемъ остается только простое наблюденіе, что въ Реймскомъ Евангеліи «недостаетъ многихъ дней, заключающихся въ въ Остромировомъ Евангеліи, въ которомъ, въ свою очередь, выпущены 3 Декабря и 11 Февраля, находящіеся въ Р. Е.». За тѣмъ слѣдуютъ попытки сдѣлать изъ этого какое-нибудь вѣроятное заключеніе, но онѣ доказываютъ только самому автору, что всякое заключеніе было бы не вѣроятно. Кто не удовлетворится этимъ результатомъ, пусть тотъ произнесетъ свое *да* или *нѣтъ* на слѣдующія два положенія г. Паплонскаго: онъ говоритъ: «*о древности сазавской рукописи нельзя заключать изъ ея календаря*» (да, или нѣтъ?). *Самая сокращенность его, конечно, не говоритъ въ пользу древности памятника* (такъ, или нѣтъ?); «*но на этомъ нельзя еще основывать ничего положительнаго*» (что же вѣрнѣе — это, или предъидущее положеніе?).

Мы съ своей стороны, взявшись за разборъ святцевъ Реймскаго Евангелія и соединеннаго съ ними состава этого сборника, не сдѣлали бы и покушенія на подобные выводы; потому что понимаемъ нѣсколько иначе самую задачу этого труда. А какъ трудъ этотъ, и по взгляду г. Па-

плонскаго и по нашему, самъ по себѣ не можетъ рѣшить вопроса о древности Реймскаго списка, то мы не предпримемъ въ настоящемъ сочиненіи ни его самого, ни критики на опытъ г. Паплонскаго.

Приступаемъ къ самой важной части сочиненія, которою оно, по нашему мнѣнію, должно бы было начинаться, могло бы даже ограничиться безъ вреда для рѣшенія вопроса о времени и мѣстности списка Здѣсь, кромѣ мнѣній г. Ганки, труду г. Паплонскаго предшествовали въ литературѣ, какъ мы видѣли, еще два взгляда на правописаніе Реймскаго Евангелія — въ критикѣ г. Куника и въ моей. На послѣднюю г. Паплонскій сдѣлалъ по крайней мѣрѣ двѣ маленькія замѣтки *); но о критикѣ г. Куника нѣтъ и простаго упоминанія, хотя она не могла остаться ему неизвѣстною, потому что не только упоминается въ моей статьѣ, но излагается довольно обстоятельно, хотя и сжато. Г. Паплонскій предпочелъ начать свой трудъ съ того, на чемъ остановился г. Ганка, какъ-будто его взглядъ все еще оставался высшею степенью ученаго достоинства, какой достигли изслѣдованія о Р. Е., и самымъ важнымъ въ глазахъ ученой публики; послѣдовавшіе же за нимъ опыты критики какъ-будто не имѣли никакой силы въ отношеніи къ этому господствующему взгляду, ни безотносительнаго значенія для рѣшенія вопроса. Критику г. Куника мы привели выше (§ 29) и старались показать ея значеніе въ общемъ ходѣ изслѣдованій; тамъ-же показано отношеніе къ нему моей рецензіи; но чтобы читатель могъ еще положительнѣе судить обо всемъ этомъ и о дальнѣйшихъ успѣхахъ изслѣдованія въ трудѣ г. Паплонскаго, прибавлю нѣсколько словъ въ объясненіе задачи упомянутой моей критики и насчетъ способа ея выполненія.

Критика г. Куника обнаружила необходимость подверг-

(*) Объ одной изъ нихъ мы упоминали выше, на стр. 92; на-счетъ другой не стоитъ объясняться.

нуть правописаніе памятника полному анализу. Г. Куникъ показалъ въ короткихъ словахъ, что въ Р Е. есть другія особенности правописанія, кромѣ указанныхъ г. Ганкою чехизмовъ: слѣдовательно, нужно было узнать подробно, въ чемъ состоятъ орѳографическія особенности памятника? Онъ далъ замѣтить, что самые чехизмы г. Ганки съ одинаковымъ правомъ можно почитать или руссизмами или сербизмами: стало-быть надобно было разсмотрѣть, какой выговоръ, какіе звуки обнаруживаются въ употребленіи буквъ, отступающемъ отъ правильнаго привописанія? То-есть надобно было прежде всего сдѣлать филологическій анализъ памятника: это только я и предпринялъ въ своей рецензіи: цѣлью ея было приготовить матеріалъ для дальнѣйшихъ соображеній, то-есть извлечь его изъ текста и привести въ такой видъ, въ которомъ онъ могъ-бы годиться для дальнѣйшихъ соображеній Эти дальнѣйшія соображенія должны были показать, какому нарѣчію можетъ принадлежать выговоръ, обнаруживающійся въ томъ или другомъ употребленіи буквъ въ Р. Е., и въ какое время тотъ или другой выговоръ, найденный въ Р. Е., обнаруживался въ церковной литературѣ такимъ-же употребленіемъ буквъ? Этого я вовсе не бралъ на себя, потому и не назвалъ ни одной особенности, найденной въ Р. Е, именемъ разряда, къ которому она принадлежитъ, а только выставилъ самыя особенности. Я позволилъ себѣ только имѣть въ виду отношеніе этихъ особенностей къ мнѣнію г. Ганки, сообразно съ поводомъ, по которому написана моя рецензія; но и въ этомъ отношеніи я не предполагалъ довести вопросъ до окончательнаго рѣшенія. Если же результатъ моей рецензіи вышелъ въ этомъ отношеніи свыше моихъ предположеній, то это зависѣло отъ свойства самаго правописанія Р. Е. Нѣкоторыя особенности его такъ прямо напоминаютъ позднѣйшія времена церковной литературы, что подобное заключеніе выходило само собою. Такъ, въ общемъ составѣ азбуки окаался недостатокъ четырехъ (почти пяти) начертаній, именно: ъ, ѣ,

ѩ и ѭ (ю встрѣчается только три раза), противъ состава, сохранившагося въ первыя столѣтія извѣстной намъ церковной литературы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, употребленіе сложныхъ начертаній: ѡ, ѿ, ѱ, ѣ, и надстрочныхъ знаковъ было такъ-же не въ пользу предполагаемой древности памятника. Но еще положительнѣе оказалось противорѣчіе взгляду г. Ганки въ употребленіи буквъ со стороны выговора. Прослѣдивъ употребленіе важнѣйшихъ буквъ, я нашелъ въ Р. Е. такія разнородныя отступленія отъ правильнаго правописанія, что еслибы одно изъ нихъ принадлежало Моравскому писцу, то другое не могло принадлежать ему. Такъ, въ употребленіи буквы ь ничего не нашлось въ подтвержденіе вліянія чешскаго выговора e (= цсл. ъ); потому что въ безразличномъ употребленіи этой буквы разные выговоры условно или механически подведены подъ одинъ уровень; но въ тоже время подъ этимъ уровнемъ нельзя было не замѣтить ясныхъ слѣдовъ различія между ъ и ь, не въ смыслѣ церковнославянскихъ полугласныхъ, а въ смыслѣ знаковъ грубаго и тонкаго выговора согласныхъ (таковъ выговоръ ь въ словахъ ѣаздѣигноуть неопред. накл., радостьѭ, маѓеѭ и пр.). Столь же рѣшительно различіе между ы и и, и въ тоже время встрѣчается ы вмѣсто и. ѧ употребляется въ однихъ случаяхъ за ѩ, а въ другихъ за ѥ или ѣ, послѣднія и обратно; и въ тоже время вмѣсто ѧ ставится еще ѫ. Употребленіе ѫ за оу и ю и обратно, такъ смѣшанно, что попытка объяснить, какъ одно искаженіе слѣдовало за другимъ, не могла быть удовлетворительною; но то осталось несомнѣннымъ, что такое смѣшеніе не могло произойдти изъ церковнаго правописанія посредствомъ измѣненія его только однимъ писцомъ по своему народному выговору. Тоже показываютъ нѣкоторые отдѣльные примѣры: такъ, если чешскій писецъ измѣнилъ церковнославянскую форму сѣзади на сѣзадоу по своему нарѣчію, то ему не было надобности измѣнять эту послѣднюю на сѣзаждоу, какъ встрѣчается однакожъ въ Р. Е. Сравнивая употребленіе

разныхъ буквъ, также нельзя было придти къ иному заключенію. Такъ рѣшительное употребленіе ж вмѣсто жд составляетъ совершенную противоположность исключенію ера. — Послѣ всего этого, мнѣ кажется, я имѣлъ бы право сказать гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ это сказано мною (см. выше, стр. 141), что въ правописаніи Р. Е. смѣшаны разныя стихіи, внесенныя писцами разныхъ нарѣчій, которые, одинъ въ-слѣдъ за другимъ, переписывали одинъ и тотъ-же оригиналъ въ разныя времена.

Къ какимъ же *именно* разрядамъ принадлежатъ тѣ или другія стихіи правописанія Р. Е., и въ какомъ историческомъ порядкѣ онѣ вносились въ текстъ при каждой новой переписке? Это составляетъ задачу дальнѣйшаго изслѣдованія послѣ моей рецензіи. Такимъ образомъ процессъ разбора правописанія, являющійся въ другихъ случаяхъ сомнутымъ, или въ однихъ результатахъ, здѣсь раздѣлился на два пріема, изъ которыхъ каждый требуетъ особеннаго порядка изложенія пріобрѣтеннаго матеріала. Разнородность стихій правописанія всего лучше обнаруживается сближеніемъ разныхъ видовъ употребленія каждой буквы за другія и замѣны ея другими, какъ мы сейчасъ сдѣлали, слѣдуя такому-же порядку изложенія, хотя и не со всею строгостью выполненному въ моей рецензіи. Но для объясненія задачи послѣдняго пріема этотъ порядокъ неудобенъ, потому что здѣсь разнородныя стихіи ставятся рядомъ безъ различія, слѣдуя алфавитному или другому какому либо порядку, въ какомъ разсматриваются буквы. Чтобы судить объ историческомъ порядкѣ, въ какомъ стихіи разныхъ нарѣчій вносились писцами, надобно совокупить другъ съ другомъ однородныя по разряду особенности употребленія разныхъ буквъ, и образовавшіяся при этомъ отдѣльныя группы расположить однѣ за другими на основаніи отношеній, какія окажутся между ними въ разсматриваемомъ спискѣ. Въ высшей степени успѣшнымъ было бы такое разложеніе тогда, когда бы удалось посредствомъ его вполнѣ возстановить видъ текста при каж-

дой новой перепискѣ его, что̀, безъ сомнѣнія, возможно только въ большей или меньшей степени, приблизительно. При разборѣ Р. Е. прежде этого историческаго разложенія стихій можно повторить и первоначальный анализъ съ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать его полнѣе, чѣмъ было сдѣлано въ моей рецензіи, которая составлена безъ претензій на полноту и оконченность.

Г. Паплонскій повторяетъ въ своемъ разборѣ правописанія только первоначальный анализъ, но старается рѣшить имъ задачу окончательнаго изслѣдованія въ означенномъ нами смыслѣ. По нашему мнѣнію, путь этотъ не надеженъ; но — будемъ судить по выполненію.

Объемъ разбора правописанія у г. Паплонскаго одинаковъ съ нашею рецензіей, какъ видно изъ пяти пунктовъ его оглавленія, въ которыхъ стоятъ тѣже буквы, которыя разсмотрѣны были нами. Но если прибавить къ этому замѣчанія, разсѣянныя въ предъидущихъ частяхъ сосочиненія, то разборъ этотъ, въ общей совокупности, будетъ значительно полнѣе нашего, хотя и онъ еще не исчерпываетъ всего матеріала, представляемаго текстомъ. Кромѣ того, и въ границахъ нашей рецензіи онъ увеличенъ нѣкоторыми частностями, которыя не вошли въ наше обозрѣніе. Къ числу такихъ пополненій относится напр. замѣтка объ употребленіи о вмѣсто обыкновеннаго ѧ или правильнаго ъ, въ словахъ: миромѧ, костоцѣ(?), рожтвомѧ. Въ объясненіяхъ иногда встрѣчается повтореніе сказаннаго въ нашей рецензіи, чего мы впрочемъ не думаемъ называть заимствованіемъ, а принимаемъ, напротивъ, только за подтвержденіе нашихъ мыслей, и за удостовѣреніе въ томъ, что мы иногда мѣтко попадали на настоящую точку зрѣнія, такъ что ея не могутъ миновать другіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчаются соображенія оригинальныя, принадлежащія автору исключительно, и вообще разбору г. Паплонскаго нельзя отказать въ самостоятельности и въ основательности. Скажемъ однакожъ откровенно, что, по нашему мнѣнію, авторъ не вездѣ, гдѣ было нужно, выдер-

жалъ съ надлежащею силой стремленіе объяснить, какимъ образомъ — то-есть по какому выговору и изъ какихъ формъ оригинала образовалось то или другое правописаніе въ Р. Е.? Этому недостатку мы приписываемъ неопредѣленность заключенія объ исключительномъ употребленіи ѣ, которое г. П. приписываетъ восточной вѣтви славянскихъ нарѣчій. При этой неопредѣленности изъ объясненія буквы ѣ нельзя сдѣлать употребленія при окончательномъ сужденіи о разрядѣ правописанія Реймскаго списка, а между тѣмъ нельзя и пропустить этого употребленія. Въ словахъ: поустыноу, поклонѫсѧ, посѣлоу, авторъ вовсе отказывается видѣть вліяніе выговора, не прибавляя ничего для объясненія, какимъ образомъ произошло это правописаніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаруживается наклонность объяснять странныя формы описками. По нашему мнѣнію, это позволительно только тогда, когда дѣло идетъ о формахъ, во всякомъ случаѣ незначительныхъ; но когда разсматриваемыя формы могутъ быть характеристическими признаками извѣстнаго разряда правописанія, тогда объясненіе ихъ описками по одному подозрѣнію, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, не можетъ быть допущено. Отмѣтивъ въ своей рецензіи: ѥѫ, ѫзыкъ, сѫ, какъ значительныя формы, мы объявили остальныя этого рода формы описками или опечатками, присовокупивъ къ тому ошибочное употребленіе ѫ вмѣсто ж: при всемъ томъ мы предпочли выразить это мнѣніе, какъ чистое подозрѣніе, для подтвержденія котораго нѣтъ положительнаго основанія. У г. Паплонскаго въ подобныхъ подозрѣніяхъ столь-же мало основаній, и однако онъ утверждаетъ, что ныѣже, ѥрлимѣ, (вм їер..., или иер...), ѥѫ, — описки или опечатки. Послѣдняя форма поставлена однако и въ числѣ значительныхъ формъ правописанія вмѣстѣ съ двана-десѫть и съ приведенными выше; но остальные примѣры этого рода не замѣчены, какъ кажется, потому, что г. Паплонскій при разборѣ правописанія употреблялъ изданіе г. Ганки, а не литографированное. Чѣмъ бы ни казались

эти странныя формы, описками или опечатками, или значительными особенностями правописанія, во всякомъ случаѣ нельзя миновать ихъ, чтобы достигнуть окончательной развязки спорнаго вопроса. За тѣмъ, немногія остальныя формы правописанія, которыя не вошли въ разборъ г. Паплонскаго, читатель можетъ замѣтить при полномъ перечнѣ ихъ, который мы представимъ ниже Разсмотрѣнныя же особенности правописанія Р. Е достаточно показываютъ, что въ немъ есть стихіи Сербскія, Русскія и поздніе Болгарскія. Это наименованіе стихій по народнымъ нарѣчіямъ, къ которымъ онѣ принадлежатъ, составляетъ дальнѣйшій успѣхъ изслѣдованія, въ сравненіи съ моей рецензіей. Мораво-чешскихъ стихій въ правописаніи Р. Е. г. Паплонскій не находитъ, и мнѣнія г. Ганки опровергаетъ, какъ и прежде, довольно положительно.

Но выводъ, сдѣланный самимъ авторомъ изъ разбора правописанія, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ тому, что мы нашли въ самомъ разборѣ. Авторъ заключаетъ будто-бы на основаніи этого разбора, что Кирилловская часть Реймскаго Евангелія, написанная на Болгарскомъ языкѣ, переписывалась *сперва* въ Сербіи, а *потомъ* въ Россіи. Гдѣ же основанія для этой хронологической классификаціи? Въ ходѣ изслѣдованія мы видѣли только разпредѣленіе стихій по разрядамъ; но объ исторической послѣдовательности, въ какой онѣ вносились въ переписываемый текстъ, до сихъ поръ не было ни слова, и самый способъ изложенія, принятый авторомъ, этому не могъ благопріятствовать, какъ замѣчено выше. Изъ хода изслѣдованія не видно даже, можно ли найдти въ правописаніи, въ самыхъ отношеніяхъ между разными стихіями, какое-нибудь основаніе для твердаго хронологическаго размѣщенія ихъ, и читателю остается неизвѣстно, почему авторъ ставитъ однѣ изъ нихъ *сперва*, а другія *потомъ*, а не наоборотъ. Показать это было однакожъ необходимо, потому что съ перваго взгляда кажется вѣроятнѣе поставить русскія и сербскія стихіи въ обратномъ отношеніи, потому что исключительное

употребленіе ѧ вмѣсто ъ, о которомъ г. Паплонскій отозвался такъ глухо, не свойственно русскому правописанію, но обыкновенно въ сербскомъ. Копитаръ, для котораго такъ ясно было, что списокъ Р. Е. — Русскій, напрасно не позаботился дать наставленіе на счетъ этого ѧ тому русскому Строеву, которому поручалъ оправданіе своего взгляда. Съ своей стороны г. Паплонскій предоставилъ объясненіе этого ѧ, вѣроятно, поклонникамъ Копитара.

Къ какому времени принадлежитъ послѣдній списокъ Р. Е.? Для рѣшенія этого вопроса, авторъ признаетъ два средства: «филологическое изслѣдованіе и историческое свидѣтельство» (послѣсловіе), и за тѣмъ прибавляетъ: «Второе указываетъ на XI вѣкъ, а первое ему *не противорѣчитъ*». Не противорѣчитъ! Но не самъ ли авторъ, въ продолженіе всего изслѣдованія, преслѣдовалъ мнимыя доказательства древности, указывалъ на порчу правописанія, которая далека отъ Остромировской правильности, находилъ даже позднѣйшіе болгаризмы? Ужели это не противорѣчіе? — Напрасно было бы предполагать, будто автору неизвѣстно правописаніе XI вѣка: онъ самъ приводитъ многіе древніе памятники въ своемъ сочиненіи. Прямое свидѣтельство послѣсловія съ богатою обстановкою его историческими фактами, авторитетъ Ганки, преувеличенный мнѣніемъ большинства (можетъ быть, нѣкоторыя обстоятельства внѣшней исторіи памятника) — вотъ что остановило послѣдній шагъ къ результату, къ которому велъ весь ходъ изслѣдованія. Съ другой стороны, запальчивая полемика Копитара, но столько же уклончивая и безотчетная, не могла подорвать ни довѣрія къ послѣсловію, ни внушить довѣрія къ филологическому изслѣдованію безъ всякой другой опоры. Дальнѣйшее же движеніе вопроса или осталось автору неизвѣстно, или не признано важнымъ: легко можетъ быть, что автору казалось невѣроятнымъ, чтобы вопросъ у кого-нибудь ушелъ далѣе, чѣмъ у Копитара и Ганки. Благодаря вліянію этихъ властите-

лей судьбы вопроса, авторъ хочетъ отказаться отъ своего филологическаго изслѣдованія — въ пользу послѣсловія. Но послѣ самостоятельнаго и добросовѣстнаго изслѣдованія правописанія уже не такъ легко уничтожить его значеніе однимъ голословнымъ приговоромъ. Въ отзывѣ самого автора послѣсловіе не только не получаетъ никакого подкрѣпленія, но теряетъ и тѣ скудныя и шаткія опоры, какими снабжено было прежде. Кто не вництъ, что филологическое изслѣдованіе, по мнѣнію автора, *только-что* не противорѣчитъ послѣсловію? А это значитъ, что послѣсловіе ничего не имѣетъ въ свою пользу въ филологической сторонѣ памятника. Но и объ отсутствіи противорѣчія авторъ замѣтилъ сухо, одною фразой, и не только не взялся подтвердить этого сличеніемъ правописанія Р. Е. съ памятниками XI вѣка, но оставилъ безъ объясненія даже явныя противорѣчія этого замѣчанія съ своимъ изслѣдованіемъ. Любопытно видѣть, признаютъ ли въ г. Паплонскомъ защитники послѣсловія своего новаго союзника?

Не пріобрѣло ли послѣсловіе какого-нибудь подтвержденія у г. Паплонскаго въ характеристикѣ разряда послѣдней переписки? — Признавая списокъ Р. Е. русскимъ, онъ допускаетъ изъ уваженія къ послѣсловію, что списокъ этотъ перешелъ потомъ въ Богемію и, можетъ быть, былъ переписанъ св. Прокопіемъ или другимъ Чехомъ, но въ XI же вѣкѣ, хотя и нѣтъ орѳографическихъ слѣдовъ этой послѣдней переписки. Надобно согласиться, что переселеніе русскаго списка въ Богемію въ такое время, когда сами Русскіе, вѣроятно, были несравненно богаче южнославянскими рукописями, чѣмъ своими списками, далеко не такъ вѣроятно, какъ чешскій списокъ съ оригинала, принесеннаго изъ Болгаріи, какъ полагалъ г. Ганка. И однако же защитники послѣсловія должны промѣнять изглядъ г. Ганки на менѣе вѣроятное мнѣніе г. Паплонскаго; потому что русская переписка въ Р. Е. — фактъ, доказанный г. Паплонскимъ осязательно, — фактъ, котораго не

обойдешь никакимъ послѣсловіемъ. Изъ этого выходитъ слѣдующее заключеніе: чѣмъ строже вниманіе къ правописанію, тѣмъ невѣроятнѣе оказывается послѣсловіе, тѣмъ труднѣе становится согласить съ нимъ филологическіе результаты. Трудъ г Паплонскаго, какъ не удавшійся опытъ этого примиренія, и по добросовѣстности филологическаго изслѣдованія, и по уваженію автора къ послѣсловію, — можетъ служить убѣдительнымъ тому доказательствомъ.

Не знаемъ, согласится ли съ нами въ этомъ авторъ; но его сочиненіе во всякомъ случаѣ оканчивается отрицательнымъ результатомъ, и слѣдов. не рѣшаетъ окончательно вопроса. По ходу прежнихъ изслѣдованій, задачею новаго было повѣрить извѣстіе послѣсловія независимымъ выводомъ изъ филологическаго разбора: а авторъ предоставилъ опредѣлить время списка — одному послѣсловію. Что можетъ значить одно отсутствіе противорѣчія? Оно очевидно предполагаетъ уже готовую мысль и только допускаетъ ее, но само по себѣ не ведетъ къ ней. Отнимите послѣсловіе, — и никакая логика не найдетъ XI вѣка въ правописаніи, котораго характеръ — отсутствіе противорѣчія. Что же говоритъ само правописаніе въ разсужденіи времени? Имѣетъ ли оно какіе-нибудь отличительные признаки времени, или такъ обоюдно, что можетъ принадлежать не одному XI вѣку, или даже болѣе другому вѣку, чѣмъ XI-му? Замѣтка автора объ отсутствіи противорѣчія только возбуждаетъ эти вопросы, но нимало не объясняетъ. Но не достигая окончательнаго результата, изслѣдованіе г. Паплонскаго тѣмъ не менѣе есть шагъ впередъ; обратное же движеніе, какъ мы видѣли, стало труднѣе; даже слабая сторона автора не безъ значенія въ общемъ ходѣ изслѣдованій: это успѣхъ, какой въ ученой исторіи Р. Е. дался не многимъ.

II.

АНАЛИЗЪ ПРАВОПИСАНІЯ РЕЙМСКАГО ЕВАНГЕЛІЯ.

§ 33.

Скучное и безотрадное дѣло, тяжкій и неблагодарный трудъ — подымать избитые и обезславленные вопросы! Кромѣ трудности предмета, вамъ угрожаетъ еще предубѣжденіе, котораго, при всемъ упорствѣ его, вы не можете порицать безусловно, противъ котораго вы почти даже безоружны. Не должны ли наскучить читателямъ безконечные споры безъ результата? Можно ли довѣрять средствамъ, которыя съ давнихъ поръ были испытываемы, но безъ успѣха? Не довольно ли этого, чтобы причислить вашъ вопросъ къ нерѣшимымъ и годнымъ для занятія лишь празднаго остроумія?... Но чѣмъ труднѣе борьба, тѣмъ славнѣе побѣда: въ силу этого положенія, сообразивъ трудности предмета, вы тѣмъ болѣе дорожите вѣрнымъ результатомъ, тѣмъ больше разсчитываете на его пріобрѣтеніе. Напрасныя надежды! Всѣ возможные способы рѣшенія вопроса уже перепробованы по догадкамъ, и вы увидите, что ваше открытіе дѣйствительно предупреждено,—и ваши изысканія

могутъ, въ результатѣ, развѣ только обмануть ожиданія читателя — открытіемъ того, что давнымъ-давно ему извѣстно. Болѣе опытные читатели, которымъ уже довольно знакомы впечатлѣнія попытокъ рѣшать подобные вопросы, будутъ еще менѣе благосклонны: въ ихъ глазахъ самымъ покушеніемъ на подобный трудъ можно себя компрометировать. Русскимъ читателямъ не трудно припомнить точь-въ-точь такое состояніе одного ученаго вопроса въ нашей литературѣ.

Кто знаетъ: не таковъ ли наконецъ и вопросъ о Рейнскомъ Евангеліи? Мы видѣли, что самые преданные почитатели его, послѣ многолѣтнихъ изысканій, поощряемыхъ безпощадною и зоркою полемикой, бросили наконецъ памятникъ, какъ-будто нѣтъ для него ни мѣста ни значенія въ исторіи литературы, ни возможности опредѣлить то и другое съ какой-нибудь вѣроятностью. Можно ли съ увѣренностью расчитывать на довѣріе читателей новому изслѣдователю, когда ветераны славянской филологіи, припявшіе памятникъ подъ свое покровительство съ самаго появленія его въ свѣтъ, отказались отъ этого труда, какъ неспоспимаго или безполезнаго? Послѣ столькихъ неудачъ легко ли теперь еще разъ пріобрѣсть вниманіе читателей, когда они всего скорѣе расположены видѣть въ новомъ изслѣдованіи какія-нибудь палеографическія мелочи, которыя при помощи ловкой діалектики могутъ сдѣлать въ нѣкоторой степени вѣроятнымъ только личное мнѣніе изслѣдователя, представить въ выгодномъ свѣтѣ его остроуміе, но не рѣшить неразрѣшимаго вопроса? Если же и удастся убѣдить читателя въ искренности своего стремленія и въ объективной строгости своихъ соображеній, изслѣдователю остается еще съ сомнѣніемъ ожидать, признаютъ ли за нимъ въ результа-

тѣ какую-нибудь ученую заслугу? Прошу удержаться отъ догадокъ на счетъ самолюбія автора и обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства. Вамъ уже извѣстно, въ какой мѣрѣ истощены предположенія о Реймскомъ Евангеліи: временемъ происхожденія его по очереди назначали девятое (у Копитара), одиннадцатое (у Копитара и у Ганки), двѣнадцатое (у Легисъ-Гликзелиха), тринадцатое (у Зелепецкаго (*)) и четырнадцатое (у Копитара) столѣтія; мѣстомъ происхожденія — Паннонію, Богемію, Далмацію, Кіевъ и Россію вообще, безъ ближайшаго опредѣленія. Одному Копитару принадлежитъ чуть не половина всѣхъ этихъ предположеній, покуда онъ не остановился, и, по видимому, не всегда, на происхожденіи памятника въ Россіи. Говоримъ: *по видимому*, потому что за твердость мнѣній Копитара ручаться невозможно. Послѣ словохотнаго предисловія къ Парижскому изданію, въ которомъ онъ, впрочемъ не словохотно, высказалъ это мнѣніе, съ краткимъ указаніемъ только на форму *Янъ* въ лѣтописи Нестора, въ другомъ мѣстѣ онъ какъ-будто опять отказывается отъ своего мнѣнія, стараясь разширить опредѣленный смыслъ названія памятника *Русскимъ*, прибавкою другаго названія: *Задунайскій* (transdanubiansch). «Судя по *палеографическимъ* и *филологическимъ* признакамъ», говоритъ онъ въ Wien. Zeit. 1844. № 31, «этотъ отрывокъ (Р. Е.) принадлежитъ *Трансданубіанскому*, *Русскому* кодексу XIV вѣка». По смыслу этихъ выраженій, имя *Русскихъ*, простираясь до Дуная, становится такъ обширно, что можетъ означать и *не-русскихъ*. Стало быть, *русскій* памятникъ значитъ у Копитара и

(*) Въ соч. *О языкѣ и. славянскомъ* и пр. Одесса, 1846. Стр. 74, 75. Впрочемъ, Р. Е. поставлено здѣсь такъ, что его нельзя строго причислять ни къ XIII, ни къ XIV вѣку, не должно ли, м. б., помѣстить его *между* XIII и XIV в.?...

не-русскій; стало быть, послѣднее мнѣніе его рушится отъ собственнаго противорѣчія.... Кто знаетъ: можетъ быть, неизданныя бумаги Коппитара откроютъ новое продолженіе его мнѣній, которыя займутъ остальные пункты въ исторіи церковной литературы, на которые не успѣлъ еще указать по поводу Реймскаго Евангелія, такъ-что позднѣйшій критикъ памятника, волею или неволею, долженъ будетъ попасть на одно изъ прежнихъ мнѣній. Удивительно ли послѣ этого, если добросовѣстному критику памятника, не смотря на самостоятельность его труда, великодушно предоставятъ честь — оправдать геніальную догадку какого-нибудь досужаго фантазёра и утвердить за нею славу геніальности?! Только немногіе спеціальные ученые, знакомые съ подобными изслѣдованіями по собственнымъ опытамъ, могутъ понимать, что догадки, какъбы мѣтки ни оказались онѣ въ послѣдствіи, не составляютъ пріобрѣтенія для науки, покуда онѣ—чистыя догадки; что для филологіи важно не угадать результатъ, а вывести его и доказать, и что самый *процессъ вывода*, даже частный опытъ этого труда, не достигающій окончательнаго результата, но безукоризненный по выполненію, несравненно важнѣе самого результата, угаданнаго по какому-нибудь таинственному наитію. Большинство читателей не можетъ оказать столько справедливости: оно дорожитъ окончательнымъ результатомъ независимо отъ вывода, мало цѣнитъ послѣдній, и если въ первомъ найдетъ одинъ изъ прежнихъ взглядовъ, какъ бы онъ ни былъ прежде гадателенъ, оно почтетъ себя въ правѣ произнести автору свой рѣшительный приговоръ, свойственный quasi-филологамъ: *Что жъ тутъ новаго? Это мы и безъ него давно знали....*

Я взялся за дѣло безъ всякихъ расчетовъ на впеча-

тлѣніе, не разбирая трудностей и не заботясь о объемѣ, какой долженъ будетъ принять разборъ правописанія памятника Я вовсе не обращалъ вниманія на случайныя условія нынѣшняго состоянія вопроса; а соображая однѣ существенныя требованія ученой основательности, я могъ надѣяться удовлетворительно окончить дѣло на какихъ-нибудь 16 страницахъ. И теперь я не считаю этого невозможнымъ: вѣдь есть же описанія памятниковъ въ двѣ, три страницы, на которыя не жалуются однако за неудовлетворительность, и которыя въ самомъ дѣлѣ достаточно характеризуютъ памятники и опредѣляютъ время и мѣсто ихъ происхожденія Все зависитъ отъ мѣткости взгляда, съ перваго разу попадающаго на существенные признаки. Такъ можно бы поступить и съ Реймскимъ Евангеліемъ; но, къ несчастію, судьба этого памятника сдѣлала это невозможнымъ. Какъ скоро вопросъ сталъ добычею полуучености, пристрастій и легкомыслія, ограничиваться требованіями науки уже невозможно: въ противномъ случаѣ, и при успѣхѣ для самой науки, можно повредить ея успѣхамъ въ большинствѣ читателей. Надобно рѣшиться на подробный разборъ и на обширныя объясненія, не ограничиваясь существеннымъ, не пренебрегая маловажнымъ,—нужно для того, чтобы отстранить ложныя толкованія въ прежнихъ мнѣніяхъ, предупредить новыя недоразумѣнія и возраженія, и наконецъ, чтобы пріобрѣсть довѣріе къ своему изслѣдованію добросовѣстностью труда, простирающеюся до самоотверженія. Надобно разобрать *все* правописаніе памятника и каждой частности указать ея мѣсто.

Подобный разборъ есть уже жертва необходимости, обстоятельствамъ, но это еще не все. Мы видѣли, что съ вопросомъ о Реймскомъ Евангеліи связаны прежними

изслѣдователями общіе взгляды на исторію церковно-славянской литературы. Можетъ быть, каждый опытъ рѣшенія его сопровождался какими-нибудь особенностями въ общемъ взглядѣ; главныя же мнѣнія о памятникѣ сопровождались общими понятіями, различными между собою до противоположности. Разногласіе это происходило отъ того, что критики Реймскаго Евангелія въ своихъ взглядахъ, очеркахъ, дѣленіяхъ церковной литературы обыкновенно опирались на самихъ себя, брали ихъ на свою личную отвѣтственность, мало заботясь оправдать ихъ общимъ ходомъ науки и нынѣшнимъ ея состояніемъ. И вотъ источникъ непримиримаго разногласія и нескончаемой полемики: hinc illae lacrymae! Одинъ представилъ дѣленіе собственнаго изобрѣтенія, какъ дѣло ясное и не подверженное сомнѣнію. Другой не уступилъ ему ни въ самостоятельности взгляда, ни въ смѣлости своего противорѣчія первому. Оба одинаково не затрудняли себя ссылками на положительныя изслѣдованія; оба не приглашали третьяго ни въ поруки, ни въ посредники. Что же вышло? Третій явился и безъ приглашенія, но не посредникомъ, а судьею. По его мнѣнію, тоже основанному на его собственномъ авторитетѣ, соперники, въ самомъ главномъ пунктѣ своего разногласія, оба равно ничего не знаютъ. Онъ, правда, и самъ безъ претензій на знаніе; но за то, по его мнѣнію, и всѣ другіе могутъ пока развѣ только хвастаться знаніемъ, но не имѣютъ его на самомъ дѣлѣ. Остались ли наши ученые соперники довольны этимъ рѣшеніемъ, неизвѣстно; по крайней мѣрѣ, оно явилось въ литературѣ и осталось безъ протеста. Ясно, что новое изслѣдованіе о памятникѣ не можетъ избѣжать противорѣчія этимъ тремъ взглядамъ на исторію церковной литературы Одинъ изъ нихъ своимъ скептицизмомъ оста-

навлизаетъ самое покушеніе на разборъ памятника и на окончательное рѣшеніе вопроса о его древности, какъ покушеніе на невозможное. Два другіе своимъ противорѣчіемъ могутъ запутывать въ глазахъ читателя новыя объясненія правописанія памятника, если не будетъ изложенъ общій взглядъ самого критика. Должно ли, по этому, прежде разбора памятника, разобрать эти общіе взгляды на исторію церковной литературы и изложить свой собственный взглядъ, чтобы разрѣшить то противорѣчіе, въ которомъ первые остаются доселѣ?

Безъ всякаго сомнѣнія, это было бы кстати и полезно; но мы были бы въ отчаяніи, если бы должны были взять на себя—tantam componere litem. Вѣдь всѣ трое—авторитеты, съ которыми не намъ равняться въ знаніи славянщины. Къ счастію, мы можемъ замѣнить этотъ подвигъ ссылкою на общій ходъ церковно-славянскихъ изслѣдованій въ трудахъ славянистовъ, которые признаны двигателями науки. Намъ нѣтъ надобности излагать этого хода до нынѣшняго его состоянія, потому что онъ открытъ для всякаго въ литературѣ, и если, не смотря на то, являются въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ разногласія, недоразумѣнія и неразумѣніе какъ въ разсужденіи общихъ взглядовъ, такъ и въ разсужденіи методы, то объясненіе этихъ недоразумѣній не лежитъ обязанностью на спеціальномъ изслѣдованіи о памятникахъ: иначе пришлось бы начинать описаніе и характеристику каждой рукописи общими взглядами и объясненіями. Мы же съ своей стороны такъ часто ссылались на этотъ общій ходъ и по поводу собственныхъ понятій и по поводу чужихъ мнѣній, что въ нижеслѣдующемъ разборѣ правописанія Реймскаго текста почитаемъ себя въ правѣ предположить извѣстными наши понятія какъ о правильной формѣ древняго

правописанія, такъ и объ измѣненіяхъ, которымъ она подвергалась въ разныхъ вѣтвяхъ церковной литературы, равно и объ аналитической методѣ наблюденій и выводовъ. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ не отказываемся дѣлать точныя ссылки на положительныя изслѣдованія нашихъ славянистовъ, преимущественно Востокова, если это окажется нужнымъ для подверженія нашего объясненія или заключенія. Если же, при всемъ томъ, въ слѣдствіе прежняго разногласія во взглядахъ на исторію правописанія и въ понятіяхъ о методѣ разбора его снова окажутся сомнѣнія, недоразумѣнія и возраженія по поводу нашего объясненія правописанія памятника и вывода о его древности, мы не отказываемся впредь отъ изложенія всего хода церковно-славянскихъ изслѣдованій, какъ въ разсужденіи результатовъ, такъ и въ разсужденіи методы изслѣдованія. Этотъ трудъ мы готовы взять на себя тѣмъ охотнѣе, что немногіе въ этомъ родѣ опыты, по нашему убѣжденію, были до сихъ поръ неудовлетворительны, и это составляетъ одно изъ главныхъ препятствій распространенію правильныхъ филологическихъ понятій. По поводу Реймскаго Е. этотъ недостатокъ обнаружился самымъ ощутительнымъ образомъ — безуспѣшностью многолѣтнихъ усилій рѣшить вопросъ о его древности.

§ 34.

Какъ обольстительно подѣйствовало послѣсловіе на защитниковъ древности Реймскаго Евангелія, можно судить по тому, что они не замѣтили рѣзкаго противорѣчія памятника самому послѣсловію и собраннымъ ими историческимъ указаніямъ. Противорѣчіе это могло бы быть замѣчено при самомъ простомъ соображеніи, безъ

всякихъ пособій науки. По общему голосу легендъ, тщательно собранныхъ г. Ганкою, аббатъ Прокопій воспитывался въ славянской школѣ въ Вышеградѣ; эта школа славилась высокимъ состояніемъ образованія вообще, и въ особенности преподаваніемъ церковно-славянскаго языка: здѣсь получилъ св. Прокопій наставленіе въ славянской грамотѣ, знаніе которой прославляетъ въ немъ преданіе. Защитники Реймскаго Евангелія не опустили выставить на видъ это знаніе и искусство его въ книжномъ дѣлѣ. Но какъ согласить съ этимъ состояніе текста въ Реймской рукописи, которая скорѣе напоминаетъ полуграматнаго и небрежнаго писца позднѣйшаго времени, чѣмъ благочестиваго и просвѣщеннаго литератора древнихъ временъ? Всякій, кто только будетъ читать рукопись безъ предубѣжденія, съ удивленіемъ увидитъ въ этомъ миломъ трудѣ Прокопія грубыя погрѣшности, изъ которыхъ однѣ обнаруживаютъ явную небрежность, другія могутъ происходить отъ недостаточнаго знакомства съ формами церковнаго языка и заставляютъ даже предполагать какъ-бы отсутствіе природной грамматики; иныя наконецъ — и это едвали не всего чаще — предполагаютъ всѣ эти причины вмѣстѣ. Приводимъ главные примѣры Извѣстно, что уже съ довольно-древнихъ временъ синаксари писались съ разными сокращеніями и титлами, которыхъ правильное чтеніе зависѣло отъ привычки къ такимъ сокращеніямъ, и отъ предварительнаго знакомства съ ихъ содержаніемъ. Это было, безъ сомнѣнія, пробнымъ камнемъ знанія церковныхъ книгъ и церковнаго образованія тогдашнихъ грамотѣевъ. Посмотрите же, въ какой мѣрѣ опытенъ въ этомъ отношеніи писецъ нашего памятника, предоставленный оригиналомъ, съ котораго списывалъ, своей догадливости. Онъ пишетъ: стр. 3.

память стма безмздникома Коузмы и Дмиана; (стр. 53) память сѣма оцма Аѳанасиа и Кирила: видно, что писцу такъ мало извѣстно было двойственное число, или отличительная буква дательнаго такъ мало понятна, что онъ не чувствовалъ безсмыслицы, ставя за дат. родит. падежи; но, къ удивленію своему, мы находимъ такое-же безтолковое употребленіе падежей единственнаго и множественнаго числа; стр. 5. Сѣнама стуа аггла Михаилу и Гаврилу; стр. 9. стр̃ стмоу кстратиж и дроужины его; стр. 11: Память стуа г̃ отрока Ананиа Азариа и Мисаилу и Даниилу Пр̾ркж; обрѣтеніе главы стго їѡа̃на предч̃и и крстителоу. стр. 63. Въ другихъ случаяхъ недостатокъ согласованія происходитъ по видимому отъ незнакомства съ формою именъ: Память Анатолиж и Геннадіи (стр: 16); но есть случаи, изъ которыхъ видно, что писцу какъ-будто мало знакомы и формы славянскаго языка, напр. стр. 11. стаго Игнатіи богоносца. Какъ бы ни произносилъ онъ это имя въ именительномъ падежѣ, окончаніе *и* всегда остается безсмыслицей, и писецъ, замѣтно, допустилъ ее, полагаясь на свой выговоръ; потому-что держась оригинала въ другомъ подобномъ случаѣ, онъ написалъ правильно: стаго Игнатиа богоносца. Вообще, многія изъ собственныхъ именъ искажены, и въ томъ числѣ не только рѣдкія и трудныя для славянскаго выговора, но и общеупотребительныя у Славянъ съ древнѣйшихъ временъ христіанства, какъ это можно заключать по частому употребленію ихъ въ церковно-славянскихъ книгахъ и въ именахъ лицъ. Такъ вм. Симеонъ пишется не только Сѣмеона, Сѣмеона; но еще Сѣмень и даже Смоона (стр. 61). Имя Іоаннъ одинъ только разъ встрѣчается правильно: іоанн, и потомъ искажается на всѣ возможные способы: іанн, їанн, иианн,

йіанѣ, іонѣ, іаонѣ и наконецъ только їѡ. И въ этихъ формахъ неправо-писанія хотѣли видѣть народный Чешскій и Русскій выговоръ имени *Янъ!* Въ правописаніи другихъ собственныхъ именъ не видно ни знанія святцевъ, ни особеннаго почтенія къ именамъ святыхъ, которое внушило бы писцу внимательность къ оригиналу, или хоть къ своему правописанію: онѣ очень часто пишутся различно и съ ошибками. Напр. Матфѣа, Матѳѣа, Мафеа, Маѳеа, какъ слѣдовало бы читать по причинѣ стариннаго начертанія ѳ, которое можно впрочемъ почитать здѣсь или за т или вмѣсто т, по близости обоихъ начертаній. Далѣе: Страсть Самонѣ, Гурини и Авикѵ, (стр. 5); Барваѣ (с. 7), Нестероу и Капелине (с. 3). Текстъ Евангелій написанъ исправнѣе, потому что въ немъ сокращенія рѣже, и встрѣчаются притомъ почти въ однихъ и тѣхъ-же словахъ. Но и здѣсь есть ошибки, изъ которыхъ не знаешь, что и подумать о писцѣ. Что такое значитъ: Столше ишнї ѡ оученика (стр. 5)? Не мало встрѣчается недописанныхъ словъ, пропусковъ буквъ, странныхъ описокъ, которыя странно видѣть не только въ рукописи Прокопія, но которыя едвали такъ часто встрѣчаются у какого-нибудь полуграматнаго славянина. Таковы: ниединоѣ полазѣ (стр. 7); ѡ не-(го) (16), вазигра(й)тесѧ (9), ва владыкахъ иждова-(хъ), къ храм-(ш)-оу (29), и (бѣ)-жи къ егупьтѣ (29); да не ѧв. би его сатворѧть (31); наречено-(е) (35); вадоки (а) (59); тресть вѣтрьмь колеблемы (ы вм. ѫ) (63): ва дроужинѣ (ау вм. оу) (35), къ пеустыни (еу вм. оу), вазлоублена (ѧ=ы) (33), стѧмь (ѧ=ы) (41), слыш (пть) (ѧ=ы) (65), ины (ѧ=ы), (65); ѡкрьве (61) вм. ѡ цркве, изба-(вле)-ниѧ (61), о(тро)чѧ ино(го)чѧемь (с. 61). Имена собственныя и вообще иностранныя и въ текстѣ пишутся не лучше: тѫринскоу,

тоурѣньскоу, и еще какъ-то иначе, только не Турьскѫ какъ бы слѣдовало; Вавѫлонь, Вавоулонь, Вавулонь, Вавилонь. Смѣшеніе у съ оу и ѫ, показываетъ въ пищѣ отсутствіе самостоятельнаго сужденія о буквахъ и опредѣленнаго выговора формъ: онъ пишетъ Куриаку и множество подобныхъ словъ, гдѣ у значитъ то и, то у въ одномъ и томъ-же словѣ.

Послѣ всѣхъ этихъ (и многихъ другихъ) признаковъ небрежности, малограматности, неопытности въ церковномъ языкѣ, можно ли такъ рѣшительно приписывать рукопись просвѣщенному и набожному мужу, какимъ изображаютъ св. Прокопія его почитатели? Напротивъ, припоминая, съ какимъ благоговѣніемъ смотрѣли наши книжники на свое священное дѣло, можно полагать, что св. Прокопій почелъ бы тяжкимъ грѣхомъ предъ Богомъ такое небрежное произведеніе рукъ своихъ,—и защитники послѣсловія довольно неосторожно стараются навязать ему эту рукопись, не подумавъ о томъ, не оскорбляютъ ли они этимъ его достойно чтимую память?

§ 35.

Само собою разумѣется, что изъ этого соображенія нельзя бы еще было вывести рѣшительнаго заключенія; но оно могло бы пріостановить довѣріе къ послѣсловію и заставить искать другихъ средствъ къ опредѣленію древности памятника, именно въ правописаніи, которое уже съ перваго взгляда оказывается подозрительнымъ. Освободившись отъ предубѣжденія въ пользу глубокой древности памятника, изслѣдователь не имѣлъ бы въ себѣ побудительной причины отыскивать въ правописаніи прежде всего, или даже единственно, какія-нибудь

частности въ подтвержденіе своего предубѣжденія и примѣрнвать ихъ къ какому-нибудь заранѣе выбранному народному нарѣчію; онъ долженъ бы былъ замѣчать всѣ уклоненія отъ правильной формы правописанія, и отыскавъ выговоръ буквъ въ употребленіи ихъ въ самомъ-же памятникѣ, потомъ уже сравнивать съ выговоромъ того или другаго нарѣчія извѣстнаго времени, и съ обнаруженіемъ этого выговора такими-же явленіями въ другихъ, извѣстныхъ церковно-славянскихъ рукописяхъ. Нарушенія правильнаго правописанія нерѣдко могутъ быть многочисленны и разнообразны, и хотя не всѣ онѣ имѣютъ одинаковую важность для опредѣленія времени и мѣстности списка, хотя это можно удовлетворительно опредѣлить нѣкоторыми изъ нихъ, однако, при разборѣ правописанія, никакъ не должно ограничиваться отыскиваніемъ только этихъ важнѣйшихъ особенностей правописанія, минуя всѣ остальныя. Если опыты подобныхъ указаній прямо на самыя значительныя особенности въ рукахъ опытныхъ палеографовъ удаются даже въ характеристикѣ сложныхъ правописаній, то потому только, что указанія эти дѣлаются не безъ вниманія ко всей массѣ правописанія. Тотъ дурно понялъ бы эти опыты, кто захотѣлъ бы сдѣлать изъ нихъ общее правило. Въ подобныхъ указаніяхъ мы видимъ только результатъ, то-есть, выбранные палеографомъ рѣшительные признаки времени и мѣстности списка, но не видимъ того постоянно анализирующаго взгляда, съ которымъ онъ пробѣгаетъ все правописаніе текста, той безпрестанной наблюдательности и сравнительныхъ соображеній, въ слѣдствіе которыхъ онъ отдаетъ предпочтеніе для характеристики списка, именно указаннымъ признакамъ, а не другимъ. Безъ этого аналитическаго взгляда, желаніе попасть прямо на

главные признаки времени и мѣстности списка, даже при руководствѣ извѣстными отличительными признаками разрядовъ, тѣмъ болѣе подъ вліяніемъ предрасположенія къ какому-нибудь мнѣнію, всего чаще можетъ оканчиваться неудачей Такъ, несомнѣнно, что въ Реймскомъ Евангеліи есть русизмы; но дѣло въ томъ, что не они окончательно рѣшаютъ вопросъ о происхожденіи Реймскаго списка, и Копитаръ остановился на этомъ ошибочномъ мнѣніи, потому, что не отдалъ себѣ отчета въ разсужденіи другихъ особенностей правописанія. Еслибы даже и зависѣло отъ русизмовъ окончательное рѣшеніе вопроса, если бы, то-есть, списокъ Реймскаго Евангелія былъ русскій, и тогда еще одни эти признаки, взятые отдѣльно, теряли бы свою силу при первомъ противорѣчіи, покуда прочія особенности правописанія оставались бы необъясненными. Г. Ганка съ такимъ-же правомъ могъ бы указывать на свои чехизмы, и, покуда они не опровергнуты, или не объяснены иначе, вопросъ оставался бы не рѣшеннымъ. Итакъ, при многосложности правописанія, самый мѣткій выборъ главныхъ признаковъ, особенно въ случаѣ спора, не освобождаетъ еще отъ разбора прочихъ: разборъ этотъ нуженъ для подтвержденія значительности первыхъ предпочтительно предъ остальными и для отстраненія послѣднихъ объясненіемъ ихъ значенія въ предъидущей исторіи памятника, безъ прямаго отношенія къ послѣднему списку.

Спорное состояніе вопроса о Реймскомъ Евангеліи требуетъ самаго тщательнаго и подробнаго разбора его правописанія. Мы сейчасъ увидимъ, какъ сложно правописаніе этого отрывка, не смотря на небольшой объемъ его, и какъ мало могутъ быть удовлетворительны скудныя замѣтки, на какихъ основывали свои выгоды самые

рѣшительные судьи. Мы увидимъ, что только подробный отчетъ можетъ повести дѣло къ какому-нибудь окончанію. Но кромѣ отношенія къ вопросу о Реймскомъ Евангеліи, добросовѣстный опытъ полнаго разбора правописанія памятника, при нынѣшнемъ состояніи филологическихъ понятій, можетъ быть весьма не безполезенъ. Выше мы уже отозвались, въ какомъ видѣ усвоиваются успѣхи церковно-славянскихъ изслѣдованій большинствомъ тѣхъ, которые принимаютъ въ нихъ участіе *); здѣсь прибавимъ, что Востоковскія понятія о методѣ изслѣдованія далеко не всѣми оцѣнены достойнымъ образомъ даже и въ той спеціальной сферѣ, въ которой онѣ должны бы прежде всего найдти себѣ цѣнителей; напротивъ, онѣ встрѣчаютъ тамъ пренебреженіе, которое можетъ отстранить ихъ отъ принадлежащаго имъ мѣста. Подъ оцѣнкою мы не разумѣемъ здѣсь какихъ-нибудь похвальныхъ отзывовъ на словахъ, выраженій уваженія къ трудамъ и заслугамъ въ общихъ фразахъ: на это мы такъ щедры, что готовы называть себя даже учениками Востокова, хотя бы тутъ-же противорѣчили этому на дѣлѣ. Мы разумѣемъ практическую оцѣнку, когда успѣхи науки, пріобрѣтенные геніально-учеными трудами, принимаются учеными съ глубокимъ убѣжденіемъ, переходятъ въ общую собственность ученыхъ, испытываются, утверждаются и увеличиваются посредствомъ приложенія въ обработкѣ отдѣльныхъ фактовъ науки. Когда-нибудь мы подробно изслѣдуемъ подобное дѣйствіе открытій Востокова въ нашей литературѣ, и покажемъ, какъ параллельно съ успѣхами его на-

*) Стр. 85. «Мы стараемся болѣе затверживать общія положенія, чѣмъ факты, на которыхъ онѣ основаны; усвоиваемъ себѣ результаты, не отдавъ себѣ отчета въ процессѣ ихъ вывода, и еще менѣе испытавъ этотъ процессъ на самихъ себѣ» и т. д.

правленія въ трудахъ его самого и немногихъ его послѣдователей, продолжали идти своимъ путемъ невѣрные и поверхностные взгляды, шаткія направленія, неправильныя методы прежнихъ временъ, съ нѣкоторою примѣсью и новыхъ, но не довольно понятыхъ взглядовъ. Теперь ограничимся однимъ фактомъ изъ современной ученой дѣятельности, который показываетъ, что эта темная полоса филологической литературы простирается донынѣ и не перестаетъ стѣснять успѣхи истинной методы въ ученой публикѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ успѣхи науки.

Въ прошломъ году г. Бередниковъ издалъ *Описаніе четырехъ рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Тихвинскаго Успенскаго монастыря* *). Кромѣ общей цѣли подобныхъ описаній, статья эта имѣетъ особенное назначеніе «Для успѣховъ славянскаго языкоученія и критической исторіи богослужебныхъ книгъ въ Россіи, по мнѣнію моему (говоритъ г. Бередниковъ), было бы весьма «полезно, если бы нѣсколько ученыхъ, живущихъ въ разныхъ мѣстахъ, согласясь между собою въ выборѣ одного или нѣсколькихъ однакихъ «зачалъ», извлекли ихъ «изъ рукописныхъ евангелій, которыхъ множество скрывается въ публичныхъ и частныхъ нашихъ книгохранилищахъ. Эти извлеченія, *при условіи строгой палеографической системы* (не *методы* ли?), будутъ драгоцѣнным предварительнымъ пособіемъ къ критическому изученію древнихъ памятниковъ богослужебной нашей словесности, и, можетъ быть, возбудятъ охоту къ наукообразному ихъ изслѣдованію». Стало быть, статья эта написана съ намѣреніемъ вызвать любителей на палеографическіе труды и въ тоже время — дать имъ об-

*) Помѣщено въ Ж. М. Н. Пр. 1847, Сент. (Часть LV. Отд. II. стр. 201—226).

разчикъ или даже образецъ «строгой палеографической (методы, или, какъ выражается г. Бередниковъ) системы». Дѣйствительно, въ этой статьѣ, кромѣ краткихъ библіографическихъ свѣдѣній о рукописяхъ, какія обыкновенно находимъ въ описаніяхъ г. Бередникова, есть особаго рода анализъ текста, выписки изъ него и наконецъ заключеніе о разбираемыхъ рукописяхъ съ замѣчаніями о ихъ правописаніи. Но прежде нежели во всемъ этомъ увидимъ особенность палеографической методы г. Бередникова на дѣлѣ, мы можемъ судить объ ней по ссылкѣ на одного изъ прежнихъ палеографовъ, какъ на лучшаго мастера дѣла по этой методѣ. «Продолжая начатое *Ка-*«*лайдовичемъ*», прибавляетъ г. Бередниковъ къ прежней нашей выпискѣ изъ его статьи, «мы въ послѣдствіи ока-«зали бы услугу наукѣ, которая достигаетъ прочной зрѣ-«лости только такими, въ началѣ незамѣтными и по «видимому маловажными трудами». Выше, предъ самымъ обращеніемъ къ ученымъ, (которое мы представили въ выпискѣ), г. Бередниковъ такъ-же указалъ на Калайдовича, на его выписки «Молитвы Господней» изъ разныхъ списковъ, вѣроятно, такъ-же какъ на образецъ палеографической методы. Тутъ намъ невольно представляется вопросъ: ужели палеографическая метода ни шагу не сдѣлала впередъ со временъ Калайдовича? По тогдашнему состоянію понятій (впрочемъ уже и при изданіи Іоанна Экз. Болг. запоздалому) Калайдовичъ принужденъ былъ начинать разборы и сравненія памятниковъ «незамѣтными и незначительными трудами», какъ говоритъ г. Бередниковъ; онъ долженъ былъ идти ощупью, добросовѣстно, но механически отмѣчая лексикографическія, грамматическія и орѳографическія разницы между списками, потому что не понималъ способа объяснить ихъ происхожденіе

и значеніе. Зачѣмъ же мы должны возвратиться къ этому темному состоянію? Всѣмъ извѣстно, или должно бы быть всѣмъ извѣстно, что палеографическая критика необыкновенно много выиграла въ значеніи, и по методѣ и результатахъ, въ трудахъ Востокова и послѣдователей его направленія. По методѣ, это уже не прежній механическій и робкій сборъ отдѣльныхъ мелочей, которыя приводятъ наблюдателя въ крайнее недоумѣніе своимъ разнообразіемъ: это — анализъ въ точномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова въ наукѣ, — раздѣленіе различныхъ стихій правописанія по разрядамъ, съ отчетливымъ сознаніемъ ихъ происхожденія и значенія ихъ въ исторіи языка и литературы, и относительнаго значенія ихъ между собою въ разсматриваемомъ памятникѣ. Отъ-того, въ результатѣ, палеографическія описанія по этой методѣ не какіе нибудь «незамѣтные и маловажные труды», какіе обѣщаетъ г. Бередниковъ отъ своей палеографической системы, а труды наличной обработки исторіи церковнаго правописанія и литературы. Таково, дѣйствительно, значеніе «Описанія ркп. Румянцовскаго Музеума», г. Востокова, хотя оно, точно такъ-же какъ предполагаемыя г. Бередниковымъ описанія, состоитъ изъ трудовъ первоначальной палеографической критики памятниковъ и точно такъ-же предназначено служить «предварительнымъ пособіемъ къ критическому изученію памятниковъ». Это не только богатый запасъ готовыхъ историко-филологическихъ (и другихъ) познаній, но и школа для филологовъ, представляющая поучительные образцы аналитической методы. Что же должны мы заключить изъ того, что г. Бередниковъ приглашаетъ ученыхъ предпринять палеографическіе труды въ томъ видѣ, въ какомъ остались они послѣ Калайдовича, умалчивая о трудахъ г. Востокова, на

которые, по нашему мнѣнію, должно бы прежде всего обратить вниманіе, какъ на лучшее пособіе въ литературѣ? Должно ли изъ этого заключать, что г. Бередниковъ не признаетъ Востоковскихъ понятій объ исторіи правописанія, ни его способа объясненія? Не беремся отвѣчать на это отъ имени г. Бередникова; но въ настоящей статьѣ его видимъ, что онъ отстраняетъ Востоковскія понятія о палеографической методѣ, не только умалчиваніемъ его имени, но и положительно, опытомъ самаго разбора. Употребленная имъ палеографическая система не имѣетъ общаго съ Востоковскою, и такъ близка къ копотливой методѣ Калайдовича, что настоящій трудъ г. Бередникова, въ исторіи филологической дѣятельности, совершенно справедливо можетъ быть помѣщенъ гдѣ-нибудь въ двадцатыхъ годахъ на-ряду съ сочиненіями Калайдовича, но въ 1847 году онъ будетъ казаться непонятнымъ анахронизмовъ. Для подтвержденія этого сходства и различія возмемъ изъ статьи г. Бередникова описаніе двухъ рукописей, которыми онъ занялся съ особеннымъ тщаніемъ, вѣроятно, желая показать образецъ «строгой палеографической системы» и посмотримъ, какъ онъ поступаетъ съ ними.

Рукопись подъ № II: «Евангеліе напрестольное, нач. Евангелистомъ Іоанномъ, XV или начала XVI вѣка, въ большой листъ, писано красивымъ крупнымъ уставомъ, въ два столбца, на 311», и пр.

Рукопись подъ № III: «Евангеліе напрестольное, XVI вѣка, въ листъ; писано не столь красивымъ уставомъ, какъ предъидущее, на 499 листахъ».

Чтобы читатель могъ повѣрить нашп замѣчанія, которыя мы сдѣлаемъ ниже, передаемъ и выписки текста, сдѣланныя г. Бередниковымъ.

*

Матѳ. гл. XX, 1 — 16).

Изъ Евангелія подъ № III.

Рє҃ Гс҃ притчѫ сію, оу҃подобисѧ цр҃ствіе нб҃сѣ чл҃коу домовитоу. йже йзы́де коу́пно оу҃тро наа́ти дѣла́теля въ виногра́да свои. й съвѣщава съ дѣлатели по пѧ҃наєоу на дн҃ь, посла́ и҃хъ въ виногра́да свои. й йшедъ въ трє́тїй ча́съ. ви́дѣ и҃ны стоѧща на тръжищи пра́зны. и тѣ́мъ ре́че, йдѣ́те й вы въ виногра́да мои. й є҃же бѫдетъ пра́вда, да́мъ ва́мъ. о҃ни же йдоша. па́кы же йзшедъ въ шестыи й девѧтыи ча҃, сътвори та́кожде. въ еди́ныинадесѧте ча҃ йзшедъ. обрѣ́те дроугыѧ стоѧща пра́зны. й гл҃а и҃м. что зде́ стоите вє́сь дн҃ь пра́зни. гл҃аша є҃моу. и҃ко никтоже насъ наа́ть. й гл҃а и҃мъ. йдѣ́те й вы въ виногра́да мои. й є҃же бѫдетъ пракедно, прїи́мѣ́те. вє́чероу же бы́вшоу. гл҃а господинъ виногра́да къ приста́вникоу своемѹ. призови́ дѣлателѧ й да́жь и҃мъ мзоу начене҃ ѿ послѣдь-

Изъ Евангелія подъ № II.

Ре́че Гс҃ притчю сію, оу҃подобисѧ цр҃ствіе небесное чл҃коу домѡвитоу. йже изы́де коу́пно оу҃тро҃ наа́ти дѣлателѧ в҃ виногра҃ свои. й съвѣща с҃ дѣлатели по пѣ҃наєю на́ дн҃ь, посла́ иҳ в҃ виногра҃ свой. й изше҃ в҃ трєтїи часъ, ви́дѣ и҃ны стоа́ща на тръжищи праздныи. й тѣ́мъ ре́че. йд҃те й вы в҃ виногра҃ мои. й є҃же боу́детъ правда да́мъ ва́мъ. о҃ни́ же йдо́ша па́кы йзше҃ в҃ шестыи, и дева́тыи ча҃. сътвори́ такоже́ въ є҃ди́ныиженадесѧть ча҃ йзше҃. обрѣ́те дроугыѧ стоа́ща праздныи. й гл҃а и҃мъ. что҃ здѣ́ стоите вє́сь дн҃ь пра́зны. гл҃аша є҃моу. и҃ко никтоже на҃ наа́тъ. гл҃а и҃мъ йдѣ́те й вы в҃ винѡгра҃ мой. й є҃же боу́детъ пра́вє҃но. прїи́мѣ́те. вє́чероу же бы́вшоу. гл҃а гд҃инъ ви́ногра́да к҃ приста́вникоу своє҃моу. призови дѣлателѧ й даже́ и҃мъ мзоу начє́нъ ѿ послѣдни҃хъ до пра́выихъ. и

нїихъ до пръвыихъ. и пришедше йже къ единыинадесате часъ. прїаша по пѣназоу. пришедше же пръвїи, мнѣхѫсѧ ѧще придти и прїаша и ти по пѣназоу. прїемше же роптааху на господина глще, ꙗко сїи послѣднїи единъ часъ створиша. и равны нама сътвориль ихъ еси. понесшїима тяготѫ дне и каръ; онже отвѣщавъ рече единомоу ихъ. дроуже. не обиждоу тебе, не по пѣназю ли съкѫпа съ мною; възми свое и йди. хощю же и семоу послѣднемоу дати, ꙗкоже и тебѣ. или нѣстъми лѣть сътворити еже хощю къ своихъ ми; аще око твое лоукаво е, ꙗко азъ благъ есмь. тако боудоуть послѣдънїи пръвїи. и пръвїи послѣдни. мнози бо соуть звани, мало же избранныхъ;

пришеше иже къ единыинадесате часъ, прїаша по пѣназю. пришеше же пръвїи, мнѣхоу ѧще прїяти и прїаша и ти по пѣназю. прїемше роптааху на господина глще, ꙗко сїи послѣднїи, единъ часъ створиша. и равны нама сътворилъ ихъ еси. понесшїима тяготѫ дне и каръ; онже отвѣщавъ рече единомоу ихъ. дроуже. не обиждоу тебе, не по пѣназю ли съкѫпа съ мною; възми свое и йди. хощю же и семоу послѣднемоу дати. ꙗкоже и тебѣ. или нѣсть ми лѣть сътворити еже хощю къ своихъ ми; аще око твое лоукаво е, ꙗко азъ благъ есмь. тако боудоуть послѣдънїи, пръвїи. и пръвїи послѣдни. мнози бо соуть звани, мало же избранныхъ;

Судя по нынѣшнимъ, Востоковскимъ понятіямъ о правописаніи, разница между этими двумя отрывками въ правописаніи такъ очевидна, что, казалось бы, труднѣе найдти между ними тождество, чѣмъ не замѣтить различія: но по палеографической системѣ г. Бередникова выходитъ наоборотъ. По его мнѣнію, «*правописаніе въ обоихъ*

евангеліяхъ — Русское». — Какимъ же образомъ могъ онъ скрыть отъ себя эту рѣзкую разницу, которая бросается въ глаза съ перваго раза и никакимъ образомъ не отстраняется при самомъ тщательномъ разборѣ? Къ счастію, къ этимъ выпискамъ прибавлены хотя краткія замѣчанія на правописанія, которыя, не исправляя этого ошибочнаго взгляда, по крайней мѣрѣ обнаруживаютъ тѣ ложныя понятія, на которыхъ онъ основанъ, и такимъ даютъ возможность обличить ихъ неправильность. «*По нѣкоторымъ признакамъ* и употребленію ѣ вмѣсто ъ видно, продолжаетъ г. Бередниковъ, что они писаны въ южной или западной Россіи; въ одномъ изъ нихъ буква ѫ, не имѣющая въ нашемъ языкѣ равносильнаго звука и *поставленная вездѣ безъ надобности*, показываетъ, что Русскій писецъ имѣлъ въ виду какой-либо южно-славянскій подлинникъ, или безотчетно подражалъ его правописанію». Не знаемъ, останутся ли довольны намекомъ на нѣкоторые признаки тѣ, которые будутъ искать въ описаніи г. Бередникова образца «строгой палеографической системы»; но и тѣ признаки, какіе приведены на лицо, не оправдываютъ мнѣнія г. Бередникова о разрядѣ правописанія въ обоихъ спискахъ. Для подтвержденія того, что они писаны Русскимъ писцомъ, слѣдовало бы указать въ правописаніи обнаруженія русскаго выговора, русской системы звуковъ; а признаки, указанные г. Бередниковымъ, по его-же собственнымъ словамъ, перенесены писцомъ изъ южно-славянскаго оригинала или введены имъ изъ безотчетнаго подражанія ему. Стало быть, г. Бередниковъ указалъ только признаки южно-славянскаго оригинала этихъ списковъ, а не русскаго ихъ происхожденія. Правда, въ описаніяхъ Востокова эти-же самые признаки (носовыя и полугласныя), и нерѣдко безъ всякой помощи

другихъ буквъ, рѣшаютъ дѣло окончательно; но здѣсь-то и обнаруживается вся разница между двумя методами: въ чемъ одна находитъ вѣрные признаки разряда рукописей, то по другой методѣ ведетъ къ ошибнымъ заключеніямъ. Мы сейчасъ увидимъ это на дѣлѣ.

По мнѣнію г. Бередникова въ одномъ изъ описанныхъ имъ евангелій буква ѫ поставлена вездѣ безъ надобности: такъ-какъ ѫ употребляется только въ спискѣ подъ № III, то къ нему только и можетъ относиться этотъ отзывъ. Разсмотримъ же, какъ употреблена эта буква; выпишемъ вмѣстѣ правописаніе тѣхъ-же словъ и изъ списка подъ № II, чтобы читатель могъ видѣть разницу между тѣмъ и другимъ спискомъ и судить, въ какой мѣрѣ они могутъ принадлежать къ одному разряду.

Примѣровъ съ буквою ѫ въ коренныхъ слогахъ немного: въ № III бѫдеть нѣсколько разъ, въ № II боудеть; № III лѫкаво, № II лоукаво. Но въ окончаніяхъ ѫ встрѣчается часто:

№ III	№ II.
притчѫ сиѫ	притчю сию
стоѫщѧ дважды	стоѫща вин. множ.
мнѣхѫсѧ	мнѧхоу
рѣпташѫ	роптѧахоу
тѧготѫ	тѧготоу
съ мноѫ	съ мною
хощѫ	хощоу
бѫдѫть	боудоуть
сѫть	соуть

Вотъ всѣ случаи употребленія юса. Гдѣ же ѫ употребленъ здѣсь безъ надобности и неумѣстно? Тѣхъ изъ читателей, которые не надѣются на свою или на мою

память насчетъ правильнаго церковно-славянскаго употребленія юсовъ, приглашаемъ взять въ руки Остромирово Евангеліе и свѣрить всѣ эти примѣры съ словаремъ и грамматикой: ѫ окажется здѣсь вездѣ на своемъ мѣстѣ. Разница отъ Остромировскаго правописанія только въ точъ, что, во первыхъ, въ № III не употребляется сложное начертаніе ѭ, и во-вторыхъ, ѫ употребляется еще вмѣсто ѧ: стоѫщѧ. Но въ этихъ двухъ особенностяхъ правописаніе № III совершенно сходится съ позднимъ болгарскимъ, такъ-что было бы удивительно, еслибы русскому писцу, не имѣвшему въ своемъ выговорѣ особеннаго звука для ѫ, случайно удалось вездѣ такъ мѣтко попасть на настоящее средне-болгарское правописаніе, какъ въ сходствахъ его съ древнимъ церковнымъ, такъ и въ отступленіяхъ. Пересмотрите, сколько разъ русскій писецъ могъ бы поставить ѫ вмѣсто оу: писецъ Реймскаго Евангелія въ меньшей части того-же самаго отрывка сдѣлалъ это дважды; въ другихъ чтеніяхъ Р. Е. это встрѣчается еще чаще. Въ № III — ни разу! Г. Бередниковъ полагаетъ, что русскій писецъ скопировалъ это употребленіе съ своего южно-славянскаго оригинала: но гдѣ же положительные признаки русскаго писца? И почему не они указаны палеографомъ, и именно то, что всего менѣе походитъ на русизмы? Не скрываются ли они развѣ въ тѣхъ *нѣкоторыхъ* признакахъ, которые во всякомъ случаѣ не мѣшало бы назвать поименно въ образцовомъ палеографическомъ описаніи? Пересмотримъ остальное употребленіе буквъ: беремъ, по обыкновенному порядку у г. Востокова, другую носовую — ѧ (порядокъ этотъ основанъ на испытанной важности буквъ для характеристики правописанія):

Въ корняхъ:

№ III	№ II
нѧти	нѧти
по пѧтьсоу *трижды*	по пѧтьсю
дєвѧтыи	дєвѧтыи
въ єдинонадєсѧтє *дважды*	єдинынадєсѧть
нѧть	нѧтъ
пріѧша *нѣск. разъ*	пріѧша
пріѧти	пріѧти
вѧщє	вѧщє
тѧготѫ	тѧготоу

Въ окончаніяхъ:

дѣлѧтєлѧ *вин. мн. дважды*	дѣлѧтєлѧ
стоѫщѧ *дважды*	стоѫщѧ вин. множ.
идошѧ	идошѧ
дроугыѧ	дроугыѧ
гл҃ѧша	гл҃ѧша
пріѧша *дважды*	пріѧша
гл҃ѧщє	гл҃щє
сътвориша	створиша
необиж҃ѧ	необиждоу

Употребленіе ѧ въ первомъ столбцѣ казалось г. Бередникову столь несомнѣнно русскимъ, что онъ не почелъ уже нужнымъ сдѣлать прежняго замѣчанія о ненадобности его или о механическомъ заимствованіи русскимъ писцомъ изъ южно-славянскаго оригинала. Эта увѣренность могла произойдти только отъ того, что палеографъ, читая ѧ за ꙗ по русскому выговору, почти вездѣ (исключая только три примѣра) находилъ ѧ, гдѣ требовалъ этого русскій выговоръ. Между тѣмъ ѧ поставлено во всѣхъ

этихъ словахъ не по русскому выговору, а по болгарскому, и отъ-того оно такъ соотвѣтствуетъ правильному употребленію, какъ русскіе никогда не могли соблюсти его. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, разсмотрите употребленіе ѧ въ № II: здѣсь русскій писецъ, имѣя предъ глазами болгарскій оригиналъ, сохранилъ ѧ во многихъ случаяхъ на своемъ мѣстѣ, сколько это согласно было съ его выговоромъ и съ условнымъ употребленіемъ ѧ и ѫ; но при всемъ томъ, не смотря на содѣйствіе этихъ условій правописанія, онъ не могъ обойтись безъ нарушеній болгарскаго правописанія на одной страницѣ. Такъ между приведенными примѣрами правильнаго правописанія мы видимъ также: пріати, пріаша, стоаща вин. мн. Есть даже: мнаχоу! Гдѣ же подобныя нарушенія въ № III? Отъ-чего ни разу не употреблено ѧ вм. ѫ или а, или обратно? Вмѣсто такихъ русизмовъ, № III, какъ и въ употребленіи жса, представляетъ исключительные болгаризмы позднѣйшаго времени, нетерпимые русскими писцами: гѣлаще, обижда (*). Какъ съ жсомъ, употребляемымъ вмѣсо ѧ, такъ и съ ѧ, употребляемымъ вм. ж, русскіе писцы поступали сообразно съ своимъ выговоромъ Такъ въ спискѣ № II формы: стоаща, пріаша, поставлены, по всей вѣроятности, вмѣсто стоащѫ, пріѫша, какъ пишется обыкновенно въ средне-болгарскихъ рукописяхъ вмѣстѣ съ пріаша, которое передано здѣсь русскимъ писцомъ безъ перемѣны (**). Точно также вмѣ-

(*) Такъ должно, вѣроятно, читать неправильное начертаніе ѧ.

(**) Въ подтвержденіе того, что Русскіе писцы ставили здѣсь ѧ и ѫ сообразно съ оригиналомъ, замѣтимъ, какъ строго держались они болгарскаго правописанія даже и тогда, когда допускали измѣненія по требованію своего выговора. Они приняли за правило — употреблять ѫ въ началѣ словъ, ѧ въ срединѣ, основываясь — кто-

сто ѓлаце, писецъ втораго № непремѣнно написалъ бы ѓлаце, еслибы ему вздумалось сохранить гласную букву; изъ обиждѧ сдѣлалъ бы обиждоу, какъ и написано это слово. Такъ должно бы быть и въ третьемъ №, еслибы онъ былъ русскимъ спискомъ, а не ѓлаце и обиждѧ.

Перейдемъ къ полугласнымъ Здѣсь въ доказательство русскаго происхожденія третьяго №, можно бы указать на формы изшедѣ, весь, начень, въ которыхъ ѣ замѣняетъ древне-болгарскую ѧ; но вѣдь извѣстно, что тоже самое встрѣчается обыкновенно и въ чисто средне-болгарскомъ правописаніи съ XIV вѣка и даже раньше. Хорошо знакомые съ средне-болгарскимъ правописаніемъ могутъ даже замѣтить, что замѣна эта допущена въ № III именно въ тѣхъ границахъ, въ какихъ она существуетъ въ средне-болгарскомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, удержавшееся въ въ этотъ послѣднемъ употребленіе полугласнаго ера, какъ характеристическая особенность его, въ коренныхъ словахъ постоянно сохраняется и въ третьемъ №, въ словахъ: пръвыи, тръжище, ръпътати, тогда какъ русскій писецъ втораго №, при всемъ стараніи подражать подлиннику въ первыхъ двухъ словахъ, не могъ не обнаружить своего выговора въ словѣ ропталаχоу. Отъ чего же опять нѣтъ ни одного такого рѣшительнаго руссизма въ № III, если списокъ этотъ русскій? Напротивъ, кромѣ указанныхъ частностей, общій характеръ употребленія полугласныхъ, именно *ери* за ъ въ смыслѣ безгласной, съ рѣдкимъ употребленіемъ ера, — поздній бол-

---

бы подумалъ это? — на болгарскомъ правописаніи! — разумѣется, понятомъ неправильно. Дѣйствительно, въ болгарскихъ рукописяхъ ѣ употреблялось почти только въ началѣ словъ, въ срединѣ же и на концѣ словъ послѣ согласной замѣнялось буквою ѣ, послѣ гласной — чистымъ а, хотя нерѣдко оставалось и ѣ.

гарскій. Подобное употребленіе ихъ и въ № II, произошло изъ подражанія болгарскому-же оригиналу.

Отмѣтимъ также болгарское употребленіе ѣ вм. а въ словѣ мнѣхѫсѧ. По недостатку другихъ подобныхъ случаевъ въ этой короткой выпискѣ, примѣръ этотъ остается единичнымъ; но тѣмъ замѣчательнѣе, что въ настоящемъ русскомъ спискѣ, каковъ № II, и этотъ единственный примѣръ не остался въ болгарской формѣ: русскій написалъ: мнѧхоу, съ звукомъ я вм. Болг. ѣ и съ буквою ѧ вмѣсто а. Вотъ это пестый руссизмъ, котораго одного было бы достаточно противъ сотни подражаній болгаризмамъ.

Вотъ и еще одна болгарская форма, которая впрочемъ встрѣчается въ этой выпискѣ четыре раза: по пѣнасоу. Во второмъ № пять чисто по-русски: по пѣназю во всѣ четыре раза.

Но тогда какъ оба списка постоянно расходятся въ своемъ правописаніи, вотъ въ № III форма, которая обязана своимъ происхожденіемъ русскому выговору: въ противоположность употребленію юса въ другихъ подобныхъ случаяхъ одинъ разъ, поставлено мъздоу вмѣсто Болг. мъздѫ. Но должно ли на этомъ основаніи признать № III русскимъ спискомъ, вопреки всѣмъ остальнымъ особенностямъ правописанія? Въ то время, къ которому г. Бередниковъ относитъ этотъ списокъ, отдѣльные примѣры руссизмовъ въ болгарскихъ спискахъ составляютъ обыкновенное и очень понятное явленіе, хотя въ общемъ характерѣ правописанія, въ наибольшей массѣ его, оставалась господствующею система болгарскаго фонетизма. Руссизмы эти вносились болгарскими писцами изъ русскихъ оригиналовъ, которые въ то время были нерѣдки, какъ видно изъ нѣкоторыхъ рукопи-

сей Румянцовскаго Музеума, описанныхъ г. Востоковымъ. При тогдашнемъ состояніи своего нарѣчія, болгарскіе писцы не могли уже чувствовать въ живомъ употребленіи сильнаго сопротивленія русизмамъ. Упадокъ склоненія, замѣтный уже въ XIV вѣкѣ, въ XVI-мъ, какъ можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, дошелъ уже, вѣроятно, до такой степени, что измѣненія по падежамъ болгарскимъ писцамъ были извѣстны только изъ оригиналовъ, и какъ между оригиналами часто попадались имъ чисторусскіе списки, то нимало не удивительно, если они механически переносили въ свои списки чистые русизмы. Правописаніе мъздоу есть одна изъ такихъ заимствованныхъ формъ: ими началось то механическое смѣшеніе русизмовъ съ болгаризмами, какое представляетъ письменный болгарскій языкъ позднѣйшаго времени. Мы увѣрены, что г. Бередниковъ въ своей собственной опытности найдетъ подтвержденіе этому объясненію, и не будетъ стоять за эту единственную русскую форму, на которую притомъ онъ и прежде не ссылался въ подтвержденіе своего мнѣнія.

Такимъ образомъ, пользуясь тѣмъ самымъ средствомъ, которое указано г. Бередниковымъ для опредѣленія разряда списка, именно правописаніемъ, должно заключить, что списокъ подъ № III есть болгарскій, а не русскій, каковъ № II. Нельзя отвергать того, что русскій писецъ могъ въ-точности скопировать болгарскій подлинникъ; но если г. Бередниковъ узналъ въ спискѣ почеркъ русскаго писца не смотря на болгарское правописаніе, то онъ долженъ былъ предупредить читателя на счетъ этого противорѣчія, какъ дѣлаетъ иногда г. Востоковъ, и не выдавать болгарскаго правописанія за русское на основаніи почерка. Но г. Бередниковъ, называя спи-

сокъ русскимъ, говоритъ не о почеркѣ, а прямо о правописаніи: «правописаніе въ обоихъ спискахъ (№ II и № III) — Русское!» тогда какъ о № III слѣдовало бы сказать: «правописаніе позднѣйшее болгарское, смѣшивающее ѫ и ѧ и употребляющее ъ вм. ъ, съ примѣсью русскаго оу вм. ѫ.»

Тотъ обнаружилъ бы только незнаніе нынѣшняго состоянія филологической критики, кто почелъ бы настоящія наши замѣчанія за одно изъ тѣхъ разногласій, какія неизбѣжны въ мелкихъ изслѣдованіяхъ и запутанныхъ вопросахъ, особенно при неудовлетворительномъ состояніи науки. Правописаніе № III такъ ясно, такъ недвусмысленно, что характеристики подобныхъ списковъ, сдѣланныя г. Востоковымъ въ такихъ же выраженіяхъ, въ какихъ мы отозвались о № III, до сихъ поръ не подвергались и вѣроятно не подвергнутся ни малѣйшему сомнѣнію. Ошибочное мнѣніе г. Бередникова произошло отъ того, что его характеристика правописанія составлена по старинной, механической методѣ, которая только отмѣчаетъ факты правописанія, не отдавая отчета о способѣ ихъ происхожденія. Какъ безплодна эта метода, всего лучше показываютъ характеристики правописанія въ Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ Калайдовича, гдѣ въ исчисленіи разныхъ особенностей правописанія страннымъ образомъ смѣшиваются фонетическія съ условными, подражательными и чисто-палеографическими, древнія съ позднѣйшими, самыя характеристическія съ маловажными. Калайдовичъ, при всей своей опытности, могъ только задать вопросы, но не рѣшить ихъ, потому что не могъ войдти въ новую, историко-генетическую методу Востокова, хотя тутъ-же, въ самомъ J. Э. Б., передаетъ поучительные ея опыты. Послѣдователи Калайдовича доны-

нѣ или остаются при его затрудненіи, не видя возможности объяснить разнообразія, непостоянства, безхарактерности, какими поражаетъ правописаніе памятниковъ съ перваго взгляда своею внѣшнею стороною, *) или выводятъ ложныя заключенія. Между тѣмъ, съ помощію опытовъ и опытности историко-генетической методы, въ настоящее время можно не потеряться въ самомъ запутанномъ и сложномъ правописаніи. Прежде всего при чтеніи рукописи, надобно имѣть въ виду правильное церковное правописаніе: посредствомъ этого сравненія получится сумма отступленій, — характеристическихъ признаковъ писца. Эти отступленія надобно сравнивать съ извѣстными признаками славянскихъ нарѣчій и съ извѣстными обнаруженіями ихъ въ другихъ церковно-славянскихъ памятникахъ. При этомъ сравненіи открываются разные роды и степени дѣйствія народнаго выговора писцовъ на ихъ правописаніе. Прямыми обнаруженіями выговора церковно-славянскія формы превращаются въ на-

(*) Изъ новѣйшихъ примѣровъ этого рода затрудненій замѣчательно одно мѣсто въ путевыхъ запискахъ г. Шевырева, напечатанныхъ въ Москвитянинѣ 1847 года (№ 4): «Троицкая Лавра. Отрывокъ вакаціонныхъ дней Профессора» Ученый путешественникъ не даромъ посѣщалъ знаменитую Лавру: между многими достопримѣчательностями, онъ видѣлъ тамъ Евангеліе Симеона Іоанновича Гордаго, и въ немъ букву ѣ, которая должна будто-бы произвесть переворотъ въ славянской филологіи. «Текстъ этого Евангелія,» говоритъ онъ, «замѣчателенъ своею любовію къ буквѣ ѣ, которая встрѣчается даже въ прошедшемъ времени: вмѣсто *лѣ* читаете *ль*. Эта особенность сильно противорѣчитъ мнѣнію Добровскаго, который въ своей Грамматикѣ считаетъ *ерикъ* (въ прошедшемъ времени?) особеннымъ признакомъ рукописей XI и XII вѣка. Вотъ послѣ этого утверждайте признаки языка для памятниковъ Словесности Славяно-Русской по столѣтіямъ» (стало быть, *ль* вм. *лъ* Добровскій почиталъ за признакъ XI и XII вѣка Славяно-Русскаго правописанія?): «такое требованіе могутъ объявить только люди, никогда не заглядывав-

родныя; но есть формы, въ которыхъ выговоръ писца измѣняетъ церковное правописаніе, но не достигаетъ полнаго выраженія, какъ напр. въ формахъ: пѧ̀тнѣ, кы҃рѣхъ и под; иногда церковно-славянскія стихіи смѣшиваются съ народными, отъ-чего происходятъ формы, не принадлежащія ни церковному языку, ни нарѣчію писца, напр. исхождаше, сѣзаждоу. Есть формы, прошедшія отъ дѣйствія разныхъ нарѣчій при многократной перепискѣ. Такимъ образомъ, при образованіи разныхъ формъ правописанія изъ формъ оригинала посредствомъ выговора писцовъ, удовлетворительно объясняется самый способъ происхожденія, и это составляетъ главное отличіе историко-генетической методы. Само собою разумѣется, что выговоръ не все объясняетъ въ правописаніи: при всѣхъ перемѣнахъ, производимыхъ писцомъ, многое переносится изъ подлинника механически; иное удерживается писцами постоянно и входитъ въ обычай безъ вліянія выговора; у однихъ долго удерживается то, что давно брошено другими: все это показываетъ, что, кромѣ разбора пра-

ніе въ нашу древнюю письменность.» Стало быть, Добровскій, который, по словамъ г. Ш., выставлялъ ъ за признакъ XI и XII вѣка, никогда не заглядывалъ въ нашу древнюю письменность?! Далѣе: «Если положенія Добровскаго безпрерывно опровергаются новыми открытіями» (и въ томъ числѣ, вѣроятно, *открытіемъ ль* вм. *ль*?), то *кто* же возметъ на себя утвердить эти признаки»? и пр. Кто?! Удивительно, что объ этомъ спрашиваетъ краснорѣчивый критикъ Описанія Ркпс. Румянцовскаго Музеума и авторъ Исторіи Русской Словесности, *преимущественно древней*! Вотъ прямое доказательство, что эпоха Калайдовича и Добровскаго у насъ еще не прошла и что успѣхи Востоковской эпохи не только не усвоены большинствомъ ученыхъ, но и не всѣмъ еще извѣстны. Мы увѣрены, что г. Шевыревъ, посовѣтовавшись съ филологическою литературою послѣ Добровскаго, легко выйдетъ изъ своего затрудненія насчетъ буквы ь, котораго впрочемъ мы не можемъ объяснить себѣ и грамматикой Добровскаго.

вописанія по выговору писцовъ, имѣетъ мѣсто и механическое наблюденіе, какъ въ прежней методѣ. Но разборъ правописанія по выговору и здѣсь оказываетъ важную услугу тѣмъ, что даетъ возможность отличать механическія заимствованія писцовъ отъ собственныхъ ихъ измѣненій, условное правописаніе отъ народныхъ формъ, чисто-палеографическіе признаки отъ фонетическихъ. Разбирая мнѣнія Калайдовича, всякій увѣрится, что его затрудненія происходили отъ недостатка этого различія въ его понятіяхъ. Съ другой стороны, это различіе предупреждаетъ филологическій ригоризмъ, къ которому прежняя механическая метода палеографіи, по странному сближенію противоположностей, такъ-же наклонна, какъ съ другой стороны невнимательна къ значенію фонетическихъ признаковъ. Такъ Калайдовичъ подозрѣвалъ «тонкое различіе» въ употребленіи ѧ, ѩ и ѫ у русскихъ писцовъ. Да и г. Бередниковъ слишкомъ безусловно указываетъ въ буквѣ ѣ вм. ѣ признакъ южно-русскаго писца, тогда какъ это употребленіе есть только остатокъ правописанія болгарскаго оригинала. Самыя описки и механическія искаженія могутъ служить для объясненія отношеній между списками: такъ, вѣроятно, не безъ причины въ нѣкоторыхъ спискахъ одинаково повторяется: ѣлмаиоуилъ, даиже до вм. даже до. Но главное отличіе описокъ состоитъ въ томъ, что они не объясняются никакимъ славянскимъ выговоромъ, или случайно сходствуя съ фонетическими признаками какого-либо разряда, противорѣчатъ общей массѣ фонетическихъ признаковъ въ разсматриваемомъ спискѣ и остаются такимъ образомъ особняками. Слѣдоват. и здѣсь вниманіе къ выговору имѣетъ нѣкоторое, хотя отрицательное значеніе.

Само собою разумѣется, что предлагаемый анализъ

правописанія Р. Е. долженъ сколько-нибудь оправдывать тѣ выгоды и преимущества, какія мы сейчасъ приписали филологической методѣ, названной нами генетическою. Но авторъ далекъ отъ того, чтобы выдавать свой трудъ за образецъ совершеннаго выполненія этой методы. Его намѣреніе—представить опытъ выполненія этой методы, который содѣйствовалъ бы распространенію ея между обработывателями нашей древней литературы. И каковъ бы ни былъ самъ по себѣ этотъ опыты, онъ можетъ заставить читателя, если только онъ не равнодушенъ къ этому предмету, отдать себѣ отчетъ въ значеніи и происхожденіи формъ правописанія, то есть, войдти въ означенную нами историко-генетическую методу. Вотъ побужденіе, которое заставляетъ насъ войдти съ нѣкоторою подробностью въ правописаніе нашего памятника: вмѣстѣ съ тѣмъ мы надѣемся, что послѣ полнаго разбора правописанія, нельзя уже будетъ возвратиться къ прежнимъ фантазіямъ о древности памятника, проходя молчаніемъ тѣ факты, которые могутъ останавливать полетъ ихъ.

Предлагаемъ перечень всѣхъ особенностей правописанія Реймскаго Евангелія.

§ 36.

1. Употребленіе чистаго ѧ въ срединѣ и на концѣ словъ послѣ гласныхъ составляетъ постоянную принадлежность древнѣйшихъ болгарскихъ списковъ. Въ однихъ случаяхъ это употребленіе правильно, въ другихъ есть нарушеніе правильнаго правописанія; въ однихъ чистое ѧ госпо ствуетъ исключительно, въ другихъ допускаетъ и употребленіе ꙗ; но взятое въ обоихъ случаяхъ вмѣстѣ, оно весьма обширно. Въ нашемъ памятникѣ уцѣлѣли нѣ-

которые слѣды чистаго ѧ: значитъ, что и въ немъ было нѣкогда такое же состояніе правописанія, какъ въ древнѣйшихъ болгарскихъ спискахъ; но измѣненія, которымъ подверглось это ѧ, показываютъ, какъ далекъ уже нашъ списокъ отъ этого состоянія.

Въ однихъ случаяхъ чистое ѧ измѣнено на ꙗ. Въ двоякомъ употребленіи: покаанїе и покаꙗнїе, декаполеа, тимофеа, галилеа и ѿ матфеа, їесеа, иудеа (39 стр. по изд. Ганки) видно колебаніе, свойственное древнѣйшимъ спискамъ; но за то во множествѣ остальныхъ случаевъ исключительно господствуетъ ꙗ. Немногіе примѣры этого рода въ глаголахъ имѣютъ постоянно ꙗ: имѣаше, знаше. Вмѣсто аа въ окончаніяхъ прилагательныхъ такъ-же всегда аꙗ. Здѣсь дѣло не въ томъ, что правильнѣе по первобытному церковному правописанію: мы утверждаемъ только, что болг. чистое ѧ вмѣсто ꙗ въ историческомъ порядкѣ формъ есть древнѣйшее состояніе правописанія въ извѣстныхъ намъ памятникахъ, къ которому (состоянію) примыкаетъ, вмѣстѣ съ многими другими списками, ц Реймское Евангеліе. Писцу Остромирова Евангелія не удалось еще сгладить этихъ болгаризмовъ, хотя по русскому выговору онъ наклоненъ былъ къ *я;* но писцу Реймскаго Евангелія удалось это почти совершенно. Чистое ѧ оставалось почти только въ иностранныхъ словахъ. Что это ѧ (=ꙗ) вм. ѧ въ Реймскомъ Евангеліи не есть остатокъ древности, а измѣненіе, сдѣланное позднѣйшимъ писцомъ по своему выговору, показываетъ дальнѣйшее употребленіе этой буквы.

2. Форма аѕь, конечно, не есть остатокъ древности. Она одинаково можетъ быть приписана Чешскому и Русскому писцу. Удивительно, что г. Ганка не употребилъ этой формы въ пользу своего мнѣнія: она могла бы

служить ему нисколько не хуже многихъ другихъ чехизмовъ. Но что здѣсь русизмъ, можно заключать по аналогіи изъ русскаго употребленія этой буквы послѣ ж, ч, ц: овцамъ, оужасаχоуса, трожащиися, коньчавшемь, мьчаχоу, оучаше, часъ, чаша, чаемь. Почти всѣ эти слова повторяются и такъ постоянно соблюдаютъ а, что гораздо труднѣе не замѣтить этого обыкновеннаго въ русскихъ спискахъ правописанія, чѣмъ отыскать правильное церковное правописаніе съ буквою а, которое мы нашли только въ словѣ: нарицаемыи. Еще рѣшительнѣе русизмъ въ формахъ: χожаше и исχождаше.

3. Въ родительномъ падежѣ дважды встрѣчается: кесара; но постоянно и притомъ довольно часто по русскому выговору: цѣра, гевара, септевра и пр.

4. Въ другихъ случаяхъ чистое а опускается. Отъ этого происходятъ сокращенныя формы склоненія и спряженія, о которыхъ будетъ сказано ниже. Здѣсь отмѣтимъ опущеніе *а* въ словѣ покание, которое встрѣчается дважды Г. Ганка почитаетъ это чехизмомъ: можетъ быть и такъ; но подтвердить этого нечѣмъ; другихъ примѣровъ чешскаго вліянія гласныхъ не видно въ нашемъ памятникѣ, и сверхъ того, при частомъ опущеніи а въ формахъ склоненія и спряженія, и это сокращеніе могло произойдти такимъ же образомъ, механически Писецъ нерѣдко и въ другихъ случаяхъ выпускалъ одну изъ одинаковыхъ буквъ, когда онѣ стояли рядомъ. Такъ онъ написалъ ацединого, даже ничимьньши вм. ничнмь мьньши; пишетъ такъ-же авраме и авраамь, вънезапѣ вм. вънезаапѣ. Надобно отыскать много другихъ чешскихъ формъ, чтобы сдѣлать вѣроятнымъ чешское происхожденіе этой описки.

5. О вм. а въ словѣ ростяше, встрѣчающееся однажды, г. Ганка считаетъ такъ-же чехизмомъ, хотя оно мо-

жетъ быть приписано и русскому выговору. Рѣшеніе этой обоюдности должно предоставить большинству другихъ признаковъ.

6. Плакы, въ О. Е. плѣкы, есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ архаизмовъ Р. Е.

7. О буквѣ ы остается замѣтить, что она всюду замѣнена начертаніемъ а, которое одно и употребляется. Можетъ быть, исключеніе ы сдѣлано не русскимъ писцомъ, но оно могло быть допущено только по русскому выговору.

8) Вмѣсто а (=ы) употребленъ однажды ѫ: помышлѧниѫ (стр. 25) и дважды смѣшанное начертаніе ѫ, о которомъ — ниже, въ словахъ: стоѫше (по изданію г. Гацки стр. 5 столб. 2 стоаше), наоутрѫ (Г. наоутрѫ стр. 31 ст. 2).

9. Сложное начертаніе к осталось въ весьма немногихъ словахъ: кгда, кго, кустратиѫ, навечерке. Вмѣсто к употребляется и ке: кегда, кероусалимла и кроусалимы, кердань. А такъ какъ въ тѣхъ-же словахъ большею частію пишется простое є: єроусалимы, єрдань, єгда и пр., то значитъ, что є выговаривалось по-русски, за к.

10. ѣ не отличается отъ є. Держась подлинника, писецъ сохранилъ эту букву во многихъ случаяхъ на своемъ мѣстѣ, но примѣры отступленій нерѣдки: среда, посредѣ, чреко, невреции. Довольно такъ-же случаевъ безразличнаго употребленія ѣ и є: иоудеа и ждѣа, матфеа и матфѣа, вифлеомѣ и вифлеемѣ, дрѣко и дрека, трѣба и потребить. Нѣкоторые изъ примѣровъ двоякаго употребленія стоятъ почти рядомъ.

11. Въ немногихъ словахъ отдѣльно ѣ замѣнена буквою и: приношение, притыкнеши, съмиритьсѧ (и съмѣритьсѧ). и вм. ѣ признакъ малороссійскаго нарѣчія; но Ша-

фарпкъ (Serb. Lesekörner) указываетъ такіе-же, впрочемъ весьма немногіе примѣры и въ сербскихъ спискахъ.

12. Вмѣсто ѣ и є употреблено а въ словахъ: крама, крьститала, назарафа, дйиа.

13. є замѣнено буквою ь въ формахъ дат. пад. лоудьмь, моцьмь. Такъ-же на нєсьхъ, єльазарь, сьмєнь; употребленіе, свойственное русскимъ писцамъ.

14. И предъ гласною замѣняется буквою ь: примѣры довольно часты.

15. ъ замѣненъ буквою ь. Исключительное употребленіе этой послѣдней принадлежитъ, какъ извѣстно, сербскимъ спискамъ. Но не смотря на это безразличное употребленіе, въ нашемъ спискѣ можно еще замѣтить слѣды твердаго и мягкаго выговора, это, вѣроятно, остатокъ отъ правописанія ближайшаго оригинала Реймскаго Евангелія.

16. ь на концѣ словъ, поставленный вмѣсто ъ, есть безгласный знакъ, или признакъ твердаго выговора согласныхъ. Доказательствъ чешскаго *е*, какъ предполагалъ г. Ганка въ предлогахъ кь, подь и пр., нѣтъ никакихъ. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ въ формахъ неопредѣленнаго достигательнаго, ь очевидно стоитъ за ъ, а не за *е*, или за *и*, — вообще не въ значеніи тонкаго выговора: придохомь поклонитьса, приде крьститьса, и др. — Тоже подтверждаетъ дальнѣйшее употребленіе ь.

17. На концѣ словъ ь, поставленный согласно съ древнимъ правописаніемъ, означалъ тонкій выговоръ, по русскому произношенію, присутствіе котораго очевидно въ формѣ неопредѣленнаго наклоненія можеть ьздвигноуть (стр. 43 ст. 1). Такой-же выговоръ имѣетъ ь, когда замѣняетъ и, что въ Р. Е. встрѣчается довольно часто.

18. Въ срединѣ словъ ѣ весьма часто соотвѣтствуетъ древнему употребленію полугласныхъ. Но есть же примѣры, по которымъ можно судить, какъ выговаривалъ полугласныя писецъ предпослѣдняго списка, а именно: а) рожетвомь (стр. 13, ст. 1.), миромь: такъ, стало быть, выговаривался ѣ въ срединѣ словъ, соотвѣтствующій полугласному ъ, а не за е, какъ утверждалъ г. Ганка; б) лоудьмь, моцьмь дат. пл.; здѣсь ѣ=е; это можно бы приписать и чешскому писцу столько же, какъ и русскому-по исключительно чешскаго выговора въ употребленіи ѣ не видно. Притомъ оба эти выговоры принадлежатъ предпослѣднему писцу; послѣдній же скопировалъ механически это правописаніе, дозволивъ себѣ только замѣнить ъ буквою ѣ.

19. ы употребляется правильно, и есть очевидныя доказательства отчетливаго произношенія его въ правописаніи: покиты вмѣсто: покитъ и, поаты вм. поатъ и. Но какъ эти примѣры, такъ и вообще соблюденіе ы на своемъ мѣстѣ принадлежитъ не послѣднему писцу, который написалъ:

20. прабьдиви си вм. сыи (*). И наоборотъ: ныже вм. иже. Послѣдняя форма можетъ принадлежать и южнорусскому писцу; первая же — сербскому и болгарскому позднѣйшаго времени, но едва ли чешскому писцу.

21. ѫ выговаривается за оу и употребляется вмѣсто этой буквы столь-же часто, какъ и уступаетъ ей свое мѣсто. Вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же ѫ означаетъ и ю: свож, глѫцѭ дат. пад., благокѣствѫ, и мн. др. Различать въ

(*) Въ моей рецензіи сюда же отнесена фраза: да не ѩкѣви его сътворѧтъ; но въ этомъ сочиненіи я причисляю ее къ механическимъ опискамъ (см. стр. 203). ѣ въ словѣ ѣви поставлено вмѣсто ѣ, отъ которой осталась точка между ѣ и ѣ; а и относится къ его; нѣ вмѣсто ѣ см. подъ № 9; встрѣчается и въ другихъ рукописяхъ.

выговорѣ этой буквы оу и ю предоставлялось догадливости читателя. Но что въ этомъ безразличномъ правописаніи можно еще предполагать различіе въ выговорѣ, показываютъ примѣры:

22. поустити ю, вопрашающю. Такъ-же: ѓждѣа и ждѣа, вмѣстѣ съ ноудеа, иждеа: въ обоихъ случаяхъ, вѣроятно, выговаривалось юдеа, какъ выше иегда и егда значило егда.

23. Послѣ л и н, ѫ, вопреки русскому выговору, значилъ не ю; а оу, какъ показываетъ попеременное употребленіе этой буквы съ ѫсомъ: лѫдье и лоудье, вьзлоублены, посльоу, крьстителоу, землоу, постыноу, поклоноуса, господьнѫ. По всей вѣроятности, выговоръ л занималъ извѣстную средину между ль и лъ, для которой не могло быть различія между оу и ю, а въ буквѣ н подразумѣвался, можетъ быть, слитый съ нимъ ь, какъ въ нынѣшнемъ сербскомъ *нь*. Каковъ бы ни былъ впрочемъ выговоръ, правописаніе это встрѣчается въ сербскихъ памятникахъ. Сюда же относится: по морѫ. Почти всѣ эти слова можно найдти въ этомъ видѣ въ Сербскихъ Споменицахъ. — Тамъ-же форма Р. Е: никѫла.

24. Въ нѣкоторыхъ словахъ ѫ имѣетъ странное начертаніе, въ которомъ слиты въ одно обѣ древнія посовыя: къ а прибавленъ верхній треугольникъ ѫса; отъ чего происходитъ начертаніе: ѧ. Въ изданіи г. Ганки оно замѣнено или юсомъ или а, безъ всякаго объясненія, даже безъ упоминанія объ немъ. Оно однакожъ встрѣчается нерѣдко и употребляется въ значеніи оу и ю въ словахъ: сътворѧшѫ (стр. 3 столб. 2, по изд. Силв) оугнѣтѧщю (ibid.), крѧхѫ (стр. 13, 2.), не сѫть (15, 1.) глѫщемь 16, 1.); трѧхоиитьскоѫ (20, 1), откры ѧтьса (29, 2).

25. Въ слѣдующихъ словахъ ѧ употребленъ за а:

ицѣлитисѫ (4, 1), вьсмѣтесѫ, вьдрадоуитесѫ, (ibid. 2), зачѧтие (ibid.), сѫцѧѫ (14, 2), ѫзыци (16. 1); ицѧдиѧ (21, 1), вьмѣцѣтьсѫ (ib. 2); нефалимлѫ (25, 2). Тоже начертаніе употреблено еще за ѧ = ꙗ (см. выше № 8).

26. Вмѣсто ѧ (= Болг. ѧ) дважды употребленѫ, по средне-болгарскому правописанію: ѫзыкы (11, 2 изд. Сп.ив.), чѧдѧцѧсѫ (16.) ѥѫ (10, 2), до осмидесѧть, (12, 1).

27. Пр҃рка гласѧ и два раза ѫ вм. ѫ — безъ сомнѣнія, ошибка писца самого Р. Е., или его копіи, сдѣланной для изданія.

28. ѧ выговаривается по русскому произношенію за ꙗ, и послѣ буквъ ц, ш замѣняется буквою а: сѫцѧѧ болѧцѧѧ вин. множ., вьзвратишаса, глаша. Примѣры, подобные идоша довольно рѣдки.

28. ѧ измѣняется иногда на ѥ, ѣ, и ѥ, по сербскому выговору: кысѣ вин. множ., стомцѣ — тоже, оученикы свое, грѣхы свое — дважды, ѿ нееже, сѣтыѧ недѣлѣ, стазѣ вин. ин., ни єдино пользѣ обрѣтъши.

29. О буквѣ ꙋ (гречес. *υ*) стоитъ упомянуть по причинѣ непостояннаго ея употребленія. Она употребляется и въ своемъ истинномъ значеніи, и вмѣсто ꙋ: кꙋрѧкꙋ и пр. Вмѣсто ꙋ употребляется иногда и, чаще — оу и ѫ: ꙋ поставлено неумѣстно въ словѣ лꙋтоꙋргиѧ вм. ли..., изъ чего потомъ вышло правописаніе: лоутргиѧ.

30. Изъ согласныхъ буквъ самую замѣчательную особенность составляетъ употребленіе ж вм. жд, по русскому выговору: прѣже, хожѧше, рожьство: жд осталось въ весьма немногихъ случаяхъ: рождьство, рожденыи, ноужьдьници.

32. О состояніи буквы л, запявшей средину между ьл и лъ сказано выше.

33. Вмѣсто ф и ѳ употреблено т въ словѣ назаретъ.

Такъ-же однажды мᾶтέа. Надстрочные знаки здѣсь, какъ и вездѣ, поставлены произвольно и безъ всякаго значенія; но они дѣлаютъ невѣроятнымъ, чтобы писецъ забылъ здѣсь поставить на верху ѳ.

34. О формѣ *псати*, г. Павлопскій замѣтилъ, что она встрѣчается и въ русскихъ памятникахъ, у Нестора и въ Мстиславовомъ договорѣ 1228 года. Мы прибавимъ: въ послѣсловіяхъ Святославова Сборника и Мстиславова Евангелія. Поэтому самою формой этого слова нельзя рѣшить, принадлежитъ ли оно чешскому писцу или русскому.

35. Отмѣтимъ такъ-же отдѣльныя формы сѧдоу и сѧждоу, ижнегоже.

36. Собственныя имена: Нестеръ, Коузьма, Дамьанъ, Сѣменъ: всякій русскій узнаетъ здѣсь свой выговоръ. Послѣднее имя впрочемъ подвергается измѣненіямъ: смоонъ, сѣмьонъ. Еще болѣе искажено имя Іоаннъ: (см. стр. 202).

37. Имена мѣсяцовъ пишутся не по древнему правописанію: генвара, септемврь и септамврь, октемврь и октомврь, ноамврь и ноемврь. декемврь.

38. Между формами склоненія существительныхъ должно отмѣтить: григора и григорьа.

39. а) Кесара, но чаще цр҃а, геѳара по предпочтенію ѧ чистому *а* (см. выш.). b) Прѣдтечи, богородици,—руссизмы.

40. Склоненія прилагательныхъ отличаются тѣмъ, что полныя формы род. п. съ удвоеніемъ *а*: шестаго встрѣчается весьма рѣдко: тоже самое въ спряженіи глаголовъ. гл҃аше и подобныя формы, встрѣчаясь изрѣдка, показываютъ только, что онѣ не намѣренно сокращены какимъ-либо писцомъ, а исчезали сами собою, постепенно, а это могло произойдти только послѣ нѣсколькихъ переписокъ. Писецъ Р. Е. былъ еще расположенъ удваивать ѧ, какъ показываетъ примѣръ раажданьства.

41. Въ остальныхъ отношеніяхъ склоненіе прилагательныхъ соблюдается древнее, сколько позволяло обозначенное нами правописаніе. а) Исключеніе составляетъ: законьномоу, — не исключительный русизмъ, но за то вовсе не чехизмъ. b) Въ формѣ нѣкого г. Ганка указывалъ особенность чешскаго нарѣчія; но мы не видимъ, почему онъ производилъ эту форму отъ нѣкыи, а не отъ нѣкъто.

42. Въ склоненіи причастій встрѣчается форма имен. множ. ии вмѣстѣ съ окончаніемъ єи: алчѫщии, плачѫщии.

43. Формы причастія прошедшаго времени: родивыса, помыслившоу, крьстивыса.

44. О неопредѣленномъ наклоненіи въздвигноути было упомянуто выше.

45. оугнѣтахоути — чистый русизмъ.

46. Начертаніе буквы ѱ древнее; за то древнее ѯ вовсе не встрѣчается. Сокращеніе ѿ употребляется часто, ц — исключительно. ъ и ь вовсе исключены; за то составъ азбуки увеличенъ начертаніями ѡ и ѻ съ точкою въ срединѣ, кромѣ обыкновеннаго о. Разъ или два встрѣчается сокращеніе слога *ть* Ѣ. Въ употребленіи надстрочныхъ знаковъ не только нѣтъ никакого намѣренія писца въ отношеніи къ звукамъ, но не видно никакого постояннаго каллиграфическаго обычая: ими распоряжается совершенный произволъ. Въ этомъ отношеніи Реймское Евангеліе представляетъ совершенную противоположность Остромирову Евангелію и отрывкамъ, изданнымъ г. Миклошичемъ.

§ 37.

Послѣ этого исчисленія особенностей правописанія Р. Е. намъ нѣтъ надобности возставать противъ остатковъ древ-

ности, какіе въ немъ сохранились: какъ бы ни были они многочисленны или древни, они не отстранятъ остальной массы особенностей, которая указываетъ на времена позднѣйшія. Мы расположены даже отъискивать, сколько можно, болѣе остатковъ древности, потому что они, не рѣшая вопроса о древности списка, могутъ объяснять исторію его оригиналовъ. Къ сожалѣнію, слѣды древнѣйшаго правописанія почти совершенно изглажены господствующею массою позднѣйшаго правописанія, какъ замѣчено отчасти уже выше. Въ этомъ отношеніи Реймское Евангеліе такъ отлично отъ Остромирова, что самое сравненіе между ними едвали умѣстно: въ послѣднемъ, не смотря на частые руссизмы, не трудно возстановить не только правильное церковное правописаніе, но можно указать и слѣды древнѣйшихъ переписокъ, предшествовавшихъ послѣднему списку діакона Григорія, и замѣчаніе, сдѣланное объ этомъ г. Востоковымъ въ Разсужденіи 1820 года предположительно, могло быть основано на признакахъ правописанія въ самомъ О. Е. Даже не столь древніе русскіе списки и болѣе, чѣмъ О. Е., проникнутые русскимъ выговоромъ, обнаруживаютъ еще состояніе не-русскаго оригинала, съ котораго они списаны. Не таково правописаніе Реймскаго Евангелія: здѣсь изъ господствующаго смѣшенія можно *развѣ только возстановить* русское правописаніе XII или, можетъ быть, XI вѣка; а отъ предъидущаго состоянія не-русскаго оригинала остались только отдѣльные примѣры, по которымъ нельзя угадать всего правописанія. Въ этомъ отношеніи замѣчательно слѣдующее.

Двоякая форма род. пад. григорьѧ и григора встрѣчается и въ О. Е; но обѣ эти формы принадлежатъ не русскому писцу, потому что встрѣчаются въ Житіяхъ

Святыхъ, изд. г. Миклошичемъ. Но формѣ сѣзадоу нѣтъ ничего подобнаго въ О. Е.; мы не нашли ея и въ другихъ древнѣйшихъ *не*-русскихъ памятникахъ, какіе доселѣ общедоступны; но есть подобныя, именно: безчреду въ Фризингскихъ статьяхъ. При этомъ г. Востоковъ замѣчаетъ, что нынѣ такой формы нѣтъ ни въ одномъ славянскомъ нарѣчіи, исключая русскаго: *чередъ*. Въ Житіяхъ, изд. Микл., есть форма посрѣдоу (и посрѣдѣ); тоже у Іоанна Экзарха Болгарскаго въ сербскомъ спискѣ (изд. Калайдовича 141 стр.), и въ одномъ русскомъ спискѣ въ Румянцовскомъ Музеумѣ. Изъ *русскихъ* же списковъ мы встрѣтили форму сѣзадоу въ рукописи XII вѣка въ Румянцовскомъ Музеумѣ подъ № CIII; сѣзажда, напоминающее форму Р. Е. сѣзаждоу, — въ спискѣ XIII вѣка въ Публичной Библіотекѣ № 7 въ листъ. — Въ Р. Е. изрѣдка: назареть, нефталимь; въ О. Е. въ этихъ словахъ постоянно ѳ, но есть: елеуферии — правописаніе, какого не могъ внести русскій писецъ; въ другихъ русскихъ спискахъ, XII и XIII вѣка, въ подобныхъ случаяхъ то т, то ѳ или ф. Такъ-же, въ Р. Е.: заматерѣвъши, въ О. Е. заматерѣѣъши и заматорѣѣъши, какъ въ Житіяхъ, изд. Микл., одолѣти и одѣлѣти, если только послѣднее не описка. Краткія формы прош. времени: отъидѫ, обрѣтѫ, употребительны въ Glagolita Cloz. и, по замѣчанію г. Миклошича, вообще въ глаголитскихъ памятникахъ; въ Клоцевыхъ же отрывкахъ и у Іоанна Экз. Болг. (стр 177.) встрѣчается: ижнего. Формы, подобныя означеннымъ нами подъ № 42, 43, употребляются въ вышеозначенныхъ Житіяхъ и могутъ быть приписаны русскому писцу только по большинству остальныхъ признаковъ. Точно такъ-же можно бы указать въ древнихъ памятникахъ и на другія грамматическія и лексикографическія разницы

Р. Е., не исключая и тѣхъ, которыя г. Ганка приводилъ въ доказательство древности и чешскаго происхожденія Р. Е.; но мы удовольствуемся общимъ замѣчаніемъ, къ которому привели насъ сдѣланныя нами наблюденія. Въ Р. Е. нѣтъ ни одного чтенія, котораго не встрѣчалось бы въ русскихъ спискахъ отъ XI до XIV вѣка (*). Правда, мы не нашли ни одного списка, совершенно сходнаго съ Р. Е.; но кто же возметъ на себя увѣрять, что такой списокъ долженъ быть непремѣнно? Напротивъ, изъ тѣхъ, какіе намъ удалось сравнивать, самые близкіе между собою, всегда разнятся какими-нибудь чтеніями. Такъ и въ отношеніи къ Р. Е. одни изъ нихъ болѣе близки, другіе — менѣе, а всѣ вмѣстѣ содержатъ въ себѣ всѣ его чтенія. Этимъ объясняется, почему Несторова лѣтопись въ мѣстахъ заимствованныхъ изъ Евангелія, имѣетъ иногда сходство съ Р. Е., а не съ Остромировымъ, какъ замѣтилъ г. Паплонскій: видно, что текстъ съ чтеніями Р. Е. былъ довольно распространенъ между Русскими.

Слишкомъ было бы смѣло предпринять изслѣдованіе древнѣйшей исторіи правописанія, на которую указываетъ здѣсь Р. Е. немногими остатками древнѣйшихъ формъ въ своемъ правописаніи. Такое изслѣдованіе потребовало бы критическаго обозрѣнія правописанія въ возможно-наполь-

(*) Въ моихъ замѣткахъ не оказалось только слова сыгъ. Но еслибъ его и дѣйствительно не оказалось въ русскихъ спискахъ, ужели г. Ганка будетъ настаивать, что это чешское чтеніе въ Р. Е.? Пользуясь его методой, съ одинаковымъ правомъ можно назвать это чтеніе русскимъ. Легко могло быть, что я, при чтеніи рукописей, пропускалъ это чтеніе именно потому, что оно слишкомъ обыкновенно для Русскаго. При случаѣ я не забуду справиться, не оказало ли мнѣ дѣйствительно этой дурной услуги натуральное знаніе церковнаго языка, свойственное мнѣ какъ Русскому, точно такъ-же, какъ выше замѣтилъ я это о г. Паплонскомъ.

шемъ кругѣ древнѣйшихъ памятниковъ, къ которому Р. Е. не принадлежитъ главною массою своего правописанія. Мы должны ограничить свои выводы тѣми отношеніями нашего памятника къ другимъ, какія и сколько онѣ обозначены нами выше. Въ этихъ границахъ всего вѣрнѣе выходятъ въ отношеніи къ нашему вопросу отрицательныя заключенія. Если древнѣйшія уклоненія отъ правильнаго правописанія въ Р. Е. встрѣчаются въ Остромировомъ Евангеліи и въ другихъ древнѣйшихъ памятникахъ, то, принимая Р. Е. за списокъ Прокопія Чешскаго, должно заключать, что эти формы древнѣе списковъ Остромировскаго и Реймскаго: въ противномъ случаѣ, отъ рукописи Прокопія надобно бы было производить О. Е. и другіе древніе памятники, въ которыхъ встрѣчаются тѣже самыя особенности. Тоже самое должно заключать изъ сходства особенностей Р. Е. съ памятниками позднѣе XI вѣка: въ противномъ случаѣ рукописямъ Прокопія Чешскаго должно бы было приписать слишкомъ обширное распространеніе, на что едвали отважатся самые жаркіе защитники Реймскаго Евангелія. Ужели должно напр. означенный выше русскій списокъ XII вѣка производить отъ Прокопіевскаго оригинала потому, что и въ немъ, какъ въ Р. Е., встрѣчается форма сѣзадоу? Напротивъ, судя по тому, что исчисленныя формы Р. Е. встрѣчаются во *многихъ* какъ древнихъ, такъ и позднѣйшихъ спискахъ, надобно полагать, что формы эти ведутъ свое начало отъ древнѣйшихъ временъ, и мы нимало не затрудняемся приписать Р. Евангелію сохраненіе такихъ остатковъ древности. Въ Остр. Евангеліи мы видимъ нѣкоторые слѣды древнѣйшихъ писцовъ: нѣкоторые изъ нихъ есть и въ Реймскомъ Евангеліи; но въ послѣднемъ мы указали выше свои особенности, какихъ

нѣтъ въ Остр. Ев.: слѣдовательно оно увеличиваетъ, хотя немногими данными, матеріалъ для древнѣйшей исторіи правописанія, которая въ послѣдствіи послужитъ, можетъ быть, къ объясненію лексикографическихъ измѣненій текста (варіантовъ въ собственномъ смыслѣ). Но какъ означенныя формы правописанія, такъ и самые варіанты Р. Е., вовсе не составляютъ такихъ необыкновенныхъ рѣдкостей, чтобы нельзя было пріобрѣсть ихъ изъ другихъ, древнихъ и позднѣйшихъ, списковъ: это должно много убавить въ преувеличенномъ мнѣніи о его важности. Ставить его выше Остромирова Евангелія, потому-что та или другая форма или варіантъ кажется въ немъ древнѣе Остромировскаго чтенія, могутъ только тѣ, кому неизвѣстно, сколько задаютъ подобныхъ вопросовъ своими чтеніями другіе списки, даже XIII и XIV вѣка. Не зная другаго списка, совершенно сходнаго въ чтеніяхъ съ Р. Е., мы должны допустить, что оно представляетъ въ себѣ особенное состояніе евангельскаго текста, которое — мы охотно допускаемъ это — можетъ оказать своего рода услугу при сравненіи текстовъ, но тоже самое можно сказать и о многихъ другихъ спискахъ; стало быть Р. Е. займетъ между ними мѣсто, какъ одинъ изъ необходимыхъ членовъ сравненія, но наравнѣ съ ними, а не выше. Напередъ могло бы быть отдано ему нѣкоторое предпочтеніе только тогда, когда было бы доказано, что сохраненное имъ состояніе текста дѣйствительно древнее: такъ въ О. Е. самыя позднѣйшія измѣненія текста не позднѣе XI вѣка; но о Р. Е., очевидно, нельзя утверждать этого, покуда вопросъ о древности списка остается нерѣшеннымъ. Мы видѣли, что защитникъ Р. Е., сравнивая его чтенія съ Остромировскими, находилъ сходныя съ нимъ чтенія столь-же древними, какъ

и Остромировскія, а несходныя — древнѣе Остромировскихъ: чѣмъ бы ни оказались этого рода мнѣнія въ послѣдствіи, но до сихъ поръ онѣ чистыя предположенія, за которыя нѣтъ никакого ручательства даже въ разсужденіе древности отдѣльныхъ чтеній, какъ это довольно даетъ чувствовать г. Паплонскій; но заключать на этомъ основаніи о древности самаго списка можно было только при рѣшительномъ предъубѣжденіи въ пользу этого мнѣнія. Встрѣчая многія особенности Р. Е. во многихъ русскихъ спискахъ отъ XII до XIV вѣка, мы могли бы съ большимъ правомъ объявить Р. Е. русскимъ спискомъ XIII или XIV вѣка: но кто же не видитъ, что и это было бы преждевременно, покуда древность списка не испытана посредствомъ разбора правописанія?

§ 38.

Уже изъ предъидущаго обзора правописанія Р. Е. (§ 36) можно видѣть, что главная масса его русскаго происхожденія. Русское правописаніе содержатъ №№ 2, 3, 5, 7, 9, 10, 11, 13, 14, 17, 18, 19, 21, 22, 28, 30, 36, 37, 39 44, 45. Всего 21 №, то-есть около половины общаго числа ихъ; но замѣтимъ, что въ числѣ русскихъ особенностей содержатся самыя обширныя по употребленію, встрѣчающіяся въ продолженіи всего текста чуть не на каждой строчкѣ, тогда какъ остальныя почти всѣ состоятъ только изъ тѣхъ отдѣльныхъ примѣровъ, какіе мы выбрали. Защитники послѣсловія берутъ изъ этой массы два или три признака, и опуская другія, которые нейдутъ къ ихъ мнѣнію, объявляютъ первые — чехизмами. Дѣйствительно, нѣкоторыя особенности, взятыя по одиначкѣ, могутъ быть объясняемы изъ

другихъ славянскихъ нарѣчій, кромѣ русскаго; но въ общей массѣ онѣ идутъ только къ русскому выговору, и тогда признаки обоюдные, въ совокупности съ исключительно-русскими, освобождаются отъ всякаго подозрѣнія въ двусмысленности. Такъ, употребленіе ѫ въ смыслѣ оу можно приписывать вліянію и русскаго, и сербскаго и чешскаго нарѣчія; вмѣстѣ съ употребленіемъ ѧ въ смыслѣ ꙗ — только русскому и отчасти чешскому; но какъ скоро въ правописаніи нѣтъ рѣшительныхъ признаковъ чешскаго выговора, а есть исключительные руссизмы, какъ напр. ж вмѣсто жд, то первые два сами по себѣ остаются такими же рѣшительными признаками русскаго выговора, какъ послѣдній. Кромѣ того, что подъ категорію другихъ разрядовъ нельзя подвести нѣкоторыхъ особенностей, потому что онѣ принадлежатъ исключительно русскому выговору, первые не годятся для этого ужъ и потому, что ихъ вѣрные признаки ограничиваются немногими отдѣльными примѣрами; между тѣмъ какъ обоюдныя, которыя съ ними надобно бы было совмѣстить, весьма обширны по употребленію. Такъ употребленіе є и ѣ вмѣсто ѧ есть вѣрный признакъ сербскаго правописанія: но смѣшенія оу и ѫ нельзя считать по этому сербскимъ же признакомъ; потому что эти два правописанія такъ несоразмѣрны между собою по обширности употребленія, что рѣшительно было бы необъяснимо, почему употребленіе є и ѣ вм. ѧ не такъ же обширно допущено писцомъ, какъ смѣшеніе ѫ и оу. Совмѣщая все, что *можетъ* быть совмѣщено, подъ категорію русскаго разряда, мы получимъ главные признаки соразмѣрные между собою: такъ, смѣшеніе оу и ѫ, употребленіе ѧ въ значеніи ꙗ, и ж вмѣсто жд одинаково обширны. Мы не дѣлаемъ никакой попытки объяснять

правописаніе Р. Е. изъ чешскаго выговора, потому что въ Р. Е. нѣтъ ни одного рѣшительнаго признака его, который бы не нуждался въ подтвержденіи другими, и который могъ бы служить точкою опоры, хотя нѣкоторыя особенности, по своей обоюдности, *могли* бы быть приписаны чешскому выговору, какъ замѣчено выше.

Къ какому времени принадлежитъ русское правописаніе Реймскаго Евангелія? Не смотря на очевидное измѣненіе, произведенное въ буквѣ ь позднѣйшимъ, не-русскимъ писцомъ, основываясь на употребленіи этой буквы въ срединѣ словъ, можно бы отнести русскій списокъ къ XI вѣку; но противъ этого рѣшительно возстаетъ остальное правописаніе. Допустимъ, что въ русскомъ спискѣ было ѫ, и что оно исключено только позднѣйшимъ писцомъ; возстановимъ такъ-же и ъ, на основаніи двоякаго выговора, обнаруживающагося подъ безразличнымъ употребленіемъ ѣ (№ 15—18); все-же въ Р. Е. будетъ не доставать двухъ начертаній ѭ и ѩ, которыя составляютъ еще обыкновенную принадлежность русскихъ списковъ XI вѣка и для возстановленія которыхъ въ предпослѣднемъ спискѣ нѣтъ никакого основанія въ послѣднемъ. Отъ употребленія буквъ, составляющаго отличительный признакъ древности, сохранившейся въ рукописяхъ XI вѣка, остались только рѣдкіе слѣды: таково употребленіе чистаго а послѣ гласныхъ, удвоеннаго аа и вообще полныя формы. Если и допустимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ были уничтожены только послѣднимъ писцомъ, то все-же мы не имѣемъ основанія предполагать ихъ въ предпослѣднемъ спискѣ столько, чтобы отнести его къ XI вѣку. Но нѣкоторыя изъ нихъ, напр. замѣна чистаго *а* буквою ѫ (№ 1), какъ увидимъ ниже, не можетъ принадлежать послѣднему писцу. Употребленіе ѣ вытѣснено, очевидно,

русскимъ выговоромъ ѥ за ѣ, которое писецъ потому и считалъ за излишнее; когда же хотѣлъ отличить отъ ѥ, то смѣшивалъ съ иѥ, какъ показываетъ форма иѥгда. Употребленіе ѫ за оу и ю и ѧ за ѫ, и обратно, до того смѣшанно, что для г. Востокова одного этого признака было довольно, чтобы не равнять Реймское Евангеліе съ Остромировымъ. Напрасно стали бы искать въ немъ сколько-нибудь правильнаго употребленія новыхъ по древнему правописанію: смѣшеніе дошло до того, что ѫ ставится за оу и за ю безъ всякаго различія. Намъ кажется, что крайняя степень этого смѣшенія принадлежитъ послѣднему писцу; но оно не могло бы дойдти до этой крайности безъ повода въ ближайшемъ и именно въ русскомъ оригиналѣ. Такимъ поводомъ могло быть употребленіе ѫ съ надстрочнымъ знакомъ вмѣсто ѭ. Образчикъ такого употребленія мы имѣемъ въ правописаніи отрывковъ, изданныхъ г. Миклошичемъ. По такому, безъ сомнѣнія, поводу русскій писецъ написалъ въ послѣсловіи Святославова Сборника: л҃ѫко, не забывъ поставить надстрочный знакъ для отличія отъ ѫса въ значеніи оу, въ какомъ онъ употребилъ его въ томъ-же самомъ послѣсловіи: ѥмѫ. Ясное сознаніе этого различія должно было поддерживаться правописаніемъ Святославова Сборника, въ которомъ употребляется еще ѭ. Но у писца XII вѣка находимъ уже (въ послѣсловіи Мстиславова Евангелія, см. I. Э. Б. Кал. прим. 67.) цароу и лѫдемъ — безъ надстрочныхъ знаковъ: это предполагаетъ въ правописаніи, какое было извѣстно писцу, уже рѣдкое употребленіе или и совершенное исключеніе ѭ, и неточное соблюденіе надстрочнаго знака надъ ѫсомъ, употребляемымъ вмѣсто ѭ. Но такого правописанія мы не можемъ указать между русскими писцами XII вѣка и только *пред-*

полагаемъ его существованіе на основаніи Реймскаго Евангелія: потому-что писецъ его, очевидно, или вовсе не находилъ, или находилъ весьма рѣдко начертаніе ѭ и потому не оставилъ нималѣйшаго слѣда его въ своемъ спискѣ; надстрочные знаки были такъ-же поставлены неточно, и писецъ, не могши понять ихъ назначенія, сталъ употреблять ихъ безъ всякой цѣли и послѣдовательности, *или опускалъ ихъ по произволу.* Въ слѣдствіе того ѧ явился въ спискѣ и за оу и за ю безъ всякаго различія.

До сихъ поръ мы разсматривали степень искаженія древняго правописанія: теперь посмотримъ, съ какою силой и въ какой полнотѣ обнаруживается въ правописаніи Р. Е. русскій выговоръ. Не смотря на тщательность, съ какою писецъ старался сохранить въ употребленіи полугласныхъ правописаніе подлинника, онъ оставилъ, хотя немногіе, но ясные слѣды своего выговора, такъ что измѣненія, произведенныя позднѣйшимъ писцомъ, не понимавшимъ русскаго различія между ъ и ь, не могли ихъ изгладить. Твердый выговоръ ъ на концѣ словъ не можетъ подлежать сомнѣнію (№ 15, 16); какъ противоположность мягкому выговору ь, свойственная русскому нарѣчію, онъ является въ искусственномъ составленіи ы (№ 9); ему-же принадлежитъ строгое соблюденіе ы на своемъ мѣстѣ. Различіе между ъ и ь обнаруживается замѣною ихъ гласными є и о (№ 18) и обратно, употребленіемъ ь вмѣсто є по неумѣстному подражанію древнимъ памятникамъ. Русскій выговоръ ь въ употребленіи вмѣсто ї (№ 14) и въ русской формѣ ѣздѣ книгоучь (№ 17). Дѣйствіе тонкаго ь обнаруживается въ формахъ цр҃ь и др. (№ 3). Употребленіе ѧ вмѣсто чистаго а послѣ гласныхъ (№ 1) и выговоръ є за ѥ обнаруживаютъ такъ-же русскую наклонность къ сильному умяг-

ченію гласныхъ приставкою і. Употребленіе ѧ послѣ ж, ч, ц (№ 2) и наоборотъ ѧ послѣ ш и щ вмѣсто древняго ѧ, не довольствуясь выговоромъ этой послѣдней за ѧ, (№ 28) показываетъ, какъ мало уже зависѣло правописаніе памятника отъ древняго правописанія оригинала, и какъ свободно распоряжалось имъ свойство согласныхъ по выговору русскаго писца.

Отмѣченныя выше отдѣльныя формы, не смотря на свою отрывочность, довольно значительны въ разсужденіи времени русскаго списка. Родительные падежи: предътечи, богородици, несвойственны древнѣйшимъ временамъ: русскіе писцы долго удерживали древнія формы предътеча, богородица, или, подражая древнему правописанію, но удерживая свой выговоръ, хотя и противъ своей грамматики, писали богородица. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ Нестора встрѣчаются и подражанія древнему правописанію и формы Реймскаго Евангелія. Когда измѣнено древнее правописаніе именъ мѣсяцовъ, декабрь, ноябрь, на декемврь и пр., какъ въ Р. Е., мы не будемъ опредѣлять; но перемѣна эта, очевидно, произошла не вдругъ, а входила мало по малу, потому что и въ Р. Е, вмѣстѣ съ правописаніемъ ихъ съ буквою м, встрѣчается хотя изрѣдка и древнее правописаніе съ буквою ѧ. Постепенность эта предполагаетъ разстояніе между XI вѣкомъ и временемъ русскаго списка. Еще замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи русскій выговоръ собственныхъ именъ: Нестерь, Коузьма, Дмьмнь, Ѳмень: надобно, чтобъ эти имена были въ ходу въ названіи многихъ лицъ; нужно время, чтобъ этотъ выговоръ установился и усвоился до такой степени, чтобы его считали за правильный; (*) но

(*) Въ подтвержденіе того, что русскія формы именъ не могли образоваться скоро, припомнимъ, что Русскіе до XIII вѣка имѣли

и при этомъ онъ, безъ сомнѣнія, не вдругъ замѣнилъ въ церковныхъ памятникахъ правильныя формы.

Любопытно видѣть, отважатся ли защитники послѣсловія приписать выставленные нами признаки XI вѣку; но указать такого правописанія въ памятникахъ XI вѣка они не могутъ. (*) Имъ остается одно средство — утверждать, что такое правописаніе *могло быть* въ XI вѣкѣ, отстраняя то, что *было*, и не объясняя, какимъ образомъ могло произойти то, чего, судя по дошедшимъ до насъ памятникамъ, не только не было, но и не могло быть. Намъ извѣстно состояніе правописанія въ оригиналахъ списковъ XI вѣка: они не объясняютъ возможности такой порчи, какъ въ Р. Е. Писцы XI вѣка сохраняли по возможности правописаніе оригиналовъ; но и самыми злоупотребленіями своими, неумѣстнымъ употребленіемъ одной буквы вмѣсто другой, которыя казались имъ однозначащими, они обнаруживали орографическія средства, какія находили въ своемъ оригиналѣ, и которыя составляютъ отличительные признаки времени. По мѣрѣ переписокъ увеличивалось число этихъ злоупотребленій и умножалось новыми злоупотребленіями средствъ послѣдняго оригинала. По мѣрѣ смѣшенія правописанія оригиналовъ полнѣе обнаруживался народный выговоръ писцовъ, и умножались обмолвки ихъ по народному выговору замѣною однихъ буквъ другими, неравнозначащими буквами. Соображая съ этою постепенностью степень искаженія древняго правописанія въ Р. Е. и мѣру обнаруженія на-

---

по два имени, одно — христіанское — другое «мирское»: въ общемъ употребленіи были, безъ сомнѣнія, послѣднія.

(*) Ссылались на Святославовъ Сборникъ: но въ Р. Е. не набрать правильныхъ формъ и для однихъ заглавій Сборника, выписанныхъ въ Каталогѣ Румянцовскаго Музеума.

роднаго выговора въ употребленіи буквъ, нельзя бы было дать русскому списку Р. Евангелія болѣе XII вѣка; а судя по простонароднымъ формамъ собственныхъ именъ и по именамъ мѣсяцевъ трудно допустить и этотъ вѣкъ. Но такъ какъ русскій списокъ не послѣдній, то мы будемъ имѣть случай къ соображеніямъ о времени, которыя по разсмотрѣніи другихъ особенностей правописанія будутъ, можетъ быть, яснѣе.

§ 39.

Позднѣйшая переписка Реймскаго Евангелія съ русскаго оригинала прямо бросается въ глаза въ исключеніи буквы ѣ и въ употребленіи *одной* полугласной ъ. Русскіе писцы могли бы обойтись однимъ ѧ, и однако до сихъ поръ неизвѣстно ни одного русскаго списка, въ которомъ не было бы ѣ. Но безъ ъ русскіе писцы не могли обойдтись, и мы видѣли, что въ Р. Е. дѣйствительно есть различіе между ъ и ь, хотя употребляется только послѣдній. Исключеніе ера показываетъ недостатокъ различія между твердымъ и мягкимъ выговоромъ по нарѣчію писца: слѣд. писецъ, допустившій это исключеніе былъ не русскій Это видно и изъ самаго употребленія ь. Припомнимъ, что русскіе писцы никакъ не могли соблюсти правильнаго употребленія полугласныхъ послѣ л и р съ предъидущею согласной; вмѣстѣ съ немногими примѣрами правильнаго употребленія (плъныи, прадыи) самые лучшіе русскіе списки представляютъ множество нарушеній этого правописанія (пълныи, пьрадыи), и нѣтъ ни одного списка, гдѣ бы обошлось безъ такихъ нарушеній. Въ Р. Е напротивъ нѣтъ *ни одного* такого нарушенія: ь всегда ставится здѣсь *послѣ* л и р съ предъиду-

щею согласной. Какъ это правописаніе, такъ и исключеніе ера есть принадлежность сербскихъ списковъ, происходящая изъ свойства сербскаго парѣчія, въ которомъ тонкій выговоръ согласныхъ исчезъ, исключая слоги нѧ и лѧ, которые потому и пишутся нынѣ слитно съ ь.

Эти лѧ и нѧ въ Р. Е. обнаруживаютъ свое дѣйствіе въ употребленіи лоу и ноу, или лѫ и нѫ вм. лѫ и нѫ (*лю, ню*) (№ 23). Такъ какъ тонкій выговоръ опредѣляется здѣсь свойствомъ согласной, то для сербскаго писца было все равно—поставить здѣсь оу или ю, и въ сербскихъ спискахъ дѣйствительно употребляется въ подобныхъ случаяхъ то и другое. Но этому еслибы писецъ Р. Е. находилъ въ своемъ русскомъ подлинникѣ ю, то ему не было надобности избѣгать этой буквы; почему же онъ ставитъ лоу и ноу? Вѣроятно, потому, что въ подлинникѣ стоялъ въ этихъ случаяхъ ѫ, а не ю, и писецъ, сообразно съ своимъ выговоромъ и съ правописаніемъ оригинала, измѣнялъ его на оу. Такимъ образомъ, гдѣ у русскаго было: лѫди, оучителѫ, глаголѫ, и т. д., тамъ сербскій писецъ ставилъ: лоуди, оучителоу, глаголоу, и наоборотъ, вмѣсто по глаголоу, писалъ по глаголѫ. Пересмотрѣвъ такимъ образомъ текстъ Р. Е., мы найдемъ, что и въ русскомъ оригиналѣ его ѫ ставился уже безъ различія не только съ оу, но и съ ю (или ѫ). Равнымъ образомъ, весьма вѣроятно, что злоупотребленію юса за ю послѣ гласной содѣйствовалъ сербскій обычай писать послѣ гласной оу вм. ю (примѣры можно найдти въ Сербскихъ Споменицахъ); но нельзя отвергать и того, что это злоупотребленіе было уже и въ русскомъ оригиналѣ; такіе примѣры есть между русскими списками, см. Опис. Рум. Муз. Эти замѣчанія, думаемъ, пригодятся для точнѣйшаго опредѣленія времени русскаго оригинала Р. Е.

Употребленіе є и ѣ вмѣсто ѧ есть такъ же сербизмъ, несовмѣстимый съ русскимъ правописаніемъ. Г. Папіонскій указалъ нѣкоторые примѣры этого употребленія въ русскихъ памятникахъ: *головы своее*, *дружины княжее*; формы эти можно считать чисто-русскими; тѣмъ не менѣе подобныя имъ въ Р. Е. принадлежатъ сербскому писцу: потому что въ русскихъ памятникахъ едвали можно отъискать ѥ вм. ѣѧ вин. мн., или стоящѣ вм —цѧ вин. мн.: вмѣсто цѧ русскіе обыкновенно пишутъ — ця.

Рѣдкіе случаи *и* вм. ы и обратно—такъ-же признаки сербскаго писца. Искаженія собственныхъ именъ: смоонѧ, иїанѣ, (см. стр. 202) показываютъ также не-русскаго писца. Форма Никѧла есть такъ-же принадлежность послѣдняго списка.

По этимъ особенностямъ мы могли бы заключать, что послѣдній списокъ Р. Е.—сербскій; но сейчасъ увидимъ другія особенности, которые приостанавливаютъ это заключеніе.

§ 40.

Въ Р. Е. есть слѣды чисто средне-болгарскаго правописанія: єѫ, ѫзыкѣ, осмьдесѧтѣ (№ 26); далѣе: ицѧдиѧ, зачѧтіе, исходѧщи съ смѣшаннымъ начертаніемъ ѫ (№ 25). Мы замѣтили выше, что это начертаніе употребляется и за ѫ (русск. оу, № 28) и за ѧ (№ 8). Но какъ бы мы ни принимали это начертаніе въ вышеприведенныхъ примѣрахъ, за ѫ или за ѧ, всегда будетъ выходить въ употребленіи его средне-болгарская замѣна ѫса — ѧ, или наоборотъ. Если тамъ ѫ значитъ ѧ, а не ѫ, то онъ долженъ значить тоже самое въ словахъ: глѫцимъ, трахонитьскоѫ, Ѿткрыѫтасѧ и др.;

а въ такомъ случаѣ здѣсь была бы опять средне-болгарская замѣна жса ѧ.

Употребленіе ѧ вмѣсто ѥ и ѣ (№ 2) такъ-же не объяснимо изъ сербскаго правописанія. Оно встрѣчается въ болгарскихъ памятникахъ XIV вѣка (см. О Средне-Болг. Вокализмѣ, стр. 31). У Монаха Исаіи (Homilia in Ramos Palm. ed. Miklosich. Vindob. 1846 Epim. II.) пишется словѧнскыи и дѣиѧ, какъ въ Р. Е.

Что дѣлать съ этими особенностями? Объявить ихъ описками—нельзя: примѣры ихъ довольно многочисленны и не стоятъ въ отношеніи другъ къ другу особняками, но подводятся подъ общія категоріи, и въ этомъ видѣ, какъ мы сейчасъ видѣли, представляютъ въ себѣ обыкновенные признаки болгарскаго разряда XIV вѣка. Приписать сербскіе признаки болгарскому писцу довольно трудно: ѥ и ѣ вмѣсто ѧ у болгарскихъ писцовъ можно указать въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ примѣрахъ; но исключительнаго употребленія ѧ вм. ъ нѣтъ: оно только въ нѣкоторой степени возможно. Но главное—болгарскій писецъ не могъ бы допустить столько русизмовъ. Надобно замѣтить, что средне-болгарское правописаніе, какъ мы старались доказать въ Разсужденіи о Средне-Болгарскомъ вокализмѣ, основано было не на обычаѣ только людей граматныхъ, но на природной системѣ буквъ, на выговорѣ народномъ, который не пощадилъ древняго правописанія, выкроилъ изъ него новое правописаніе и заставлялъ соблюдать его какъ въ спискахъ древнихъ оригиналовъ, и въ оригинальныхъ средне-болгарскихъ памятникахъ, на пр. въ переводѣ Манассіи, такъ и въ спискахъ новѣйшихъ оригиналовъ другихъ разрядовъ,-сербскаго и русскаго. Даже въ позднихъ болгарскихъ спискахъ съ русскихъ оригиналовъ остаются только слѣды

русскаго вліянія, въ отдѣльныхъ формахъ, которые умножались въ теченіе времени; а въ Р. Е., наоборотъ, мы видимъ господствующее русское правописаніе, съ примѣсью сербо-болгаризмовъ. Такой списокъ не могъ выйдти изъ рукъ болгарскаго писца. Этого мало: въ самыхъ болгаризмахъ Р. Е. есть нѣчто несовмѣстное съ чисто-болгарскою системою звуковъ, какъ сейчасъ увидимъ.

Въ словѣ врѣхѫ смѣшанное начертаніе поставлено вмѣсто оу по русскому выговору; по церковному правописанію тутъ нѣтъ посоваго звука. Точно такъ въ словѣ (земля) нефѳалимлѫ, наоутри, начертаніе это поставлено за ѧ, очевидно, въ значеніи русскаго ꙗ. Даже ѫ поставленъ два раза не за болгарское ѧ, а за русское (= ꙗ): (да открыѭтсѧ) помышлениѫ, стожше. Изъ этого видно, что послѣдній списокъ сдѣланъ съ русскаго оригинала, въ которомъ вмѣсто ꙗ употреблялось ѧ; но списокъ этотъ сдѣланъ не-болгарскимъ писцомъ. Болгарскіе писцы, смѣшивая ѫ и ѧ, въ тоже время строго отличали ихъ въ выговорѣ отъ оу и ꙗ, и русское употребленіе ѫ и ѧ вмѣсто этихъ буквъ не могло ввести ихъ въ заблужденіе. Писецъ Р. Е., очевидно, знакомъ былъ съ болгарскою замѣною между ѫ и ѧ, имѣлъ даже въ ней навыкъ, но допускалъ ее механически, безъ помощи болгарскаго выговора, основываясь на однихъ начертаніяхъ ѫ и ѧ, и не различая ихъ отъ оу и ꙗ. Поэтому, если ему удалось попасть въ нѣкоторыхъ словахъ на чисто-болгарское употребленіе (ѥ, ѧзыкъ), то въ другихъ случаяхъ, оставилъ очевидные опъ признаки своего не болгарскаго происхожденія.

Самое употребленіе смѣшаннаго начертанія ѫ не можетъ принадлежать болгарскому писцу. Оно показываетъ полное отсутствіе различія между ѫ и ѧ; а въ средне-

болгарскомъ нарѣчіи эти буквы, замѣняя другъ друга въ однихъ случаяхъ, какъ безразличныя, въ другихъ строго отличались одна отъ другой. Такъ болгарскіе писцы употребляли ѧзыкъ, ѧгнѣ, и наоборотъ; но никогда не писали тѧжѧко вм. тѧжко, и постоянно употребляли глаголѧтъ, а не глаголѧтъ. Писецъ, изобрѣтшій начертаніе ѧ, не зналъ средне-болгарскаго различія между ѧ и а: онъ считалъ эти буквы за два начертанія одной и той-же буквы, и потому не находилъ никакого препятствія слить ихъ въ одно. Но вотъ что странно: въ употребленіи этого начертанія въ Реймскомъ Евангеліи обнаруживается нетвердое знаніе или пренебреженіе различія между ѧ и ѫ, и между ѫ и а даже въ русскомъ значеніи: писецъ ставитъ ѧ, по русскому выговору за оу: брѧхѫ, за ю: трѧхонитѧскомѫ, за ѫ: нефѳѧлимѧмѫ (см. выше). Выходитъ, что писецъ такъ-же не твердъ въ русскомъ выговорѣ, какъ поверхностно знакомъ съ средне-болгарскимъ смѣшеніемъ юсовъ. Трудно повѣрить, чтобы такъ могъ писать какой-нибудь Славянинъ, а не иностранецъ, едва знакомый съ церковнымъ языкомъ, который не могъ повѣрять своего правописанія живымъ знаніемъ церковно-славянскихъ формъ и словосочиненія, и котораго слухъ не поражался безсмыслицей, какъбы онъ ни читалъ вышеприведенныя формы съ смѣшаннымъ начертаніемъ.

Не знаю, за что примутъ это безсмысленное употребленіе изобрѣтеннаго невѣжествомъ начертанія защитники Реймскаго Евангелія, за признакъ ли правописанія св. Прокопія, или за его описки: до сихъ поръ они не объявили объ этомъ своего мнѣнія, пропуская эти странности съ непонятнымъ равнодушіемъ. Мы съ своей стороны не принимаемъ ихъ ни за то, ни за другое. Послѣ

того, что сказали мы выше о небрежности и искаженіяхъ въ Р. Е., мы не удивляемся странности этого правописанія. Самое начертаніе ѫ, конечно, есть странное и довольно рѣдкое явленіе, но все-же оно есть въ церковно-славянской письменности и объясняется свойствами и обстоятельствами того разряда ея, въ которой является это начертаніе. Оно найдено г. Востоковымъ въ рукописи Румянцовскаго Музеума подъ № CXXI. Правописаніе въ этой рукописи русское съ большою примѣсью средне-болгарскаго, которое принесено писцомъ изъ оригинала. Чему же приписать это начертаніе — списку или оригиналу? Такъ-же остается это неяснымъ и въ другой рукописи, въ которой г. Востоковъ указалъ это начертаніе, см. № CCCCVI. По этому для объясненія дѣла надобно искать начертанія ѫ въ другихъ памятникахъ.

До сихъ поръ мы встрѣтили это начертаніе только въ Влахо-Болгарскихъ Граматахъ, изданныхъ Венелинымъ (Спб. 1840). На первомъ спискѣ въ словѣ одежда послѣдняя буква ясно представляетъ смѣшенное начертаніе Реймскаго Евангелія. Въ другихъ словахъ средняя черта въ буквѣ ѫ начинается не отъ самой точки, на которой пересѣкаются крайнія линіи, но нѣсколько ниже: таково начертаніе юса въ словѣ кадилницѫ на первомъ снимкѣ, и къзлѫжетъ на второмъ снимкѣ. Наоборотъ, въ буквѣ ѧ, въ словѣ за моѧ (доушѫ) на второмъ-же снимкѣ, крайнія линіи продолжаются далѣе точки пресѣченія и образуютъ зародышъ треугольника, какъ въ буквѣ ѫ. Эти неточныя начертанія составляютъ переходъ отъ правильныхъ начертаній ѫ и ѧ къ смѣшанному ѫ. И въ Реймскомъ Евангеліи букви ѧ часто имѣетъ вышеозначенное неточное начертаніе, приближающее ее къ ѫ, такъ что, собравъ всѣ неточныя начертанія ея можно бы было про-

слѣдить, какъ изъ едва замѣтнаго узла на точкѣ соединенія крайнихъ линій ѧ постепенно образовался верхній треугольникъ до полнаго начертанія ѫ, которое представляетъ въ себѣ соединеніе ѫ и ѧ.

Уже изъ постепенности искаженія начертаній юсовъ, въ Валашскихъ грамматахъ видно, что искаженіе это принадлежитъ именно валашскимъ писцамъ: сейчасъ увидимъ, что это явленіе происходило изъ общаго состоянія языка въ Валахіи.

Корень славянскаго народоселенія въ Валахіи составляли Болгары. Валашская письменность есть только вѣтвь болгарской. Но если въ самой Болгаріи болгарскій языкъ не могъ спастись отъ поврежденія, то тѣмъ менѣе могъ онъ процвѣтать въ Валахіи, между народоселеніемъ, которое говорило языкомъ другаго племени. Для Валаховъ болгарскій языкъ былъ языкомъ богослужебнымъ и дипломатическимъ, но языкомъ только книжнымъ, въ родѣ латинскаго, который они изучали притомъ посредствомъ одного навыка, безъ тѣхъ ученыхъ, методическихъ пособій, какія издавна существовали для изученія латинскаго. При безотчетности этого усвоенія и подъ вліяніемъ такого языка, какъ Валашскій, условное употребленіе болгарскаго языка неизбѣжно должно было вести его къ искаженію. Парѣчіе бывшаго нѣкогда въ Валахіи славянскаго народоселенія едвали могло поддержать чистоту и правильность языка въ книжномъ употребленіи; напротивъ, само оно, вѣроятно, рано пострадало отъ вліянія валашскаго. Копитаръ приписывалъ этому вліянію упадокъ болгарскаго языка вообще: не принимая этого мнѣнія во всей обширности, мы находимъ совершенно умѣстнымъ упомянуть объ немъ въ этомъ случаѣ. Въ валашскихъ граматахъ, собранныхъ Венелинымъ, формы и синтак-

спсъ—въ упадкѣ; но всего вреднѣе для языка—непостоянство, произволъ въ употребленіи формъ, отсутствіе нормы. Въ древнѣйшихъ граматахъ въ собраніи Венелина правописаніе наблюдается средне-болгарское; но въ злоупотребленіи буквъ, оно, очевидно, ушло далѣе чистоболгарскихъ памятниковъ. Употребляя правильныя начертанія ѫ и ѧ, писецъ уже не заботится о строгомъ соблюденіи различія между ними, но допускаетъ, какъ мы видѣли, видоизмѣненія ихъ, посредствомъ которыхъ они сближаются между собою и приближаются къ смѣшанному ѫ. Въ словѣ възмѫжетъ ѫ, притомъ уже не совсѣмъ въ точномъ начертаніи, стоитъ совершенно противъ болгарскаго употребленія XIV вѣка, по которому здѣсь непремѣнно должно стоять ѧ (см. Разс. о Средне-Болгарскомъ Вокализмѣ.) Такимъ образомъ, въ Валашскихъ граматахъ мы видимъ и начертаніе ѫ, и постепенность его внѣшняго образованія, и внутреннія, фонетическія причины его происхожденія. — Разсмотримъ теперь другія особенности Валашскаго правописанія.

Вышеупомянутое состояніе болгарскаго языка и правописанія въ валашской письменности, естественно, не могло защитить правописаніе отъ вторженія чужихъ стихій, и мы видимъ въ собраніи Венелина, вмѣстѣ съ болгаризмами, примѣсь русскихъ и сербскихъ стихій, которая съ теченіемъ времени постоянно увеличивалась, хотя и не вытѣснила совершенно болгаризмовъ. Откуда и какъ вошли сюда эти стихіи, отъ русскаго ли народоселенія Валахіи, или отъ распространенія русскихъ и сербскихъ рукописей, отъ народнаго происхожденія производителей валашской письменности, отъ ихъ личной привычки къ той или другой формѣ правописанія, или отъ всѣхъ этихъ причинъ вмѣстѣ, мы не будетъ пускаться въ объясненіе.

Для насъ довольно того, что валашское правописаніе, какъ фактъ, представляетъ въ себѣ механическую смѣсь разнородныхъ стихій, болгарскихъ, русскихъ и сербскихъ: смѣсь эта обнаруживаетъ условное употребленіе и механическое усвоеніе письменнаго языка, недостатокъ живаго знанія, отсутствіе привычки къ какимъ-либо постояннымъ грамматическимъ формамъ. Примѣръ валашскихъ граматъ въ этомъ отношеніи не единственный: въ церковной литературѣ довольно много рукописей, которыя, по безхарактерности ихъ правописанія, относятъ къ *смѣшанному* разряду, и въ которыхъ механически смѣшиваются и механически искажаютъ другъ друга то сербскія и болгарскія стихіи правописанія, то русскія и сербскія, то русскія и болгарскія, то всѣ вмѣстѣ. Въ Каталогѣ Рукописей Румянцовскаго Музеума описано нѣсколько такихъ рукописей: упомянемъ изъ нихъ № CXXIII, CXXVI, CXXVIII, CXXXIII, CCCCXLVIII; такъ-же Угровлахійское Евангеліе у Калайдовича въ J. Э. Б. (Прим. 75): вмѣстѣ съ валашскими граматами Венелина, онѣ могутъ объяснять противорѣчивыя особенности Реймскаго Евангелія.

Писецъ Реймскаго Евангелія пріобрѣлъ свое книжное искусство подъ вліяніемъ именно такой безхарактерной и условной письменности. Первымъ свойствомъ такого писца должна быть привычка къ механическому копированію рукописи безъ достаточной повѣрки своего правописанія произношеніемъ. Это копированіе, разумѣется, не можетъ обойдтись безъ ошибокъ, и самыя эти ошибки, по свойству своего происхожденія, должны быть механическія, какихъ дѣйствительно довольно въ Р. Е., какъ говорили мы выше. Несообразность въ употребленіи падежей, обнаруживающая недостатокъ грамматическаго чувства

(стр. 202) есть такъ-же принадлежность валашскихъ писцовъ, какъ можно видѣть въ валашскихъ граматахъ (ср. № LXXX въ Описаніи Рукописей Румянцовскаго Музеума). За тѣмъ въ главной массѣ правописанія валашскаго списка должно сохраниться правописаніе оригинала: поэтому въ валашскихъ спискахъ нельзя ожидать одинаковой мѣры смѣшенія разныхъ стихій; общій характеръ ихъ состоитъ въ совмѣщеніи разнородныхъ стихій; за тѣмъ преобладаніе той или другой стихіи зависитъ отъ особенныхъ обстоятельствъ списка и писца. Такъ и въ валашскихъ граматахъ Венелина, въ однихъ господствующее правописаніе средне-болгарское; въ другихъ сербскія стихіи столь-же часты, какъ болгарскія. Въ однихъ русскія стихіи сильнѣе, чѣмъ въ другихъ. Но всѣ онѣ вѣрны своему характеру — отсутствію нормы правописанія, которая не допускала бы вторженія разныхъ стихій. Въ древнѣйшихъ граматахъ, сохраняющихъ болгарское правописаніе, встрѣчаются особенности, въ родѣ сербскихъ: употребленіе є вмѣсто ꙗ и ѧ: горнего (стр. 5) началствующего (стр. 11), челѣди (ibid.), да се варуетъ, да се сѣстану (стр. 23); русское употребленіе оу и ю вм. ѫ: бжгроблахіи (стр. 5) и оуггро.. (стр. 9), милостію божією (стр. 9) и божіѫ милостіѫ; тѣчіѫ и тѣчію (стр. 9, 11); къ хвалоу (стр. 10); сѣстану (стр. 23); употребленіе оу вм. ю послѣ гласной Антоніоу, Доунавоу (*). Такимъ образомъ валашское правописаніе, допуская сохраненіе русскаго правописанія въ Р. Е., въ тоже время на дѣлѣ показываетъ возможность совмѣще-

(*) Изъ первыхъ четырехъ граматъ Венелина, особенно изъ второй и третьей, можно еще привести нѣсколько рѣшительныхъ руссизмовъ; но между ними трудно различить, что принадлежитъ валашскимъ оригиналамъ, и что—прелагателю ихъ на русскія буквы.

нія болгарскихъ и сербскихъ стихій, какія выше мы указали въ Р. Е. Исключеніе ера, который въ валахо-болгаркомъ правописаніи употребляется постоянно, хотя и смѣшанно съ ѣ, слоги ноу и лоу, вмѣсто ню и лю, или нѫ и лѫ, оставаясь по свойству своему сербизмами, могутъ принадлежать тому же писцу, который писалъ ѥѫ, жзыкъ, точно такъ-же какъ еще болѣе рѣшительные сербизмы перемѣшаны съ болгаризмами въ другихъ граматахъ (см. изд. Венелина стр. 36—59).

Надстрочные знаки въ Реймскомъ Евангеліи также напоминаютъ валашскія граматы. Въ послѣднихъ они ставятся надъ гласною не только въ началѣ словъ и слоговъ, но и послѣ согласной, то-есть безъ нужды и безъ цѣли, и такъ-же не постоянно и по произволу. Въ Реймскомъ Евангеліи они, можетъ быть, происходятъ отъ русскаго оригинала, но искаженное употребленіе ихъ принадлежитъ вліянію валашскаго обычая.

Признавъ въ послѣднемъ спискѣ Реймскаго Евангелія вліяніе валашскаго, механическаго и шаткаго знанія церковнаго языка и происходящаго отсюда характера правописанія, можно съ достовѣрностью опредѣлить время, къ которому относится этотъ списокъ. Разность между валахо-болгарскимъ и чистымъ средне-болгарскимъ правописаніемъ, состоящая въ примѣси разнородныхъ стихій, кажется, не восходитъ выше XIV вѣка. Первая грамата въ собраніи Венелина (1342) представляетъ только нѣкоторыя дальнѣйшія искаженія болгарскаго правописанія, но въ его же духѣ. Рѣдкое употребленіе смѣшаннаго па-

Такъ, видно, напр., что онъ поставилъ за правило замѣнять ѧ русскимъ я, а ѩ передавать подлиннымъ начертаніемъ; а между тѣмъ въ первой граматѣ напечатано. пречтал им. п. жен. рода, что навѣрное можно считать за неточность. Есть и другія сомнительныя чтенія.

чертанія ѫ и перѣшительность другихъ начертаній ѫ и ѧ, составляющихъ средину между правильными начертаніями и смѣшаннымъ, какъ мы видѣли въ валашскихъ граматахъ и въ Реймскомъ Евангеліи, показываютъ, что употребленіе это было еще въ своемъ началѣ. Смѣшеніе русскаго правописанія въ Р. Е. уже весьма велико, — признакъ того, что оно уже давно началось здѣсь; но внесенныя въ послѣдній списокъ сербскія и болгарскія стихіи еще малочисленны. Такой-же характеръ смѣшенія стихій представляютъ вышеупомянутыя рукописи Румянцовскаго Музеума; но смѣшиваемыя стихіи въ нихъ многочисленнѣе, и самое смѣшеніе иногда гораздо запутаннѣе, чѣмъ въ Е. Е. Такой видъ могло бы получить Реймское Евангеліе только при повтореніи переписки подъ вліяніемъ того-же характера правописанія, и означенныя рукописи, дѣйствительно, можно считать ближайшими потомками оригинала, подобнаго Реймскому Евангелію, по причинѣ сильной примѣси руссизмовъ къ другимъ особенностямъ правописанія. Такимъ образомъ Реймское Евангеліе должно отнести къ XIV вѣку и притомъ къ первой половинѣ его, но и никакъ не выше.

§ 41.

Предложенное нами объясненіе общаго характера послѣдняго списка можно бы пополнить нѣкоторыми филологическими подробностями; но мы ихъ опускаемъ, не смотря на то, что онѣ были уже приготовлены нами въ рукописи (*) Читатель увидитъ, что послѣ отзыва г. Востокова, который мы сейчасъ приведемъ, онѣ были бы

(*) Въ настоящемъ изданіи сербскіе признаки правописанія Р. Е. поставлены также на другомъ мѣстѣ.

излишни. Отзывъ этотъ кратокъ и, по-видимому, незначителенъ: такимъ онъ можетъ показаться особенно нефилологамъ; но кто привыкъ принимать выраженія г. Востокова съ тѣмъ строгимъ вниманіемъ, какого требуетъ ихъ строгая обдуманность, тотъ увидитъ, что сообщенное въ этомъ отзывѣ сужденіе о Р. Е. стоитъ всей предъидущей литературы этого памятника. Этимъ я не противорѣчу самому себѣ: достойнѣйшія изъ прежнихъ мнѣній, которымъ выше я отдалъ заслуженную справедливость, имѣютъ значеніе только въ отношеніи къ другимъ, предъидущимъ мнѣніямъ: замѣчанія г. Востокова важны безотносительно, безусловно. Рѣшить вопросъ о памятникѣ можно-бы, и не зная прежнихъ мнѣній; но можно ли это, миновавъ замѣчанія г. Востокова, — сейчасъ увидимъ.

«Признаки, на которыхъ г. Билярскій основываетъ заключеніе свое», говоритъ г. Востоковъ, «*не подвержены никакому сомнѣнію*. Хотя почеркъ рукописи и кажется древнѣе XIV вѣка, и можно бы по почерку отнести ее къ XII вѣку; но, взглянувъ на правописаніе, должно отказаться отъ такого мнѣнія. Кромѣ новости правописанія, рукопись представляетъ множество описокъ, обнаруживающихъ безграматность писца, которому даже незнакомъ былъ языкъ списываемаго имъ памятника».

Стало быть, мое объясненіе послѣдняго списка правильно и вопросъ окончѣнъ?... Но г. Востоковъ продолжаетъ:

«Впрочемъ и нѣкоторыя изъ сихъ описокъ должны быть отнесены на счетъ французскаго каллиграфа (г. Сильвестра), сдѣлавшаго снимокъ. По незнанію славянскаго языка, онъ дѣйствительно ошибался иногда въ начертаніи буквъ своего снимка, чему доказательства мож-

но найти, сличивъ рукописное его fac-simile, которое хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, съ печатнымъ его-же изданіемъ. Въ томъ и другомъ встрѣчаются несходства: напр. гдѣ въ печатномъ ѫ тамъ въ рукописномъ ѫ, въ печатномъ сѫ, въ рукописномъ - сѧ, въ печатномъ ицѫдиѧ, въ рукоп. ицѧдиѧ, въ печатномъ ѫзыкы, въ рукоп. ѧзыкы, въ печатн. нр҃ркы, въ рукоп. пр҃ркы. Къ такимъ-же описькамъ принадлежитъ замѣченное г. Бплярскимъ, стр. 92, ошибочное употребленіе ѫ вм. ж. Въ печатномъ у г. Сильвестра рожѫды, въ рукоп. рожды. Который же снимокъ у него вѣрнѣе?»

Но который бы ни было, во всякомъ случаѣ оказывается, что вѣрность изданій Р. Е. подлежитъ еще сомнѣнію, а вмѣстѣ съ нимъ и мое объясненіе, потому-что чтенія, выставленныя г. Востоковымъ за подозрительныя, стоятъ въ моемъ объясненіи въ числѣ признаковъ, на которыхъ основано рѣшеніе вопроса.

Сравнивъ, по указанію г. Востокова, печатный снимокъ съ рукописнымъ, я нашелъ между ними значительную разницу, которая бросаетъ невыгодную тѣнь на исправность печатнаго снимка. Почти во всѣхъ случаяхъ, гдѣ въ печатномъ вмѣсто ѧ стоитъ смѣшанное начертаніе ѫ, въ рукописномъ я нашелъ или чистое ѧ, или не совсѣмъ точное начертаніе этой буквы (которое выше я призналъ за переходъ къ смѣшанному начертанію ѫ), котораго однакожъ нельзя считать ничѣмъ инымъ, кромѣ ѧ. Но замѣтимъ, что эти не совсѣмъ точныя начертанія ѧ встрѣчаются въ рукописномъ снимкѣ не въ тѣхъ самыхъ словахъ, въ какихъ онѣ стоятъ въ печатномъ: это значитъ, что онѣ принадлежатъ только снимкамъ, а не оригиналу. Гдѣ въ печатномъ смѣшанный ѫ поставленъ вмѣ-

сто обыкновеннаго, или вмѣсто оу, тамъ въ рукописномъ всегда ѫ: одинъ разъ каллиграфъ поставилъ-было въ рукописномъ снимкѣ смѣшанный , какъ въ печатномъ (въ словѣ сътворшѫѫ стр. 3); но замѣтно исправилъ его въ обыкновенный ѫ. Изъ всѣхъ случаевъ употребленія смѣшаннаго начертанія, которыхъ мы считали около 20, осталось согласно въ обоихъ спискахъ только четыре: глѫцѣмь стр. 16, столб. 1.; трахонитьскоѫ 20, 1; нефѳалимѫ 25, 2; да ѿкрыѭтьсѧ 29, 2. Но послѣ ощутительныхъ признаковъ ошибокъ въ обоихъ снимкахъ, трудно повѣрить и этимъ начертаніямъ: всего вѣроятнѣе, и здѣсь — такія же ошибки. Но въ такомъ случаѣ наше объясненіе теряетъ одно изъ главныхъ доказательствъ связи между Р. Е. и валашскою письменностью. Еслибы даже и оказалось еще въ оригиналѣ смѣшанное начертаніе въ этихъ четырехъ примѣрахъ, мы не могли бы поэтому считать Р. Е. за валашскій списокъ, какъ по малочисленности этихъ примѣровъ, такъ и потому, что ѫ стоитъ здѣсь вм. ю и ѭ, а не вмѣсто ѧ, какъ слѣдовало бы ожидать прежде всего по болгаро-валашскому правописанію, такъ и потому еще, что остальныя особенности, которыя своимъ противорѣчіемъ другъ другу заставляли насъ прибѣгать къ валашской письменности, оказались послѣ сравненія снимковъ такъ-же несуществующими въ оригиналѣ, — а именно:

Изъ примѣровъ средне-болгарскаго употребленія ѫ вм. ѧ остался только одинъ: ѥѫ въ обоихъ спискахъ. Изъ одной этой формы, при отсутствіи другихъ болгарскихъ признаковъ, столь-же мало можно дѣлать заключеніе, какъ изъ ошибочнаго употребленія юса въ фразѣ: пророка глѫцѫ.

Употребленіе ѧ вм. ѥ или ѣ (крѧма, крьститѧлѧ,

такъ-же теряетъ свою значительность. Въ рукописномъ снимкѣ однажды было написано идѧша, но потомъ поправлено: идоша, какъ и читается въ печатномъ. Нѣкоторые изъ вышеозначенныхъ примѣровъ ѧ за є могли произойдти по такой же ошибкѣ. Притомъ и въ позднихъ болгарскихъ спискахъ это употребленіе встрѣчается въ отдѣльныхъ примѣрахъ и болѣе походитъ на искаженіе формъ, чѣмъ на правописаніе по живому выговору. Поэтому, особенно при отсутствіи другихъ болгарскихъ признаковъ въ Р. Е., на одномъ этомъ употребленіи ничего нельзя основывать, хотя бы оно дѣйствительно оказалось въ подлинномъ спискѣ Р. Е.

Такимъ образомъ, по исправленіи ошибокъ изданія, физіономія памятника значительно измѣняется: она освобождается отъ тѣхъ рѣзкихъ противорѣчій, которыя затрудняли объясненіе дѣла. Но въ такомъ случаѣ, что-же станется съ моимъ объясненіемъ въ предъидущемъ §?....

За результатъ я нимало не расположенъ упорствовать: для меня все равно, каковъ бы онъ ни былъ, лишь бы былъ твердъ и вѣренъ. Но для меня было бы прискорбно, еслибы въ читателѣ возникло сомнѣніе на счетъ строгости и вѣрности моей критической методы. Поэтому я вмѣняю себѣ въ обязанность разсмотрѣть, исполнилъ ли я условія строгой критики въ разборѣ памятника съ той стороны, какую открыли замѣчанія г. Востокова?

Еще въ своей рецензіи на изданіе г. Ганки я замѣтилъ странное употребленіе юса, которое съ перваго раза показалось мнѣ или ошибкою старинаго писца, или опечаткою новѣйшаго издателя. Въ подтвержденіе своего подозрѣнія я сблизилъ эти странности съ явно-ошибочнымъ употребленіемъ ѫ вм. ѫ. Сомнѣніе не покидало меня

и въ продолженіе настоящаго сочиненія (см. стр 48, 49, 92, 98); но чѣмъ поддержать это сомнѣніе? Гдѣ могъ я найдти доказательсто ложности подозрительныхъ чтеній? Существованіе полнаго рукописнаго снимка въ Императорской Публичной Библіотекѣ мнѣ было неизвѣстно: во всей литературѣ Реймскаго Евангелія объ немъ нѣтъ ни слова. Очевидно, онъ оставался извѣстенъ немногимъ. Г. Бередниковъ писалъ о Р. Е. въ то время, когда оба списка, и печатный и рукописный, были уже въ Петербургѣ, — и однако онъ сказалъ только о первомъ, что онъ «напечатанъ превосходно», а о послѣднемъ — ни слова. Былъ ли и ему неизвѣстенъ рукописный снимокъ, или онъ не находилъ въ печатномъ снимкѣ достаточнаго повода упомянуть о первомъ, намъ неизвѣстно: во всякомъ случаѣ это объясняетъ, какимъ образомъ это единственное средство повѣрить печатное изданіе, могло оставаться подъ спудомъ. Такимъ образомъ, за объясненіемъ насчетъ исправности печатнаго снимка я могъ обратиться только къ тѣмъ ученымъ, которые принимали ближайшее участіе въ его изданіи: но что же я нашелъ у нихъ? Всѣ они единодушно способствовали только къ поддержанію того заблужденія, въ которое ввела славянскихъ ученыхъ неопытность или небрежность французскаго каллиграфа. Копитаръ въ своихъ пролегоменахъ съ какимъ-то торжествомъ говоритъ, что снимокъ сдѣланъ первымъ каллиграфомъ. Г. Гапка перепечаталъ всѣ его ошибки и еще увеличилъ искаженіе, безъ всякаго отчета замѣнивъ смѣшанное начертаніе ѫ обыкновеннымъ ѫ. Г. Срезневскій увѣрялъ, что *каждое* изъ изданій *можетъ всякому замѣнить самый подлинникъ*. . . . Противъ такихъ ручательствъ что могли значить однѣ подозрѣнія? Читатель, надѣюсь, не упрекнетъ меня въ легковѣріи: онъ ви-

дитъ, что я не пропустилъ безъ замѣчанія недостатковъ палеографической и филологической критики у славянистовъ, — и теперь особенно видно, что сдѣланные мною упреки были не напрасны: но въ заключеніе всего, не имѣя опоры для сомнѣнія, я долженъ былъ или остановиться на безотчетномъ и безплодномъ скептицизмѣ, или принять предлагаемый текстъ за подлинный, не смотря на его странности, и объяснять его тѣми средствами, какія представляла мнѣ филологическая критика. Правильно ли я воспользовался своими средствами? Не долженъ ли былъ напр. отстранить ошибочныя чтенія по филологическимъ причинамъ, вмѣсто того, чтобы основывать на нихъ заключеніе? Я уже объяснялъ, почему я не могъ отказать имъ въ значеніи (см. стр. 251, 188), и теперь спокойно отдаю дѣло на судъ филологовъ, и представляю имъ нужные для этого матеріалы: съ этою цѣлью я напечаталъ свой предъидущій §, хотя послѣ отзыва г. Востокова я не могъ имъ обольщаться (*). Пусть докажутъ, что я напрасно принималъ смѣшанный ѫ и употребленіе его въ печатномъ спимкѣ Р. Е., за отличительный признакъ времени и разряда, что употребленіе ѫ вм. ѧ, не болгарское, что валашское правописаніе не совмѣшаетъ противорѣчій и что числа всѣхъ этихъ примѣровъ, сходныхъ между собою и подтверждающихъ другъ друга, для отрывка изъ 16 листовъ не довольно для того, чтобы считать, ихъ значительными, а не описками,—хотя другіе въ тоже время подбирали и мелкія крохи, какія въ Р. Е. выпадали на

*) Пусть узнаютъ, думалъ я вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ запутано было дѣло участіемъ тѣхъ, которые считали себя лучшими судьями, лучшими цѣнителями и защитниками памятника, и какими кривыми путями оно должно было идти къ окончанію.

ихъ долю по одиначкѣ и безъ подтвержденія другъ-другомъ (напр. покание, нѣкого). Явится ли такое обличеніе на мой предъидущій §, увидимъ; а теперь онъ имѣетъ покуда въ свою пользу судъ г. Востокова, который говоритъ, что «признаки, на которыхъ я основывалъ свое заключеніе, (сами по себѣ, безъ отношенія къ Р. Е.) *не подвержены никакому сомнѣнію*». Тому, кто захотѣлъ бы винить меня за ошибки издателей Р. Е., и за неумѣстный ригоризмъ въ ихъ объясненіи, я могу напомнить, что, благодаря тому-же ригоризму моего филологическаго направленія, я первый, въ своей рецензіи на изданіе г. Ганки, указалъ на странное употребленіе юсовъ, и это указаніе, рано или поздо, должно было вызвать то объясненіе ихъ, какое явилось нынѣ; мнѣ же привелось подать поводъ къ этому объясненію настоящимъ сочиненіемъ, — и если за нимъ не признаютъ этой заслуги, то мнѣ останется только пожалѣть, что я предупредилъ имъ любопытный опытъ: надобно бы видѣть, до какихъ поръ продолжились бы самодовольные толки о памятникѣ со всѣми признаками искренняго и отчетливаго убѣжденія, и въ тоже время — безъ всякаго подозрѣнія того, что два великолѣпныя изданія памятника, при самомъ тщательномъ разборѣ, неизбѣжно ведутъ къ напраснымъ попыткамъ, если не прямо къ ложному заключенію!

§ 42.

Освободившись отъ призраковъ, которыми надѣлили памятникъ его изданія, мы можемъ теперь безпрепятственнѣе и вѣрнѣе войдти въ соображеніе о его исторіи. Отличительнымъ характеромъ послѣдняго списка остаются сербскіе признаки, означенныя нами въ 39 §;

но одни они, по своей легкости, не могутъ достаточно опредѣлить мѣста Реймскаго Евангелія въ исторіи церковно-славянской литературы: поэтому надобно опять обратиться къ его оригиналу.

Выше (§ 38 мы сдѣлали попытку объяснить правописаніе Реймскаго Евангелія изъ древняго русскаго правописанія, начиная съ XI вѣка. Къ этому вызывали насъ, даже обязывали толки о древности Реймскаго Евангелія и сравненія его съ Остромировымъ. Но едвали не по этому только позволительно было обращаться къ древней русской письменности. Рѣзкое различіе между О. и Р Е., какъ въ средствахъ правописанія, такъ и въ ихъ употребленіи, бросается въ глаза съ перваго взгляда, и не могло бы быть смягчено никакими филологическими тонкостями, еслибы только защитники Р. Е. сколько-нибудь старались войдти въ это различіе и защитить свое мнѣніе съ этой стороны. Но не смотря на очевидную неумѣстность сравненія, мы продолжили нашъ опытъ, чтобы удовлетворить всѣмъ ожиданіямъ, къ какимъ могли настраивать читателей прежніе толки. Мы нашли въ нѣкоторой степени возможнымъ связать Реймское Евангеліе съ древнею русскою письменностью посредствомъ XII вѣка: но кто не замѣтитъ изъ нашего-же опыта, какъ слаба, даже насильственна эта связь? Мы должны были для этого представить русскій оригиналъ Реймскаго Евангелія въ *возстановленномъ видѣ*, котораго наличное существованіе могло бы быть вѣроятно только тогда, когда нашлись бы другіе русскіе списки съ такимъ-же правописаніемъ. Но мы уже и выше замѣтили, что такого русскаго правописанія въ XII вѣкѣ не видно. Русское правописаніе *могло бы* дойдти въ XII вѣкѣ до такого измѣненія и смѣшенія, какое предполагается оригиналомъ

Реймскаго Евангелія, еслибы въ немъ оставались всѣ тѣ средства правописанія, какія мы видимъ въ XI вѣкѣ. Но русскіе писцы предупредили это смѣшеніе, исключивъ изъ употребленія нѣкоторыя стихіи, которыя могли подавать поводъ къ этому смѣшенію. Сколько намъ извѣстно изъ печатныхъ свѣдѣній и изъ собственныхъ наблюденій, юсы (ѫ, ѯ, ѧ) вышли изъ употребленія у русскихъ писцовъ уже въ XII вѣкѣ, оставаясь только въ отдѣльныхъ и притомъ рѣдкихъ примѣрахъ, допускаемыхъ писцами какъ-бы по капризу (какъ въ послѣсловіи Мстиславова Евангелія, въ текстѣ котораго юсовъ нѣтъ), или по безсознательному увлеченію правописаніемъ оригиналовъ. Эти немногіе примѣры показываютъ, что писцы знали объ юсахъ и объ ихъ употребленіи; можетъ быть, многіе видѣли ихъ въ тѣхъ самыхъ оригиналахъ, съ которыхъ списывали, и однако сочли ихъ ненужными для своего правописанія. Полугласныя въ срединѣ словъ оставались долѣе, но и онѣ въ то-же время или замѣнялись гласными, или иначе подвергались вліянію русскаго выговора въ своемъ употребленіи, такъ-что употребленіе это не лишало правописаніе русскаго характера. До сихъ поръ, изъ участія къ древней формѣ церковнаго языка, на руссификацію церковно-славянскихъ памятниковъ указывали только, какъ на порчу правильнаго правописанія: намъ представляется здѣсь случай взглянуть на это съ другой точки зрѣнія. Мы благодарны діакону Григорію за сохраненное имъ въ его спискѣ древнее правописаніе, но не отказываемъ въ уваженіи и трудамъ тѣхъ, которые разсудили за лучшее — отбросить излишнія для русскаго принадлежности правописанія и сблизить послѣднее съ русскимъ выговоромъ. Этимъ они положили начало славяно-русской письменности, какъ осо-

бенному виду церковной литературы, и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовали прочному водворенію церковнаго языка между русскими и посредствомъ его — распространенію христіанскаго образованія и умственному развитію вообще. Съ этой точки зрѣнія стремленіе русспфицировать церковное правописаніе не заслуживало бы упрековъ и тогда, когда бы исполнено было съ большею свободою и послѣдовательностью. Впрочемъ начало было сдѣлано такъ удачно, что съ XII вѣка до самой эпохи книгопечатанія идетъ рядъ памятниковъ, въ которыхъ правописаніе, уступая тѣмъ или другимъ вліяніямъ въ частностяхъ, остается вѣрно своему главному характеру – стремленію къ особенной и постоянной формѣ. Въ ряду этихъ памятниковъ пѣтъ мѣста для Реймскаго Евангелія, и нашъ опытъ связать его съ древнею русскою письменностью и объяснить изъ нея правописаніе его, оканчивается такимъ образомъ отрицательнымъ результатомъ, который тѣмъ болѣе заслуживаетъ вѣроятія, чѣмъ менѣе мы расположены были искать его. Пусть этотъ опытъ останется свидѣтельствомъ того, что мы приступили къ окончательному приговору о спорномъ памятникѣ не иначе, какъ испытавъ напередъ другіе способы объясненія, къ какимъ подавалъ поводъ и самъ памятникъ и существовавшія объ немъ мнѣнія.

Независимо отъ историческаго хода правописанія въ означенномъ ряду памятниковъ, которые должны служить истинными представителями литературнаго образованія русскихъ, въ общей массѣ славяно-русской письменности есть многочисленный классъ памятниковъ, которые отличаются меньшею самостоятельностью правописанія и большимъ непостоянствомъ его, хотя особенности русскаго нарѣчія въ нѣкоторыхъ частностяхъ выражаются въ немъ

ъ не меньшею силой. Какимъ образомъ произошло это правописаніе, объясняютъ самыя его свойства. Въ немъ снова является множество юсовъ и полугласныхъ, отъ которыхъ отказались уже древніе русскіе писцы. Но какъ юсы, такъ и употребленіе полугласныхъ здѣсь уже не таковы, какъ въ древнихъ русскихъ спискахъ. Въ послѣднихъ, не только при частомъ, но и при рѣдкомъ употребленіи юсовъ, встрѣчаются сложныя начертанія ѭ и ѩ,—признакъ того, что не-русскіе оригиналы, съ которыхъ они списаны, принадлежатъ къ древнимъ временамъ церковной литературы, и это подтверждается другими признаки древняго правописанія, которые сохраняются писцами хотя изрѣдка. Такъ въ рукописи Румянцовскаго Музеума № CXCVIII, при рѣшительномъ русскомъ правописаніи, остались въ немногихъ словахъ ѫ и ѩ, и въ тоже время употребляются формы: по ѓекшоуоумѹ—древняя церковная, по ѓекшомѹ — средне-болгарская, и по ѓекшемоѹ — русская. Такъ сохраняются въ древне-русскихъ спискахъ слѣды ихъ исторіи съ древнѣйшаго времени. Но при возрожденіи юсовъ въ русскихъ спискахъ разсматриваемаго разряда, не смотря на частое употребленіе и злоупотребленія ихъ, нѣтъ ни малѣйшаго слѣда сложныхъ юсовъ, и это не безъ причины. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ часто встрѣчается смѣшеніе между ѫ и ѧ по средне-болгарскому нарѣчію, которому, какъ извѣстно, принадлежитъ и исключеніе сложныхъ юсовъ. Послѣ этого не удивительно, что въ этомъ разрядѣ русскихъ списковъ такъ часто встрѣчается, вопреки русскому выговору, ѧ вмѣсто ъ: это заимствовано въ нихъ изъ средне-болгарскихъ оригиналовъ, въ которыхъ употребленіе это составляетъ обыкновенную принадлежность. Средне-болгарскими же оригиналами

объясняется соблюденіе полугласной *послѣ* ѧ и ѩ съ предъидущею согласною, тогда какъ по русскому выговору въ наибольшей части словъ звукъ приходится прежде ѧ и ѩ и выражается уже въ древнѣйшихъ рукописяхъ или полугласною или гласною *предъ* ѧ и ѩ. Многіе другіе частные признаки показываютъ, что этотъ родъ правописанія въ особенномъ разрядѣ русскихъ списковъ обязанъ распространенію средне-болгарскихъ рукописей: къ этому роду принадлежитъ и русское правописаніе Реймскаго Евангелія. Употребленіе юса за оу и за ю наилучшимъ образомъ объясняется невольнымъ подражаніемъ средне-болгарскому правописанію, въ которомъ и послѣ гласной ставится ѫ, а не ѭ, гдѣ по русскому выговору приходится ю. Строгое соблюденіе полугласной послѣ ѧ и ѩ въ Р. Е. есть такъ-же признакъ того, что этотъ списокъ не отдаленъ еще переписками отъ своего болгарскаго оригинала: иначе надобно бы было предположить, что русское правописаніе возстановлено здѣсь въ болгарское послѣднимъ писцомъ, тогда какъ онъ, по своей малограматности, механически копировалъ съ русскаго оригинала и едва оставилъ слѣды своего выговора. Краткія формы прошедшаго времени, по видимому древнія, мы встрѣтили въ одномъ изъ русскихъ списковъ съ средне-болгарскаго оригинала (въ Рум. Муз. № XXXI). Такимъ-же образомъ исчезаетъ еще одинъ призракъ древности: сохранившіеся въ Р. Е. остатки древняго обычая ставить въ числительныхъ буквахъ единицы прежде десятковъ встрѣчаются именно въ томъ родѣ памятниковъ, къ которому мы относимъ Р. Е. (см. Описаніе Ркп. Рум. Муз. № CXVIII и CCCCVI). Замѣна носовой согласною въ именахъ мѣсяцевъ такъ-же произведена, вѣроятно, прежде всего вліяніемъ Греческаго

на болгарскій; а для русскаго выговора она была не только не нужна, но и прямо съ нимъ несогласна. Изъ Декабрь у насъ вышло Декабрь, и если въ позднѣйшія времена явились въ нашихъ церковныхъ книгахъ формы: Декемврїи, Ноемврїи и др., то, безъ сомнѣнія, отъ того-же самаго вліянія, непосредственно или, можетъ быть вѣрнѣе, посредствомъ болгарскихъ-же рукописей, распространеніе которыхъ видно изъ множества русскихъ списковъ.

Производя русскій оригиналъ Р. Е. отъ средне-болгарской письменности, можно опредѣлить довольно положительно время русскаго списка. Какъ бы далеко ни восходили въ древность признаки средне-болгарскаго состоянія звуковъ, но въ рукописяхъ они являются не раньше XIII вѣка въ такомъ множествѣ, въ какомъ могли подать поводъ къ русскому правописанію, какое мы имѣемъ въ Р. Е. и другихъ этого рода памятникахъ, именно къ совершенному исключенію сложныхъ носовыхъ и смѣшанному употребленію ѫ и ѧ. Употребленіе же ѣ вм. ѣ усилилось въ болгарскихъ памятникахъ еще позднѣе. Съ другой стороны, и въ русской письменности едвали отыщутся списки съ смѣшаннымъ употребленіемъ носовыхъ раньше XIV вѣка: до сихъ поръ — она богата подобными списками изъ XV и XVI столѣтій, какъ можно судить по рукописямъ Румянцовскаго Музеума (см. №№ VI, CXVI, CXXXI, CCCVII, CCCCVI и мн. др.) (*). Такимъ

(*) Для полнаго соотвѣтствія этимъ рукописямъ въ Р. Е. желательно бы имѣть поболѣе примѣровъ средне-болгарскаго смѣшенія носовыхъ: изъ нихъ, при сличеніи обоихъ снимковъ, остался только одинъ вѣрный: ѥѫ. Выше (стр. 263) мы сказали, что на немъ *одномъ* нельзя ничего основывать, но при другихъ признакахъ (исключеніе ѥѫ и ѧ, употребленіе ѣ вм. ъ, полугласная послѣ ѧ и ѯ.)

образомъ судя по ходу правописанія и болгарскаго и русскаго, сколько намъ извѣстно то и другое, русскій списокъ Реймскаго Евангелія нельзя ставить выше XIV вѣка.

Къ какой мѣстности можно относить русскій списокъ Реймскаго Евангелія? Признаки правописанія этого не опредѣляютъ. Какихъ-нибудь двухъ-трехъ нерѣшительныхъ примѣровъ употребленія и вмѣ. ѣ для этого не довольно. Можно сдѣлать только общее замѣчаніе. Средне-болгарскіе оригиналы распространялись повсюду; списки ихъ есть и въ велико-русской письменности; но правописаніе этихъ списковъ составляетъ здѣсь только исключеніе и потому оно рѣже и притомъ не такъ изобилуетъ примѣсью болгаризмовъ, какъ разсматриваемый нами классъ рукописей, — можетъ быть, по причинѣ вліянія

нельзя пренебрегать и этимъ единственнымъ признакомъ, особенно въ такомъ отрывкѣ текста, какой остался намъ въ Р. Е. Легко можетъ быть, что русскій писецъ мало перенесъ этого рода признаковъ; можетъ быть, онъ не много находилъ ихъ въ своемъ болгарскомъ оригиналѣ, менѣе, чѣмъ писцы означенныхъ списковъ въ своихъ оригиналахъ; потому что какъ эти списки, такъ, вѣроятно, и ихъ оригиналы принадлежатъ къ позднѣйшему времени (первые къ XV и XVI вѣку, вторые къ XIV), тогда какъ для болгарскаго оригинала Р. Е. непремѣнно надобно предположить XIII вѣкъ. Поэтому, указанный недостатокъ не только не разрываетъ связи между ними, но, при согласіи въ другихъ признакахъ, еще подтверждаетъ ее. Въ древнѣйшемъ спискѣ, разумѣется, должно-же не быть чего-нибудь, что является въ позднѣйшихъ Равнымъ образомъ, насъ не затрудняетъ и то, что рукописи, приведенныя нами для объясненія Р. Е., относятся къ XV и XVI столѣтіямъ· при различіи во времени, въ нихъ одинаковые ореографическіе признаки, происшедшіе отъ одинаковыхъ обстоятельствъ. Впрочемъ, и списки, не принадлежащіе строго къ одному и тому-же разряду, могутъ помогать объясненію по аналогіи. Многіе пожалѣютъ, можетъ быть, что у насъ для объясненія не достаетъ совершенно такого-же списка, какъ Реймское Евангеліе: кто не пожелалъ бы найдти такой списокъ? Но недостатокъ его, по моему мнѣнію, не долженъ останавливать объя-

самостоятельной русской письменности. Смѣшеніе русскаго правописанія съ среднимъ-болгарскимъ есть собственно принадлежность южно-и западно-русскихъ списковъ, и въ нихъ оно сильнѣе и произвольнѣе, чѣмъ въ собственно-русскихъ. Прибавимъ къ этому еще слѣдующее. Святцы Реймскаго-Евангелія, какъ извѣстно, сходны съ Остромировскими, только еще короче: въ сравненіи съ святцами русскихъ списковъ того же времени они имѣютъ то отличіе, что не содержатъ въ себѣ русскихъ Святыхъ (*). Составъ этотъ былъ, безъ сомнѣнія, въ болгарскомъ оригиналѣ и сохраненъ писцомъ безъ приба-

---

сненія и вывода заключенія: иначе, можетъ быть, многое въ церковной литературѣ, особенно въ смѣшанномъ разрядѣ ея по чрезвычайному его разнообразію, пришлось бы надолго, можетъ быть, навсегда оставить безъ объясненія. Совершенно сходные списки и внѣшнее сличеніе ихъ не только не единственное средство для рѣшенія палеграфическихъ вопросовъ, но и не должно быть единственнымъ: есть для этого филологическій анализъ и соображеніе, и это средство годится не на подставу только за недостаткомъ перваго, но необходимо и при первомъ, потому что внѣшнее сходство въ правописаніи требуетъ еще подтвержденія внутреннимъ тождествомъ причинъ и способа происхожденія сходныхъ по наружности правописаній: безъ этого подтвержденія наружное сходство можетъ быть иногда обманчиво. Такъ позднѣйшее болгарское правописаніе одинаково представляетъ злоупотребленіе юсовъ и полугласныхъ, какъ и русскіе списки съ оригиналовъ этого разряда, и безъ филологическаго анализа, по одному внѣшнему, наглядному сличенію, можно приписать послѣднему разряду списки перваго, или на оборотъ. По этой причинѣ, и мѣткій взглядъ опытнаго палеографа, какъ мы видѣли, не отличилъ болгарскаго правописанія отъ русскаго Стало быть, каковы бы ни были данныя, способъ разсматриванія остается всегда одинъ и тотъ-же — филологическій анализъ и сравненіе, а это и теперь мы сдѣлали не a priori

(*) Въ отрывкѣ Р. Е могла бы быть помѣщена память святыхъ — Мученика Георгія 26 Ноября и Ѳеодосія Печерскаго 11 Генваря.

вленій) — и это ничего не значило бы въ памятникѣ другаго рода, который былъ списываемъ для частнаго употребленія. Такъ, есть русскіе списки прологовъ безъ русскихъ святыхъ. Но списокъ евангелія, безъ сомнѣнія, предназначался для церковнаго употребленія: не помѣщеніе праздниковъ въ святцахъ должно означать въ такомъ случаѣ, что опущенные праздники не были отправляемы церквію той мѣстности, къ которой принадлежитъ списокъ. Соображеніе это подтверждается нѣкоторыми изъ вышеозначеныхъ рукописей. Такъ, подъ № CXXVI при позднемъ болгарскомъ правописаніи (т. е. при болгарскомъ смѣшеніи носовыхъ вмѣстѣ съ русскимъ употребленіемъ ихъ за оу м ѫ) и при очевидныхъ особенностяхъ русскаго нарѣчія въ послѣсловіи писца — нѣтъ ни одного русскаго святаго. Въ другихъ спискахъ Рум. Музеума къ греческимъ святцамъ, перешедшимъ изъ болгарскихъ оригиналовъ, прибавлены только сербскіе святые, но не русскіе. Таковъ же составъ святцевъ въ чисто русскомъ спискѣ съ легкою примѣсью сербизмовъ подъ № CXIX. Въ Рейм. Евангеліи нѣтъ и сербскихъ святыхъ, какъ и русскихъ! Можно подумать, что оно было въ церковномъ употребленіи у такихъ Русскихъ, которые не имѣли ни внутренней прочной связи съ духовною жизнію русскаго народа, ни дѣйствительной зависимости отъ русской церкви по церковному управленію. А такимъ образомъ мы опять придемъ къ тѣмъ-же странамъ, къ которымъ привели-было насъ смѣшанные юсы (ѫ) (*). Озна-

(*) Какъ жаль, что употребленіе этого начертанія въ Р. Е. должно остаться въ настоящее время подъ такимъ нерѣшительнымъ сомнѣніемъ, что нельзя ни подтвердить его, ни отвергнуть! Оно могло бы послужить указаніемъ на близость отыскиваемой нами родины Р. списка къ той мѣстности, на которой произошло это на-

ченные выше списки указываютъ на югъ и юго-западъ Руси — яснымп послѣсловіями, нѣкоторыми особенностями правописанія, южнымъ письмомъ, (какъ замѣчаетъ о нѣкоторыхъ г. Востоковъ), не-русскими удареніями. Послѣднія всего вѣроятнѣе, перенесены изъ болгарскаго оригинала, и не могутъ быть приняты за признакъ юго- или западно-русскаго нарѣчія: но самое перенесеніе ихъ въ русскій списокъ, вѣроятно, не безъ значенія. Въ чисто-русскихъ спискахъ удареніе не употреблялись или употреблялись такъ, что въ послѣдствіи явилась особая система удареній, которая южнымъ Славянамъ казалась искаженіемъ текста. Это свойство русскихъ списковъ есть признакъ той-же самостоятельности Русскихъ въ принятіи и усвоеніи церковнаго языка, о которой мы замѣтили выше по поводу правописанія. Перенесеніе удареній обнаруживаетъ угнетеніе народнаго нарѣчія въ устахъ переписчика и недостатокъ самостоятельнаго усвоенія церковнаго языка: такое состояніе языка свойственно такой мѣстности, гдѣ русское нарѣчіе встрѣчалось съ другими языками и подвергалось ихъ стѣснительному вліянію. Все это весьма хорошо идетъ къ болгаро-русскому списку съ болгарскими удареніями, сдѣланному въ Молдавіи (№ CXXXII Рум. Муз.). Если къ этимъ признакамъ языка прибавить вышеозначенный составъ святцевъ, годный для странъ независимыхъ отъ русской церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, отъ госу-

чертаніе, или хоть на сношенія между ними. Ожиданіе же этого начертанія въ Р Е., не смотря на очевидныя ошибки въ обоихъ снимкахъ имѣетъ еще достаточное основаніе въ томъ, что смѣшанный юсъ употребляется именно въ такихъ русскихъ спискахъ, которыхъ правописаніе зависитъ отъ средне-болгарскаго, какъ и Р. Е. Но такъ какъ ѫ въ этихъ спискахъ не встрѣчается за ѭ, какъ въ Р. Е., то въ снимкахъ этого послѣдняго ошибки все-таки несомнѣнны.

ларственной власти русскихъ князей, то для помѣщенія русскаго списка Реймскаго Евангелія самою удобною мѣстностью остаются русскія поселенія въ Молдавіи, Валахіи, Венгріи. Для точнѣйшаго обозначенія мѣстности, мы не находимъ въ свойствахъ памятника никакихъ намековъ.

Здѣсь кстати припомнить о формѣ имени иань, иіань иіанъ, написанной будто-бы по русскому или валашскому выговору. Если Валахи произносятъ начальныя буквы этого имени, какъ Русскіе — іанъ (у Нестора), *Яковъ* (по нынѣшнему русскому выговору), то ни русскаго, ни валашскаго выговора нельзя связать съ правописаніемъ Р. Е., съ его иа и еще двойнымъ иі. По русскому произношенію писецъ Р. Е. долженъ бы былъ написать: жнь. Предоставляя разъисканіе объ этомъ другимъ, мы укажемъ съ своей стороны на сокращенное правописаніе этого имени иѡ: куρа и іѡ. Сокращеніе это ничего не значило бы въ имени Евангелиста, изъ котораго предлагалось чтеніе: эти надписи и въ Р. Е., и въ другихъ, почти всегда пишутся сокращенно. Но форма іѡ употреблена здѣсь въ мѣсяцословѣ, гдѣ имена святыхъ пишутся въ Р. Е. обыкновенно складомъ, безъ титлъ. Она напоминаетъ такую-же форму въ титулѣ Молдавскихъ Господарей и, можетъ быть, допущена въ списокъ евангелія по привычкѣ къ этому стеоретипному правописанію. (см. № LXXX Рум. Муз.) Ручаться за это впрочемъ нельзя, какъ потому, что форма эта употреблена только однажды въ Реймскомъ отрывкѣ, такъ и потому, что въ другихъ разрядахъ списковъ употребляются разныя, иногда произвольныя сокращенія этого имени.

Но искаженіе имени Іоанна очевидно обнаруживаетъ, что русскій списокъ Р. Е. былъ снова переписанъ — и

уже не русскимъ писцомъ. Выше (§ 39) мы назвали орѳографическіе признаки этой послѣдней переписки сербскими: но это не значитъ, чтобы мы заставляли русскій списокъ странствовать — изъ мѣста его происхожденія въ страну сербскаго народоселенія. Напротивъ, странно было бы думать, будто для церковнаго употребленія у народа сербскаго нарѣчія, давно уже имѣвшаго свою особенную форму церковно-славянскаго правописанія, былъ назначенъ совершенно русскій списокъ, съ самою легкою примѣсью сербизмовъ. Мы думаемъ, что послѣдній списокъ Р. Е. такъ-же нельзя назвать чисто-сербскимъ, какъ предпослѣдній — настоящимъ русскимъ. Кромѣ малочисленности признаковъ, названныхъ нами сербскими, въ нихъ слишкомъ мало фонетическаго. Покуда мы производили Р. Е. отъ *древней* русской письменности, мы должны были допустить сильное фонетическое дѣйствіе сербскаго нарѣчія на правописаніе Р. Е. — въ возстановленіи полугласной послѣ л и р, употребленіе которой непремѣнно должно было предположить въ русскомъ оригиналѣ XII или XIII вѣка нарушеннымъ; но теперь, когда это употребленіе положительно объясняется заимствованіемъ его русскимъ писцомъ изъ средне-болгарскаго оригинала, нѣтъ уже нужды подозрѣвать здѣсь вліяніе сербскаго выговора. Этимъ уничтожается главное основаніе — причислять послѣдній списокъ Р. Е. къ сербскимъ. Затѣмъ, употребленіе ѡу и ѡу вм. ю и ню, конечно, признакъ сербскаго фонетизма, хотя оно могло бы произойдти отъ всякаго другаго языка, въ которомъ *л* занимаетъ средину между *ль* и *лъ* и которому не свойственно сочетаніе ню. Ѥ и ѣ, вм. я такъ-же сербизмы, хотя они встрѣчаются и въ болгарскомъ послѣсловіи угровлахійскаго евангелія (см. выше) и въ валашскихъ гра-

матахъ. Но еслибы мы и приписали эти признаки чисто-сербскому писцу, то мы пришли бы чрезъ это только къ затрудненію. Отъ чего сербскій выговоръ писца выразился здѣсь такъ слабо и односторонно? Какъ могъ сербскій писецъ допустить въ своемъ спискѣ столько противныхъ ему русизмовъ, только изрѣдка измѣняя нѣкоторые изъ нихъ по своему выговору, и наибольшую часть оставляя безъ всякой перемѣны? — Сравнивая эти слабые слѣды съ настоящими сербскими списками, скорѣе можно подумать о недостаткѣ истинно сербскаго характера въ Р. Е., и полагать, что писецъ *или* не владѣлъ сербскимъ нарѣчіемъ отъ природы и только подъ вліяніемъ сербской письменности пріобрѣлъ свою грамотность, хотя въ тоже время онъ такъ легко подчиняется русизмамъ оригинала, *или* сербское нарѣчіе, хотя и врожденное ему, было стѣснено въ немъ живымъ употребленіемъ другаго языка: такъ сочинители нѣкоторыхъ валашскихъ грамотъ, — природные Сербы, если судить по правописанію — употребляютъ тотъ-же самый въ лексикографическомъ отношеніи языкъ, что и въ грамотахъ съ болгарскимъ правописаніемъ, то-есть болгаро-валашскій. Но оба эти объясненія одинаково предполагаютъ мѣстность, гдѣ природное нарѣчіе писца, каково бы оно ни было, встрѣчаясь съ другими, слабѣло и само по себѣ, и особенно въ своемъ дѣйствіи на церковный языкъ, котораго орѳографическая форма не поддерживалась твердо никакимъ живымъ нарѣчіемъ и была слѣдов. болѣе условною, чѣмъ гдѣ-либо. Такимъ состояніемъ живаго выговора и письменнаго языка объясняется и рабское подчиненіе quasi-сербскаго писца русскому правописанію оригинала и механическое копированіе вообще. Вѣроятно, къ тому-же разряду литераторовъ принадлежалъ

писецъ рукописи подъ № CXXXIII Рум. Муз., въ которой перемѣшаны и болгаризмы и руссизмы и сербизмы и въ иныхъ случаяхъ искажаютъ другъ друга самымъ страннымъ образомъ.

Дальнѣйшія свойства послѣдняго списка согласны съ этимъ отношеніемъ разныхъ нарѣчій между собою и съ происходящимъ отсюда условнымъ употребленіемъ церковнаго языка. Вмѣсто дѣйствія выговора писца на правописаніе, мы видимъ у него только заботы облегчить или упростить трудъ механическаго копированія: для этого онъ выбрасываетъ нѣкоторыя буквы: ѕ и ъ. Уничтоженіе ѕ можно бы приписать именно сербскому писцу, по требованію выговора: по такой, очевидно, причинѣ нѣтъ ни ѕ, ни ѧ въ глаголитской части Р. Е.; но кирилловскій писецъ, освободивъ себя отъ начертанія ѕ, замѣнилъ его буквою ѧ и слѣд. нимало не сблизилъ своего правописанія съ сербскимъ выговоромъ. Поводомъ къ уничтоженію ѕ было, вѣроятно, рѣдкое употребленіе этой буквы въ русскомъ оригиналѣ: нѣкоторые русскіе списки, сдѣланные съ средне-болгарскихъ оригиналовъ, дѣйствительно, этимъ отличаются, потому что и въ ихъ оригиналахъ, по свойству болгарскаго нарѣчія, ѕ было несравненно рѣже ѧ, по причинѣ замѣны его, въ однихъ случаяхъ буквою ѣ, въ другихъ чистымъ а. Такъ въ русскомъ спискѣ подъ № CXV Рум. Муз. буква ѕ такъ рѣдка, что ее не скоро встрѣтишь при намѣренномъ отыскиваніи. Буква ѣ, напротивъ, вѣроятно, употреблялась въ русскомъ спискѣ Р. Е. слишкомъ часто, какъ и въ означенныхъ выше болгаро-русскихъ спискахъ, по причинѣ злоупотребленія ея вмѣсто ъ уже въ болгарскомъ оригиналѣ. Это могло подать поводъ послѣднему писцу Р. Е. уничтожить ъ совершенно, хотя въ тоже

время онъ сохранилъ ясные слѣды различія между обѣими полугласными. При его слабомъ знаніи церковнаго языка нельзя и ожидать строгой послѣдовательности правописанія.

Но всего яснѣе обнаруживаетъ послѣдній писецъ шаткое, настоящее валашское знаніе церковнаго языка въ механическихъ искаженіяхъ и въ нарушеніяхъ грамматической правильности. Нѣтъ никакого основанія приписывать ихъ предпослѣднему, а не послѣднему писцу, хотя, можетъ быть, и предпослѣдній списокъ былъ уже не совсѣмъ исправенъ. Къ тому, что сказано объ этомъ прежде (§ 34), прибавимъ одинъ примѣръ. Подъ 6 Декабря значится: пам. с҃тго о҃ца и пр҃ѣпо҃бнаго҃ никжлы. Пр҃ѣподобнаго поставлено вмѣсто *наш҃го* т. е. *нашего*, что даетъ о писцѣ невыгодныя понятія въ разныхъ отношеніяхъ; но онъ еще увеличилъ эту ошибку новымъ искаженіемъ, поставивъ надъ слогомъ го букву ш, по механическому подражанію оригиналу. (*)

Такимъ образомъ характеристическими признаками послѣдняго писца остаются слѣдующія черты: недостатокъ церковнаго образованія, плохое разумѣніе церковнаго языка, слабое знаніе его грамматическихъ формъ, отсюда механическое копированіе и такія-же описки, усвоеніе русизмовъ, и слабость, безхарактерность собственнаго выговора по какому-либо славянскому нарѣчію. Совмѣщенія такихъ качествъ не найдешь ни въ какомъ разрядѣ церковно-славянскихъ памятниковъ, писанныхъ подъ вліяніемъ живаго славянскаго нарѣчія писца, ни въ од-

(*) Г. Ганка изобразилъ это искаженное чтеніе чехо-латинскими буквами: *prъpodobnъjšiho*, — словомъ небывалымъ и невозможнымъ въ церковномъ языкѣ, и *вдвойнѣ* неумѣстнымъ въ настоящемъ случаѣ.

ной славянской странѣ, гдѣ употребленіе церковнаго языка поддерживалось и оживлялось народнымъ языкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ природнымъ смысломъ. Такъ какъ такое состояніе писца предполагаетъ совершенно условное употребленіе церковно-славянскаго языка, какимъ онъ и былъ въ Валахіи, то мы и относимъ послѣдній списокъ Реймскаго Евангелія къ этой странѣ, и вліяніемъ здѣшняго состоянія церковнаго языка объясняемъ вышеозначенныя качества писца, каково бы ни было его народное происхожденіе.

Этимъ заключеніемъ, очевидно, не вполнѣ опровергается послѣсловіе Р. Е.: въ немъ остается сторона, съ которою можно еще связать наше заключеніе. Но, можетъ быть, нѣкоторые защитники послѣсловія, сдѣлавъ уступку нашему заключенію въ-разсужденіи древности рукописи, захотятъ болѣе сблизить его съ послѣсловіемъ, предположивъ, что списокъ сдѣланъ какимъ-нибудь Эммаузскимъ монахомъ, который не привыкъ къ кирилловской письменности. Мы, пожалуй, не стали бы оспоривать у чешскихъ патріотовъ тѣхъ драгоцѣнныхъ качествъ послѣдняго писца Р. Е., какія мы нашли въ его спискѣ: но, по совѣсти, мы не видимъ никакого основанія навязывать ихъ кому-либо изъ Эммаузской братіи. Чешскій писецъ оставилъ бы хотя одинъ ясный слѣдъ своего нарѣчія, и въ глаголитской части Реймскаго Евангелія есть признаки западно-славянскаго нарѣчія, напр. *умивадлница* (стр. 75 по изд. Ганки). Въ Кирилловской же части нѣтъ ни одного. Итакъ, мы остаемся при своемъ заключеніи: Кирилловская часть Реймскаго Евангелія есть копія XIV вѣка, сдѣланная въ Валахіи съ южно-русскаго списка съ средне-болгарскаго оригинала.